

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ДОКЛАДЫ ИДВ РАН 2011

Москва
ИДВ РАН
2012

УДК 908(510)
ББК 26.89(5Кит)
Д63

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Главный редактор
директор ИДВ РАН академик РАН М.Л. Титаренко

Редколлегия:

д.и.н. С.Г. Лузянин (зам. гл. ред.), д.э.н. А.В. Островский (зам. гл. ред.),
д.э.н. В.Я. Портяков (зам. гл. ред.), д.филол.н. А.Е. Лукьянов, д.и.н. П.М. Кожин,
д.и.н. А.В. Ломанов, к.и.н. Д.А. Смирнов, к.полит.н. А.З. Жебин, д.и.н. В.О. Кистанов,
к.и.н. Е.В. Кобелев, к.э.н. И.В. Ушаков

Д63 Доклады ИДВ РАН — 2011. — М.: ИДВ РАН, 2012. — 248 с.
ISBN 978-5-8381-0229-4

В докладах научных работников Института Дальнего Востока РАН, сделанных на заседаниях Ученого совета в 2011 г. и рекомендованных к публикации, представлены наиболее актуальные и значимые в общественно-политическом, социально-экономическом и идеологическом планах темы, связанные с государственно-политической и духовной жизнью Восточной, Центральной Азии и АТР.

Статьи первого раздела отражают этапы развития и характеризуют внутренние проблемы экономической, социальной и идеологической жизни КНР. В разделе втором отражена проблематика международных отношений в регионах.

Третий раздел посвящен научным исследованиям в разных областях обществоведения, осуществляемых учеными института.

УДК 908(510)
ББК 26.89(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0229-4

© ИДВ РАН, 2012

Содержание

КНР: СТРАТЕГИЯ ПОДЪЕМА КИТАЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

- Островский А.В.* Опыт Китая в решении социальных проблем
в условиях перехода к рыночной экономике 4
- Кондрашова Л.И.* Современные споры вокруг
«китайской модели» 20
- Смирнов Д.А.* Политико-идеологические аспекты
модернизации КНР 48

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АТР

- Лузянин С.Г.* Внешняя политика КНР в глобальном
и региональном измерениях 103
- Портяков В.Я.* О некоторых особенностях внешней
политики Китая в 2009—2011 гг. 124
- Трифонов В.И.* Российско-китайское взаимодействие
в контексте современной ситуации в АТР 154
- Кистанов В.О.* Экономические отношения между Россией
и Японией: проблемы и тенденции 168
- Клименко А.Ф.* Военные аспекты сотрудничества
в формате ШОС 180

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ РАЗРАБОТКИ УЧЕНЫХ ИДВ

- Крушинский А.А.* Проблема древнекитайской логики 195
- Виноградов А.В.* Цивилизационное измерение истории
в XXI веке 231

КНР: СТРАТЕГИЯ ПОДЪЕМА КИТАЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

А.В. Островский*

ОПЫТ КИТАЯ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы китайской экономики при переходе от плана к рынку. Одной из основных проблем при переходе к рынку в Китае стало снижение уровня социальной защищенности различных социальных слоев и групп. В последние годы по мере развития рыночных отношений заметно вырос уровень социальной дифференциации, но в целом за годы реформ жизненный уровень населения страны также заметно вырос. При этом в процессе реформы в Китае удалось сохранить инфляцию на приемлемом уровне, так что рост цен на потребительские товары не превышал рост доходов населения в городе и в деревне. В последнее время руководство КНР стало развивать систему социального страхования и распространять ее на жителей китайской деревни, что позволит заметно повысить покупательную способность населения Китая.

Ключевые слова: рыночная экономика, инфляция, денежная масса в обращении, жизненный уровень населения, потребительский рынок, социальная дифференциация, социальное страхование.

Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики в переходный (от плановой экономики) период дал конкретные результаты. За 30 лет реформы достигнуты высокие средние темпы роста валового внутреннего продукта, снижение доли расходов госбюджета в объеме ВВП, значительное увеличение инвестиций в основные производственные фонды и постоянный рост их доли в общем объеме ВВП, а также рост потребительских доходов населения при сохранении низкой инфляции. Однако эти процессы в экономике КНР шли наряду с быстрым ростом в обращении денежной массы М2.

Одной из основных задач реформы стало формирование в стране с плановой экономикой рыночной инфраструктуры. Для решения этого вопроса руководство КНР обратило особое внимание на три основных элемента рыночной инфраструктуры — инвестиционный спрос, внутренний рынок и систему ценообразования. В Китае в ходе проведения экономической реформы было признано, что *товаром являются не только средства производства, но и факторы производства*. Реформа системы ценообразования — это главное при формировании рыночного механизма, где существует рынок капитала, рынок информации и рынок рабочей силы. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и наличие *рынка факторов производства*, таких, как рынок капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и др.

Вместе с тем для развития всех видов рынков — средств производства, предметов потребления и факторов производства — в ходе экономической реформы в КНР основным инструментом был избран контроль над ценообразованием. На первых этапах реформы в 1980—1990-х годах был взят курс на государственный контроль над ценами и сохранение директивных цен на основные сырье и материалы при установлении так называемой «двухколейной» системы цен (*шуангуйчжи цзягэ*). В результате использования двухколейной системы цен китайскому руководству удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля. Опыт Китая в сфере перехода к рынку и либерализации цен показывает, что главным является

* Островский Андрей Владимирович — д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru.

формирование механизма ценообразования в условиях рынка, а также государственный контроль над ценами в условиях наличия монополии покупателя (государственные закупки сельскохозяйственной продукции, торговля факторами производства). Важное значение имеет также опыт сохранения в течение довольно длительного периода времени «двухколейной» системы цен на средства производства, а по мере формирования институциональных основ функционирования рыночного механизма ценообразования — ее устранения.

Как было упомянуто, перечисленные процессы сопровождались быстрым ростом денежной массы M2 в обращении, куда включается не только сумма наличной денежной массы в обращении (M0) плюс сумма текущих счетов на балансе (M1), но и срочные вклады, вклады в сберегательных кассах и прочие депозиты. В результате государственного контроля за денежным обращением и процессами ценообразования темпы инфляции в Китае были чрезвычайно низкими по сравнению с другими странами с переходной экономикой в Восточной Европе и особенно в России. В КНР не побоялись заметно увеличить объем денежной массы в обращении. В частности, в 1994 г. доля денежной массы M2 в ВВП составляла 97,3 % при индексе потребительских цен 124,1, в то время как в 2008 г. доля денежной массы в обращении M2 увеличилась до 157,8 % при индексе потребительских цен всего 105,9, а в 2010 г. — 183,0 % при индексе потребительских цен — 103,3 (табл. 1, 2).

В целом за годы реформы руководству КНР удавалось сдерживать инфляцию. Исключениями стали лишь два периода — 1988—1989 гг. и 1992—1994 гг. Первый период, когда инфляция составила порядка 18 % (относительно невысокий показатель, если иметь в виду, скажем, аналогичные процессы в Восточной Европе), был больше связан с политическими событиями и борьбой внутри китайского руководства. Решался вопрос о переходе к рыночным ценам — сразу их отпустить или постепенно. Однако и такая незначительная инфляция вызвала события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, обернувшиеся применением военных методов.

Таблица 1. Динамика ВВП, прироста денежной массы и объема инвестиций в КНР (1978—2011 гг.)

	1978	1985	1990	1997	2000	2002	2008	2009	2010	2011
ВВП (млрд ю)	346,5	901,6	1866,8	7897,3	9921,5	12033,3	30067,0	33535,3	39798,3	47200
Денежная масса (M2) (млрд ю)	1529,3	9099,5	13461,0	18500,7	47516,6	60600	72600	85200
Доля M2 в ВВП (%)	81,9	115,2	135,7	153,7	157,8	180,7	183,0	180,5
Денежная масса (M1)	695,0	3482,6	5314,7	7088,2	16621,7	22000	26700	...
Доля M1 в ВВП (%)	37,2	44,1	53,6	58,9	55,3	65,6	67,0	...
Наличная денежная масса в обращении (M0) (млрд ю)	264,4	1017,8	1465,3	1727,8	3421,9	3824,6	4500	...
Доля M0 в ВВП (%)	14,2	12,9	14,8	14,4	11,3	11,4	11,3	...
Расходы госбюджета (млрд ю)	112,2	200,4	308,4	923,4	1588,6	2205,3	6242,7	7587,4	8957,5	10893,0
Доля расходов госбюджета в ВВП (%)	32,4	22,2	16,5	11,7	16,0	18,3	28,0	22,6	22,5	23,1
Объем инвестиций в основные производственные фонды (млрд ю)	...	254,3	451,7	1704,2	2494,1	3291,8	4350,0	17229	22485	31100
Доля инвестиций в ВВП (%)	...	28,2	24,2	35,4	31,6	33,2	36,2	57,3	67,0	65,9

Составлено по: Чжунго тунци няньцзянь — 2006. С. 57, 772, 281, 188; Чжунго тунци чжайю — 2008. С. 10, 53, 68, 80; 2010-нянь гоминь цзинци юньсин тайши цзунти лянхао (Общие показатели изменения ситуации в национальной экономике в 2010 году), ГСУ КНР, 20 января 2010 г.; Доклад председателя Госсовета КНР Вань Цзябао на 5-й сессии ВСНП (март 2012 г.).

Таблица 2. Динамика изменений роста цен и уровня жизни населения в КНР (1978—2011 гг.) (в % к предыдущему году)

Год	Прирост ВВП	Прирост номинальной заработной платы	Прирост доходов городского населения	Прирост доходов сельского населения	Индекс потребительских цен	Индекс товарных розничных цен	Индекс оптовых цен на промышленные товары
1978	11,7	6,8			100,7	100,7	100,1
1979	7,6	8,6	15,7	19,2	101,9	102,4	101,5
1980	7,8	14,1	9,7	16,6	107,5	106,0	100,5
1981	5,2	1,3	2,2	15,4	102,5	102,4	100,2
1982	9,1	3,4	4,9	19,9	102,0	101,9	99,8
1983	10,9	3,5	3,9	14,2	102,0	101,5	99,9
1984	15,2	17,9	12,2	13,6	102,7	102,8	101,4
1985	13,5	17,9	1,1	7,8	109,3	108,8	108,7
1986	8,8	15,8	13,9	3,2	106,5	106,0	103,8
1987	11,6	9,8	2,2	5,2	107,3	107,3	107,9
1988	11,3	19,7	-2,4	6,4	118,8	118,5	115,0
1989	4,1	10,8	0,1	-1,6	118,0	117,8	118,6
1990	3,8	10,6	8,5	1,8	103,1	102,1	104,1
1991	9,2	9,3	7,1	2,0	103,4	102,9	106,2
1992	14,2	15,9	9,7	5,9	106,4	105,4	106,8
1993	14,0	24,3	9,5	3,2	114,7	113,2	124,0
1994	13,1	34,6	8,5	5,0	124,1	121,7	119,5
1995	10,9	21,2	4,9	5,3	117,1	114,8	114,9
1996	10,0	12,9	3,8	9,0	108,3	106,1	102,9
1997	9,3	4,2	3,4	4,6	102,8	100,8	99,7
1998	7,8	6,6	5,8	4,3	99,2	97,4	95,9
1999	7,6	11,6	9,3	3,8	98,6	97,0	97,6
2000	8,4	12,3	6,4	2,1	100,4	98,5	102,8
2001	8,3	16,0	8,5	4,2	100,7	99,2	98,7
2002	9,1	14,3	13,4	4,8	99,2	98,7	97,8
2003	10,0	13,0	9,0	4,3	101,2	99,9	102,3

Окончание табл. 2

Год	Прирост ВВП	Прирост номинальной заработной платы	Прирост доходов городского населения	Прирост доходов сельского населения	Индекс потребительских цен	Индекс товарных розничных цен	Индекс оптовых цен на промышленные товары
2004	10,1	14,1	7,7	6,8	103,9	102,8	106,1
2005	10,4	14,6	9,6	6,2	101,8	100,8	104,9
2006	11,6	14,4	10,4	7,4	101,5	101,0	103,0
2007	13,0	18,7	12,2	9,5	104,8	103,8	103,1
2008	9,0	17,2	8,4	8,0	105,9	105,9	106,9
2009	8,7	12,0	9,8	8,5	99,3	98,8	94,6
2010	10,3	...	7,8	10,9	103,3	104,6	105,5
2011	9,2	17,9	105,4

Составлено по : Чжунго тунци чжайяо — 2008. С. 22, 47, 48, 92, 109; Чжунго тунци няньцзянь — 2010; 2010-нянь гоминь цзинци юньсин тайши цзунти лянхао (Общие показатели изменения ситуации в национальной экономике в 2010 г.). ГСУ КНР, 20 января 2010 г.; Доклад премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 5-й сессии ВСНП (март 2012 г.); Чжунго тунци чжайяо — 2011. С. 104.

В то же время всплеск инфляции в 1992—1994 гг. был в большей степени связан с быстрым ростом инвестиций в основные производственные фонды, которые не были обеспечены соответствующей продукцией. Тем не менее, китайским реформаторам удалось с помощью экономических мер стабилизировать ситуацию в стране. Была проведена налоговая реформа, создана система «двойного бюджета» — регулярного государственного бюджета и инвестиционного бюджета на новое строительство, проведена реформа в области труда и зарплаты, в результате которой пришлось сократить избыточный персонал с предприятий общественных форм собственности — государственных и коллективных. Все это способствовало переливу рабочей силы из одних отраслей в другие, темпы роста заработной платы стали соответствовать темпам роста производительности труда, в стране появилось большое количество предприятий необщест-

венных форм собственности, которые стали составлять конкуренцию предприятиям общественной собственности.

В целом в ходе перехода к рыночной экономике в КНР удалось сдержать инфляцию под контролем, несмотря на быстрый рост доли денежной массы в обращении (M2) по отношению к ВВП. Но, как показывают данные табл. 1, в ходе реформы руководству КНР удалось обеспечить стабильность многих других экономических показателей, благодаря которым в стране сохранялись низкие темпы инфляции, временами переходящие даже в дефляцию, например, в 1998—2002 гг.

За годы реформ в Китае удалось обеспечить три важных показателя, сдерживающих рост инфляции в стране — долю наличной денежной массы в обращении (M0) к ВВП на уровне 13—15 %, а в дальнейшем снизить до 11—12 %, долю расходов госбюджета в ВВП на уровне 17—19 % (при вынужденном антикризисном росте доли государственных расходов в 2008—2009 гг.) и увеличение доли инвестиций в основные производственные фонды с 24,2 % ВВП в 1990 г. до 57,3 % в 2008 г. и почти до 65—67 % объема ВВП (в рамках принятых антикризисных мер) в последующие 2009—2011 гг. Кроме того, в Китае сохраняется нормальное соотношение между процентами на депозит и банковским процентом за кредит. В 1998 г. по текущим депозитам процент составлял 1,71 % в год, на 5 лет — 6,66 % в год, банковский процент по краткосрочному кредиту составлял 7—8 %, а долгосрочному — 9—10,5 %. В конце 2008 г. как проценты на депозит, так и банковский процент по кредиту заметно снизились, и по текущим депозитам к концу года процент составлял всего 0,36 % в год, на 5 лет — 3,60 % в год, в то время как банковский процент по краткосрочному кредиту составил — 4,86—5,31 %, а по долгосрочному — 5,40—5,94 %. В этих условиях избыточная денежная масса пошла не на потребительский рынок, а либо на банковские депозиты, либо на рынок инвестиционных товаров, что позволило снизить банковскую учетную ставку в среднем не выше 6 % годовых, сдержать инфляцию и обеспечить дополнительный прирост производственных мощностей. Все эти меры, в конечном счете, способствовали быстрому росту производства продукции и увеличению экспортного потенциала страны.

Более того, как показывают статистические данные по доходам и расходам финансовых учреждений за 2009 г., определяющим фактором в стабильности финансовой системы КНР является наличие огромной массы вкладов населения и предприятий на банковских депозитах — свыше 75 % всех кассовых доходов финансовых организаций и учреждений. В то же время значительную часть кассовых расходов составляют платежи другим финансовым организациям и учреждениям с имеющихся огромных денежных сумм на банковских депозитах — 76,7 %, как показано на табл. 3 и 4.

Таблица 3. Кассовые доходы финансовых организаций в КНР в 2008—2009 гг.

Статьи доходов	2008 год		2009 год	
	трлн юаней	%	трлн юаней	%
Итоговые доходы	80,8	100	86,6	100
Доходы с продаж товаров	6,8	8,4	6,9	8,0
Доходы с продаж услуг	2,8	3,5	2,8	3,2
Доходы с налогов	0,52	0,6	0,53	0,6
Доходы от частного бизнеса в городе и деревне	2,2	2,7	2,2	2,5
Доходы с банковских депозитов	60,2	74,5	65,1	75,2
в том числе: депозиты населения	21,8	27,0	26,1	30,1
Доходы от других финансовых организаций	0,18	0,22	0,17	0,20
Доходы от возврата кредитов населением	1,34	1,7	1,45	1,7
Доходы с валютных переводов	0,47	0,58	0,46	0,53
Доходы от ценных бумаг	0,07	0,09	0,07	0,08
Прочие доходы	6,2	7,7	6,9	8,0
в том числе: от обмена валюты	0,77	0,95	0,8	0,92

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 2010. С.734, 342.

Главной целью китайской экономической реформы была отнюдь не либерализация экономики как самоцель, а повышение жизненного уровня постоянно растущего населения страны

Таблица 4. Кассовые расходы финансовых организаций в КНР в 2008—2009 гг.

Статьи доходов	2008 год		2009 год	
	трлн юаней	%	трлн юаней	%
Итоговые расходы	81,1	100	87,0	100
На заработную плату	4,2	5,2	4,2	4,8
Закупка продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов	1,6	2,0	1,5	1,7
Административно-управленческие расходы правительственных органов	1,3	1,6	1,1	1,3
Расходы на частный бизнес в городе и деревне	3,3	4,1	3,2	3,7
Платежи другим финансовым организациям	60,7	74,8	66,7	76,7
Расходы по депозитам	2,8	3,5	2,7	3,1
Расходы на кредиты населению	1,9	2,3	1,6	1,8
Расходы по валютным переводам	0,9	1,1	1,0	1,1
Расходы на закупки промышленной продукции и сырья	0,27	0,33	0,25	0,29
Расходы по ценным бумагам	0,08	0,1	0,07	0,08
Прочие доходы	5,7	7,0	6,1	7,0

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 2010. С. 734, 342.

на базе всестороннего развития производства. При этом государство освобождало себя от постоянного контроля за деятельностью экономических агентов, причем делалось это постепенно, по этапам, в течение многих лет. Параллельно государство по-прежнему сохраняло контроль за основными отраслями экономики (топливно-энергетические отрасли, транспорт, банковское дело) с помощью различных экономических рычагов. Тем самым за счет фиксированных цен на продукцию этих отраслей обеспечивались (прежде всего, на первых этапах реформы) возможности для создания предприятий различных форм собственности и стимулирования рыночной конкуренции между ними. Лишь после того, как была сформирована конкурентная

среда в той или иной отрасли экономики, государство начинало освобождать цены на основные средства производства.

Китайским реформаторам удалось с середины 1990-х годов с помощью экономических мер стабилизировать ситуацию в стране. Была проведена налоговая реформа, создана система «двойного бюджета» — регулярного государственного бюджета и инвестиционного бюджета на новое строительство, проведена реформа в области труда и зарплаты, в результате которой пришлось сократить избыточный персонал на предприятиях общественных форм собственности — государственных и коллективных.

В теории системы распределительных отношений были разработаны четыре основных тезиса: 1) о возможности значительно повышения доходов для отдельных категорий населения; 2) о проведении политики оптимальной эффективности с учетом принципа социальной справедливости; 3) о распределении доходов в зависимости от участия факторов производства при сохранении принципа распределения по труду в качестве основного; 4) о создании многообразной системы социального обеспечения для трудящихся.

Выдвинутый руководством КНР курс на всемерное расширение внутреннего спроса в значительной степени связан с возможностями реализации четырех вышеупомянутых задач. Относительно низкий уровень доходов населения Китая и недостаточно развитая система социального обеспечения, особенно в сельской местности, приводят к тому, что население привыкло ограничивать свои расходы, и доля сбережений населения в объеме ВВП в настоящее время крайне высока — около 78 %. Расширение внутреннего рынка при ограничении экспортных возможностей в условиях кризиса возможно только на пути роста доходов населения и увеличения доли потребления в национальном доходе страны.

Использование «двухколейной» системы цен в Китае в процессе перехода от плановой к рыночной экономике при сохранении относительно высокой доли расходной части государственного бюджета в ВВП также во многом способствовало сохранению инфляционных процессов в стране под контролем. В самом деле, лишь в отдельные годы индексы потребитель-

ских, товарных и оптовых цен были выше прироста заработной платы и доходов населения (табл. 2).

Однако при этом по всей стране доля рыночных цен неуклонно увеличивалась, а доля устанавливаемых (*чжилинсин*) государством и регулируемых (*чжидаосин*) государством цен неуклонно сокращалась. В начале XXI века сохранялись устанавливаемые и регулируемые государством цены в основном в отраслях естественных монополий, таких, как линии электропередач и распределение электроэнергии, местная телефонная связь и оптово-волоконная сеть, почтово-телеграфная сеть, система навигационного слежения и контроля в гражданской авиации, железнодорожная информационная сеть и сеть монорельсовых дорог, сеть водоснабжения и система газопроводов.

В результате принятых за последние годы мер по развитию рыночной инфраструктуры в экономике были достигнуты заметные успехи в реформе системы ценообразования и инвестиционной политике. Несмотря на резкий рост инвестиций в основные производственные фонды, руководству страны удалось сохранить низкий рост цен и опережающий рост доходов населения. Таких результатов удалось добиться благодаря созданию рыночной инфраструктуры в экономике: в ней стали более полно проявляться действия рыночного механизма, формирующего основные приоритеты развития и обеспечивающего сочетание интересов государства, предприятия и отдельной личности. Как видно из табл. 5, за 20 лет достигнут значительный рост жизненного уровня как сельского, так и городского населения, который выражается не только в увеличении денежных доходов. Произошло и качественное повышение жизненного уровня, что связано, в частности, со снижением коэффициента Энгеля (доля расходов на питание), увеличением количества имеющихся в собственности транспортных средств, телевизоров, компьютеров, ростом вкладов в банках, расширением доступа населения к газоснабжению и водопроводу. Тем не менее, согласно разработанному в конце 1980-х годов показателю ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала), определяющему уровень развития страны по трем компонентам (средняя ожидаемая продолжительность жизни, средняя и ожидаемая продолжительность обучения и по-

Таблица 5. Основные показатели роста жизненного уровня населения Китая с 1990 по 2010 г.

Основные показатели	1990	2000	2008	2009	2010
Доходы на душу населения в городе (юани)	1510	6280	15781	17175	19109
Доходы на душу населения в деревне (юани)	686	2253	4761	5153	5919
Вклады на душу населения в банках (юани)	623	5076	16407	19537	22634
Коэффициент Энгеля					
в городе	54,2	39,4	37,9	36,5	35,7
в деревне	58,8	49,1	43,7	41,0	41,1
Количество автомобилей на 100 человек в городе		0,5	8,83	10,89	13,1
Количество мотоциклов на 100 человек в деревне	0,89	21,94	52,45	56,64	59,0
Количество мобильных телефонов на 100 человек	0,002	6,77	48,53	56,27	162,7
Охват населения системой газоснабжения	19,1	45,4	89,6	91,4	
Охват населения водопроводной системой	48,0	63,9	94,7	96,1	
Количество цветных телевизоров на 100 семей					
в городе	59,0	116,6	132,9	135,7	137,4
в деревне	4,7	48,7	99,2	108,9	111,8
Количество компьютеров на 100 семей					
в городе		9,7	59,3	65,7	71,2
в деревне		0,5	5,4	7,5	10,4
Доля продолжающих образование (%)					
поступающих в вузы из полной средней школы	27,3	73,2	72,7	77,6	83,3
поступающих в полную среднюю школу из начальной средней школы	40,6	51,2	83,4	85,6	87,5
поступающих из начальной в неполную среднюю школу	74,6	94,9	99,7	99,1	98,7

Источник: Чжунго тунци няньцзянь — 2010. С. 340, 341; Чжунго тунци чжайяо — 2011. С. 171.

казатель ВВП на душу населения) Китай в 2010 г. находился на 93-м месте. Это ниже уровня Туркменистана и Доминиканской Республики, и лишь слегка выше, чем показатели Шри-Ланки и Таиланда. Такое положение связано в первую очередь с огромным населением — примерно 1,340 млрд человек, при котором к даже 2-е место в мире по объему ВВП не гарантирует высокого показателя ИРЧП при таком огромном населении.

Средняя заработная плата рабочих и служащих составила 36 539 юаней на 1 человека в год (2010 г.). При этом заработная плата заметно отличается по формам собственности, отраслям народного хозяйства и регионам. Средний годовой доход для жителей городов и поселков — 19 109 юаней на душу населения в 2010 г. Среднедушевой чистый доход сельских жителей — 5919 юаней в год. Коэффициент Энгеля для городского и сельского населения (доля расходов на питание в совокупных доходах семьи) составляет соответственно 35,7 и 41,1 %. В последние годы заметно выросли затраты семей на покупку предметов потребления длительного пользования (включая компьютеры и легковые автомашины), на получение образования, покупку жилья и медицинское обслуживание.

При этом постоянно увеличивается разрыв в доходах между богатыми и бедными. Соотношение доходов между 10 % населения с наименьшими доходами и 10 % с наивысшими доходами (коэффициент Джини) вырос за годы реформ с 0,33 в 1980 г. до 0,45 в 2000 г. и 0,415 в 2010 г.

Для сдерживания дифференциации доходов в 2006 г. был повышен необлагаемый подоходным налогом порог с 800 до 1600 юаней в месяц на человека (со 100 до 200 долл.), а в дальнейшем был доведен до 2000 юаней в месяц и в 2011 г. до 3500 юаней в месяц. Общий объем денежных сбережений у населения Китая составил 30,3 трлн ю., или 22 634 юаней (примерно 3650 долл.) на 1 человека.

На наш взгляд, важным индикатором является доля расходов в государственном бюджете на образование и здравоохранение. Если брать этот показатель, то мы увидим, что доля расходов на образование и здравоохранение в КНР неуклонно росла с начала 80-х годов — 12,9 % всех расходов госбюджета в 1980 г.,

21,5 % — в 1996 г. и 23,1 % — в 2009 г., что намного больше, чем на Тайване (в 1994 г. — 15,5 %)¹.

К этому следует добавить введение обязательного 9-летнего школьного образования, хотя выборочные социологические опросы еще показывают небольшой рост доли неграмотных в общем составе населения в возрасте свыше 15 лет : 6,72 % — в 2000 г. и 7,1 % — в 2009 г. (*Чжунго тунци няньцзянь — 2010*. С. 98, 110). Вместе с тем, как показывают данные в табл. 5, достаточно большая доля ребят остается продолжать образование — 99 % среднее образование (9 классов), 86 % — полное среднее (12 классов) и 76 % — высшее.

Особо следует отметить характерный для КНР (особенно для последней четверти прошлого века) сравнительно низкий удельный вес расходов по фонду социального страхования и пенсионному фонду. Как показывают статистические данные, удельный вес расходов на социальные нужды в ВВП Китая как был невелик до реформы (0,3 % в — 1970 г. и 0,5 % — в 1978 г.), так и остался на этом уровне 1980—1990-е годы (0,2—0,3 % ВВП). Дело в том, что в отличие от бывшего СССР лишь незначительная часть китайского населения пользовалась различными льготами по социальному страхованию непосредственно из госбюджета. В частности, бесплатным медицинским обслуживанием могли пользоваться только занятые в государственном секторе кадровые работники (*ганьбу*), работники науки, образования, здравоохранения и культуры. Рабочие и не имеющие высшего и среднего специального образования служащие пользовались услугами по социальному страхованию (пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, материальная помощь) только за счет собственных средств предприятия. То же самое относится и к огромной массе китайского крестьянства, на которое распространяется «система пяти обеспечений» за счет местных средств. Расходы по фонду социального страхования из государственного бюджета как раньше, так и теперь включают в себя пенсии для инвалидов и членов семей, пенсии по потере кормильца, пенсии для ветеранов труда. Сюда же относятся последней четверти прошлого века общие расходы государства по социальному страхованию (медицинское обслужи-

вание, оплата бюллетеней и отпусков для служащих государственного сектора) и расходы по фонду для пострадавших от стихийных бедствий, а также по категории «прочие расходы».

Однако в XXI веке стал происходить заметный рост доли расходов государственного бюджета на цели социального страхования. В частности, в 2009 г. расходы на социальное страхование, включая страхование для безработных, составили 785,1 млрд ю. (или 10,0 % расходов консолидированного государственного бюджета КНР). А если к этим расходам добавить расходы бюджета на образование — 987 млрд ю. (16,7 % расходов) и здравоохранение — 393 млрд ю. (6,4 %), то общая доля расходов на социальную сферу (без учета расходов на науку и технику, культуру, спорт и средства массовой информации, а также на охрану окружающей среды) составила примерно треть всех расходов государственного бюджета КНР (*Чжунго тунци няньцзянь — 2010. С. 294—295*).

В результате в 2009 г. системой городского пенсионного обеспечения пользовалось 235,5 млн человек, системой страхования по безработице — 127,2 млн, системой медицинского страхования в городах — 164 млн, страхования от несчастных случаев на производстве — 149,0 млн чел. и системой страхования при родах — 108,8 млн человек (*Чжунго тунци няньцзянь — 2010. С. 910*). Безусловно, одной из основных проблем Китая является расширение системы социального страхования на уровень сельской местности и проживающих там крестьян, и, судя по всему, по мере роста урбанизации эта проблема также будет постепенно решаться. На наш взгляд, уровень охвата системой социального страхования пока еще не очень высок по причине огромной численности населения страны, но уровень социального страхования в городе значительно выше, чем был до начала реформы. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в Китае действительно реализуется модель развития «социализма с китайской спецификой» (*Чжунго тэсэ шэньхуэйчжун*), которая коренным образом отличается от социалистической системы в СССР и стран Восточной Европы.

На пресс-конференции после 5-й сессии ВСНП (март 2012 г.) Вэнь Цзябао заявил, что в последний год полномочий

нынешнего руководства страны предполагается решить пять основных проблем, которые связаны с ростом жизненного уровня населения и совершенствованием социальной политики, развитием потребительского рынка, отходом от одностороннего развития экспорта и наращиванием инвестиций. Это: 1) разработка генерального плана по реформе системы доходов; 2) создание системы компенсаций при изъятии земельных участков у крестьян; 3) охват городского и сельского населения системой страхования по старости; 4) налаживание помощи нуждающимся районам по новым критериям; 5) повышение доли расходов из государственного бюджета на образование до 4 % ВВП².

Однако, как показывают результаты проводимых в Китае многочисленных социологических обследований, с 1990-х годов по мере развития рыночных отношений происходило усиление социальной дифференциации. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов в городе (405 ю. в 1978 г. и 23 979 ю. в 2011 г.) и в деревне (138 ю. в 1978 г. и 6977 ю. в 2011 г.). С другой стороны, постоянно увеличивался разрыв в доходах между бедными и богатыми.

Тем не менее, несмотря на усиливающуюся социальную дифференциацию в китайском обществе, жизненный уровень китайского населения в целом вырос, о чем свидетельствует постоянное улучшение жилищной обеспеченности населения в стране — примерно 27 кв. м на человека. В дальнейшем будет по-прежнему происходить рост жизненного уровня населения Китая в городе и в деревне не только за счет роста номинальных доходов населения, но и за счет низких темпов инфляции — 3—4 % годовых.

Примечания

¹ См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1981. С. 397; Чжунго тунци няньцзянь — 1996. С. 234; Чжунго тунци няньцзянь — 2009. С. 294—295; *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М., 1999. С. 210.

² См.: URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-03/15/content_24904033.htm

Л.И. Кондрашова*

СОВРЕМЕННЫЕ СПОРЫ ВОКРУГ «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ»

Аннотация. В докладе представлены точки зрения китайских и иностранных ученых относительно существования и содержания «китайской модели» как специфического пути политических и экономических реформ. Их можно сгруппировать в три основные позиции: 1) китайская модель «не дотягивает» до общепринятых западных стандартов рыночной экономики, и всякие разговоры о ней просто бессмысленны; 2) китайская модель («Пекинский консенсус») служит альтернативой «Вашингтонского консенсуса» и может рассматриваться как вызов американской мировой гегемонии; 3) китайская модель — сугубо национальный вариант перехода к рыночной экономике, который дал эффект, но не может служить эталоном развития для других стран. Сопоставляются следующие определения характера современного китайского общества: капитализм с китайской спецификой, государственный капитализм, социализм с китайской спецификой, рыночный социализм.

Ключевые слова: китайская модель, социализм, капитализм, «Вашингтонский консенсус», «Пекинский консенсус».

Термин «китайская модель» начал «входить в моду» с 2002 г., когда на ХУ1 съезде КПК было заявлено о переносе тя-

жести всей партийной и государственной работы на решение социальных проблем. Но особой популярностью он стал пользоваться после публикации Лондонским центром международной политики в мае 2004 г. доклада Дж. Рамо (консультанта крупной американской инвестиционной компании «Голдман Сакс» и по совместительству профессора китайского университета Циньхуа) под названием «Пекинский консенсус: комментарии по поводу новой физики китайского могущества»¹.

В развернувшейся после выхода работы Рамо научной дискуссии приняли участие как китайские, так и иностранные специалисты. Этот вопрос затрагивался в ходе целого ряда научных совещаний, в частности, на Азиатском форуме в Боао в ноябре 2003 г., на специально посвященном «Пекинскому консенсусу» и китайской модели развития симпозиуме в августе 2005 г. в Китае. Эта проблема обсуждалась на ХУП съезде КПК в 2007 г.

Вторая стадия дебатов совпала с начавшимся в 2008 г. глобальным финансово-экономическим кризисом, который поставил под сомнение западную модель развития по неолиберальным рецептам. В своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 30-летию 3-го пленума ЦК КПК в декабре 2008 г., Ху Цзиньтао отметил, что в мире нет трафаретных моделей развития, пригодных для всех стран, что Китай должен постоянно совершенствовать свою модель развития в соответствии с изменениями во внутренней и внешней обстановке. Два последних года оказались очень богатыми на разного рода публикации по теме «китайской модели» — как в Китае, так и за рубежом. В российской синологии тематике «китайской модели» посвящены монографии Я.М. Бергера², А.В. Виноградова³, А.В. Островского⁴. Свой подход к трактовке «китайского пути» автор предприняла в монографии 2006 г.⁵

Данный доклад основывается на материалах, полученных в ходе поездки в Китай в ноябре 2010 г., когда удалось принять участие в 4-м Форуме синологических исследований в Шанхае (далее Шанхайский форум) и познакомиться с последними публикациями в библиотеке Шанхайской академии общественных наук. Использованы также материалы российско-китайской конференции «Экономика и общество в странах переходного

* Кондрашова Людмила Ивановна — д.э.н. E-mail: kondrashova@ifes-ras.ru.

типа» (на базе Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов и Шанхайского финансово-экономического университета). Были привлечены и высказывания китайских ученых, помещенные в китайском Интернете.

* * *

Вопрос о *существовании «китайской модели»* до сих пор остается дискуссионным. В Китае сам термин «Пекинский консенсус» был встречен с определенной настороженностью из-за его «иностранного происхождения» и скрытого подтекста относительно «китайского вызова». Может быть, по этим причинам в ходе развернувшихся дискуссий предпочтение было отдано индифферентному термину «китайская модель», который не только заменил двусмысленное понятие «консенсус», но и заметно потеснил прежние идеологемы в виде «социализма с китайской спецификой», «гармоничного развития» и даже «общества сяокан».

Существующий разброс мнений по поводу наличия «китайской модели» научный сотрудник Института Евразии ШАОН Ху Цзянь представил следующим образом: 1) позиция «полного отторжения» (*буйонлунь*); 2) позиция «осторожного применения» (*шэньюнлунь*); 3) позиция «безоговорочного принятия» (*биюнлунь*)⁶.

Как показывает анализ, число скептиков в отношении существования «китайской модели» невелико. Чаще всего это — иностранные ученые, в том числе и китайского происхождения. Например, профессор Университета Дж. Хопкинса (США) Д. Лэмpton считает, что надо говорить не о модели, а просто о способе, позволяющем китайскому народу, составляющему 20 % населения планеты, вступить в качественно новую стадию развития⁷. На Шанхайском форуме ряд иностранных докладчиков также выразили свое неприятие этого научного нововведения. Так, профессор Чикагского университета Тань Чун обозначил свою позицию следующим образом: «Я думаю, — сказал он, — что полезнее исследовать цивилизационные последствия устойчивого развития Китая и не пытаться разработать некую

“китайскую модель” в геополитическом ракурсе».⁸ Представитель Японии на Конгрессе Кацзуко Мори утверждал, что хотя Китай за годы реформ добился явных успехов, они не были в должной мере институционализированы. Избегая употребления термина «китайская модель», он предложил рассматривать Китай в азиатском контексте с трех основных позиций: 1) как социалистическую страну; 2) как развивающуюся страну; 3) как страну с длительными имперскими традициями⁹.

Как считает вышеупомянутый Ху Цзянь, отрицание самого существования модели свойственно, в первую очередь, тем лицам, которые в своих оценках современного состояния Китая ориентируются на глобальные тенденции и западные ценности. С их точки зрения, поскольку «китайская модель» явно «не дотягивает» до общепринятых западных стандартов рыночной экономики, всякие разговоры о ней просто бессмысленны.

Бывает и так, что с этой позицией солидаризируются ученые антилиберального направления, которые усматривают в термине «китайская модель» заигрывание перед Западом. По мнению Цяо Синьшэна, «такие термины, как “Пекинский консенсус”, “китайский путь”, “китайская модель” предназначены для того, чтобы втиснуть китайские реалии в западную систему координат..., что свидетельствует об отсутствии у некоторых представителей китайской науки должного уважения к самим себе»¹⁰.

Некоторые оспаривают существование модели, ссылаясь на переходный характер китайского общества. С их точки зрения, «модель» — это нечто целостное, уже сложившееся, а Китай «переходит речку по камушкам», постоянно нащупывает свой путь.

Находятся и такие, которые не воспринимают «китайскую модель» из-за опасений рецидива той «пошлой самобытности», которая была свойственна кампаниям «большого скачка» и «культурной революции» (о такой позиции Чэнь Цзымин несколько позже).

Аналитики «осторожного склада», не отрицая наличия самой специфической модели, стараются избегать категоричных выводов и прогнозов, дабы не вдаваться в полемику по поводу западных ценностей, что может восприниматься как «вызов Западу» (не стоит «дразнить гусей»).

Третья (в изложении Ху Цзяня) позиция категоричного «за», к которой он относит и самого себя, позволяет, по его мнению, правильно оценить настоящее и предугадать будущее Китая и к тому же способна представлять интерес для развивающихся стран. При этом Ху Цзянь отнюдь не отрицает дальнейшую эволюцию модели. Однако «ядро», или «костяк», модели должно остаться неизменным. Он также предлагает отделять чисто китайские элементы от общезначимых, не имеющих сугубо китайского оттенка.¹¹

Разного рода суждения относительно наличия или отсутствия «китайской модели», а также ее содержания коррелируют с разными толкованиями самого термина «модель» в обществоведческой литературе. Если придерживаться подхода к «модели» как к определенному набору методов управления хозяйственными процессами, каждая страна может претендовать на свою самостоятельную «модель», а сама «модель» выступает как слепок данного общества, комплекс составляющих его институтов¹². Конкурирующие на международной арене национальные модели могут иметь более или менее законченный вид, могут отличаться продолжительностью своего существования и многими другими параметрами. Тем не менее, ссылки на переходный характер социально-экономических процессов не могут служить предлогом для отказа от самой логики моделирования. В конце концов, существование какой-либо законченной, совершенной модели вообще исключено, в любой стране и на любом временном отрезке легко найти поводы для изменений и совершенствований.

Если же относиться к «модели» не как к определенной данности, а как продукту социальной инженерии, термин приобретает значение образца, выполняет нормобразующую функцию. В первом случае «модель» — это объективная реальность, формула страновой специфики, во втором случае — это целевой проект, который чаще всего имеет вид некоего чернового варианта цели развития. Здесь уже резонны споры о том, существует ли национальная модель или отсутствует, насколько ее можно считать сложившейся и «образцовой», ординарной или идеальной.

* * *

Проблемой «китайской модели» серьезно занимаются в Центре международных и китайских исследований при Пекинском университете. Сотрудник этого Центра Пань Вэй уже в 2009 г. предложил рассматривать «китайскую модель» как сочетание трех субмоделей — экономической, политической и социальной, причем цепь своих рассуждений он начинает с социальной модели, переходя от нее к политической, а затем к экономической¹³. Ху Цзянь, выделяя статью Пань Вэя из всех других, посвященных «моделированию» Китая, считает необходимым дополнить этот перечень еще двумя компонентами — культурной моделью (или субмоделью) и геополитической.

В *экономической модели* Пань Вэй отмечает 4 главных столпа:

- 1) государственный контроль за использованием земли, т. е. фактически общественная собственность на землю (*туда гуню*) при частном (индивидуальном) владении;
- 2) государственная собственность в отношении крупных производственных предприятий. И главных финансовых учреждений (государственный контроль над финансовыми потоками);
- 3) свободный рынок рабочей силы, который можно считать одним из самых либерализованных во всем мире. Главные субъекты рынка — семейные, коллективные средние и мелкие предприятия, имеющие право свободного найма рабочих;
- 4) высококонкурентный рынок товаров и капиталовложений, сделавший Китай крупнейшей мировой базой товарного производства.

По мнению Пань Вэя, в экономической сфере были сняты оковы советской, а также классической марксистской теории. Было преодолено противоречие между государственной и частной (народной) собственностью. Частный сектор начал развиваться без разрушения государственного. Сочетание государственной и частной собственности дает основание квалифицировать «китайскую модель» как *«гоминь моши»*, т. е. государственно-частная модель. *«Гоминь моши»* — это не советская продуктообменная модель с полным доминированием государственной собственности, но

это и не рыночная капиталистическая модель, поскольку частная собственность тоже не главенствует.

От плановой системы Китай получил два ценных наследства — государственный контроль над землей и систему крупных предприятий. Государственная монополия на землю имела ряд благоприятных последствий:

1) предотвратила концентрацию земли в руках немногих лиц и позволила обеспечить равный доступ крестьян к земле в соответствии с лозунгом «каждому пахарю свою землю», в результате было достигнуто довольно справедливое распределение средств производства;

2) освободила производителей от высоких цен на землю, что понизило себестоимость промышленной продукции и строительства;

3) позволила в целом поддерживать систему низкого налогообложения (в отличие от ряда капиталистических государств, где высокое благосостояние сочетается с высоким налогообложением);

4) обеспечила поддержание социальной стабильности, особенно в деревне.

Китайскую политическую модель Пань Вэй характеризует как «*миньбэнь*», термин, который синонимичен термину «миньчжу» (демократия), но несколько шире его. Исходя из этимологии этих слов, «народ-хозяин» («*миньчжу*») выступает в роли носителя власти, а «народ как основа» («*миньбэнь*») может быть и субъектом, и объектом власти. Два понятия — демократия и гуманизм — сливаются в одно целое. Модель «*миньбэнь*» в изложении Пань Вэй имеет четыре главных составляющих компонента:

1) утверждение принципов современного гуманизма (*миньбэнь чжуи*):

2) конкурсный набор работников административного аппарата;

3) существование современных политических и общественных организаций;

4) специфический механизм должностных назначений и оценки работы работников правительственных учреждений «по заслугам».

Как можно заметить, в этом перечне отсутствуют упоминания и об авторитарном характере власти, и об однопартийной системе, и об особом отношении в представительной демократии. Особое внимание Пань Вэй уделяет методу принятия правительственных решений и их доведению до исполнителей. Этот метод он называет «*гунгэйчжи*» по аналогии с экономической системой «централизованные поступления и централизованное распределение» (планово-директивная система). Все основные решения принимаются наверху, и их прохождение сверху-вниз осуществляется под контролем государства. Инициативы снизу не исключены, но переход от инициатив к правительственным документам требует процедуры государственной апробации и санкции на распространение.

Профессор Женевского университета Чжан Вэйвэй в статье «Китайская модель» как «самая неплохая» в перечне специфических черт китайской модели на первое место ставит наличие относительно эффективного правительства с довольно сильными модернизаторскими устремлениями, которое оказалось в состоянии разработать долгосрочную стратегию реформ в интересах народа и и приложило необходимые усилия для их реализации. Стратегия была ориентирована на создание социалистической рыночной экономики, что позволило сочетать повышение экономической эффективности и социальной справедливости. Важное место занял подъем народного благосостояния, ликвидация бедности, сбалансирование стабильности, реформы и развития. Что касается тактических мер, то Китай доказал преимущества эволюционного хода реформ, правильной очередности принимаемых мер. Чжан Вэйвэй констатирует, что Китай в основном создал свою модель, из закрытого аграрного общества превратился в открытую рыночную экономику. «Самая главная особенность нашей модели, — говорит он, — это крайне важная роль государства»¹⁴.

Ставший уже традиционным вывод о первичности экономической и вторичности политической реформы в Китае (по срокам и по значению) разделяется далеко не всеми. Так, директор Сингапурского института Восточной Азии Чжэн Юннань считает, что китайская экономическая модель — это порождение

китайской политической модели. Именно из-за традиционно высокой роли государства в Китае невозможна приватизация по западному образцу. Походя упоминая о том, что сейчас разговоры о политической системе в Китае считаются полузапретными, он так определяет специфичность китайской политической модели: «В новое время, т. е. с началом империалистической интервенции, Китай предпринял несколько попыток перейти на западную политическую модель, но они оказались безуспешными. За более полувека войн и революций традиционная императорская власть мало-помалу эволюционировала в партийную власть современного типа. Тем не менее, традиционная императорская власть и современная партийная власть имеют между собой много общего. В том и другом случае это — меритократическая власть (власть элиты) с тем отличием, что императорская власть отторгала какое-либо реформирование, а партийная власть в состоянии модернизироваться. В западной политической системе политические проблемы решаются экстравертным способом при открытом противостоянии проправительственных и оппозиционных сил. Другое дело Китай, где и старая царская власть, и современная партийная пытаются решать возникающие противоречия интровертным способом, не допуская открытой политической борьбы. Партийная власть — это ядро китайской политики»¹⁵.

В своей статье «Китайская модель развития и международные перспективы» в журнале «Общественные науки в Китае» он полемизирует с утверждениями об отставании политической реформы и подчеркивает важность взаимоотношений между экономическими и политическими преобразованиями. Все годы реформ в Китае шло становление политических институтов, что обеспечило необходимый социальный и политический порядок. Установленные методы политического и административного управления отвечали требованиям защиты прав собственности, столь необходимым при становлении частного сектора¹⁶.

В статье профессора Нанькайского университета Хэ Цзыли и его соавторов Цяо Сяонаня и Ли Цзина «Китайская модель и поиски будущего пути развития» также сделан акцент на мощной централизованной функции государства. Она проявляется в

первую очередь в создании соответствующих институтов поддержания государственной стабильности. В частности, задача государственных органов — выявление недовольства тех слоев населения, которые пострадали от реформы, предоставление им необходимой поддержки. Через создание необходимых институтов и правовой системы государство должно добиваться легализации реформистского процесса. Административные реформы предназначены для того, чтобы сделать правительственный аппарат более мобильным и действенным, а роль государства еще в большей мере направленной на обеспечение стабильности и единства нации. Важно сохранение и активизации руководящей роли КПК в процессе демократизации страны.

Как важный результат административных реформ авторы указывают на децентрализацию властных полномочий. Местные власти получили возможность использовать на нужды региона средства, остающиеся после выполнения налоговых обязательств, что в корне изменило их экономическое поведение. Они утратили интерес к поддержанию нерентабельных государственных предприятий, стали проявлять большую инициативу в их реформировании, расширили свою поддержку мелким и средним предприятиям. Центральные власти освободились от мелочной опеки местного чиновничества, улучшилась обстановка в отношении преодоления мягких бюджетных ограничений¹⁷.

Чэнь Хунтай свою статью озаглавил так: «Секрет китайского экономического чуда надо искать в политической сфере» (перепечатка из журнала «Хунци»). К недостаткам дореформенной системы он относит следующие: бюрократизм, слишком высокая концентрация власти, клановость, пожизненная несменяемость политических лидеров, низкая активность на местах, неразделенность административных и партийных функций, слабая гражданская инициатива. За годы реформы были предприняты определенные усилия по ликвидации этих недостатков, однако политическая реформа находится пока на начальной стадии. Основными задачами в области политической реформы автор считает: 1) дополнение экономических преобразований демократическими; 2) создание институтов демократии и легализация реформ; 3) достижение органического единства партийного

руководства с народовластием, участием народа в управлении страной; 4) совершенствование идеологической системы, построенной на тесном единстве идей научного социализма и культурных традиций¹⁸.

Современная *социальная модель* резко отличается от дореформенной модели мобилизационного типа. Для дореформенного Китая был характерен разрыв между социалистическими целями повышения благосостояния населения и полного развития человеческих способностей, с одной стороны, и поставленными задачами форсированной индустриализации, финансирование которой могло осуществляться только за счет «затягивания поясов» — с другой. При низком уровне развития производительных сил и амбициозных задачах ликвидации экономической отсталости удовлетворение насущных жизненных потребностей населения могло осуществляться только путем относительно уравнительного распределения (коэффициент Джини был равен 0,2) и поддержания необходимого прожиточного минимума с помощью системы социального обеспечения. Идеологическая пропаганда преподносила действующую патерналистскую социальную политику как соответствие нормам социалистического общежития. Государство было озабочено поддержанием социальной стабильности, созданием новых рабочих мест. Миграция населения из деревни в город была поставлена под жесткий государственный контроль. Доходы населения росли медленно.

В целях активизации трудовой деятельности реформаторы пошли на разрушение принципа уравнительного распределения. Идеологическим подспорьем явился брошенный Дэн Сяопином клич «пусть одни обогащаются раньше других», который вместе с другими реформистскими мероприятиями (введение системы подряда на землю в сельском хозяйстве, легализация частного предпринимательства) послужил стимулом ускорения экономического роста. Возросший спрос на рабочую силу в городах и высвобождение крестьян от сельскохозяйственных занятий в результате подрядной системы усилили миграционные потоки из деревни в город, контроль над которыми был значительно ослаблен. Быстрый экономический рост сопровождался

ростом доходов, однако он значительно отставал от темпов экономического роста и становился все более дифференцированным. К достижениям реформы современные китайские исследователи относят: уменьшение на 300 млн числа людей, живущих ниже официально установленного «порога бедности», переселение 200 млн человек из деревни в город, т. е. из районов с более низким уровнем жизни в районы более богатые, стоимиллионное пополнение «среднего класса».

Описывая современную социальную составляющую китайской модели, Хэ Цзыли и его соавторы перечисляют следующие моменты:

1) создана в основном система распределения рыночного типа с характерными для нее особенностями в виде:

- дополнения системы распределения по труду системой распределения по факторам производства,
- многообразии видов доходов,
- растущая дифференциация индивидуальных доходов;

2) освоен новый механизм трудоустройства конкурентного типа;

3) идут поиски системы социального обеспечения.

Вместе с тем надежды на автоматическое решение социальных проблем в ходе развития рыночных отношений не оправдались. В социальной сфере накопилась масса проблем, в числе которых поляризация доходов населения (коэффициент Джини достиг 0,47), глубокий разрыв имущественного положения между городом и деревней и между отдельными регионами, трудности трудоустройства и рост безработицы. Недовольство населения вызывает не только государственная экономия на здравоохранении и образовании, но и растущая коррупция, многочисленные факты произвольного изъятия сельскохозяйственных земель под строительные нужды и многое другое.

Узким местом китайской социальной политики является система здравоохранения. Лишь около трети населения страны имеют медицинские страховки (в городах и поселках около 200 млн человек). В сельских районах системой медицинской помощи на коллективных началах пользуются менее четверти крестьян (170—200 млн человек). Переход на государственную

систему пенсионного обеспечения облегчил социальное бремя государственных учреждений, но одновременно лишил многих людей гарантированного материального минимума в старости. Государственной пенсионной системой охвачено только 15 % населения, что ниже минимальной нормы в 20 %, установленной Международной федерацией труда¹⁹. Предоставление права на владение землей дало кратковременный взлет крестьянских доходов, но в остальном полученные рыночные свободы осложнили проблему трудоустройства. А сохраняющийся паспортный режим, ущемляющий права крестьян, резко отрицательно сказывался на положении городских мигрантов из крестьян.

Несмотря на выдающиеся успехи Китая в области экономики, китайские ученые не склонны их преувеличивать, обращая внимание на массу сложных проблем. Более того, существуют признания того, что в отличие от зарубежных похвал сомнительного толка в самом Китае люди настроены куда менее оптимистично. Чжан Вэйвэй, отмечая достигнутую сбалансированность реформы и развития, оценивает созданную модель всего лишь как «самую неплохую» (*«цзуй бу хуайды моши»*).

* * *

Поиск определения характера современной «китайской модели» сопряжен с немалыми трудностями. Если понимать «модель» как конкретный набор методов управления хозяйственными процессами, правил и норм взаимодействия субъектов хозяйственной жизни, иначе говоря, национальный вариант экономической и политической системы, связанный с временными и пространственными различиями стратегического и тактического характера, то нет надобности в жесткой привязке к формационному дуализму «капитализм-социализм» и позволено сосредоточиться на специфике и методах государственного и экономического управления. Если же рассматривать «модель» как некую теоретическую абстракцию, отражающую различия принципиального характера, включая, всю совокупность экономических отношений и институтов на территории государства, то без формационных отличий не обойтись.

Примером первого подхода с акцентом не столько на поставленные цели развития, сколько на методы их достижения, может служить теория «Пекинского консенсуса» Дж. Рамо, противопоставившего два пути ускоренного экономического роста. В его изложении «Пекинский консенсус» в отличие от «Вашингтонского консенсуса», который рекомендует слаборазвитым странам приватизацию государственных предприятий, широкую либерализацию внешней торговли, сокращение государственных ассигнований на социальные цели, базируется на трех «китах». Во-первых, нарушение последовательности проведения модернизации, начиная с более примитивных технологий, и смелое введение инноваций, переосмысление существовавших прежде постулатов. Во-вторых, акцент на устойчивое, сбалансированное развитие, улучшение качества жизни вместо погони за чисто количественными показателями экономического роста в виде ВВП; контроль над всякого рода деструктивными явлениями поступательного развития. В-третьих, защита принципа национального суверенитета, привлечение асимметричных ответов при решении международных проблем (в виде, например, накопления валютных резервов), отказ от претензий на мировую гегемонию, мирное возвышение Китая исключительно в целях обеспечения безопасности страны. Китай, согласно заключению Дж. Рамо, демонстрирует новую физику власти и развития, привлекательную для многих других стран, ибо китайские лидеры, придерживаясь линии на либерализацию экономики, отказались от методов «шоковой терапии», в результате чего хозяйственные преобразования приобрели характер достаточно медленного и осторожного процесса с проведением многочисленных хозяйственных экспериментов²⁰.

Аналогичный подход с точки зрения особенностей реформирования и открытости экономики демонстрируют и другие зарубежные ученые. Француз Л. Варон в книге «Вызовы Китая» обращает внимание на важную роль курса «открытой экономики» и широкое использование всего ценного из иностранного опыта в практике реформ²¹. Профессор университета Дж. Вашингтона Г. Хардинг особо отмечает постепенность экономиче-

ского развития Китая и его апробацию предпринимаемых действий экспериментальным путем²².

Авторы работы «Китайская модель и поиски будущего пути развития» пишут о том, что накануне реформы выбор шел между четырьмя моделями:

1) усовершенствованная позднесталинская модель социализма;

2) модель «рыночного социализма», которой руководствовались восточноевропейские социалистические страны;

3) восточноазиатский капитализм при серьезном вмешательстве государства;

4) свободный рынок по образцу развитых капиталистических стран.

Первые две модели быстро отпали после изменения траектории развития бывших социалистических стран. В целом, Китай более все склонялся к третьей модели, уважая свою национальную специфику.

По поводу формационной принадлежности «китайской модели» существует следующий разбор мнений.

«**Капитализм с китайской спецификой**». Весьма распространено мнение, что успешно продвигающийся по пути «догоняющего развития» Китай ориентирован на стандарты развитых капиталистических стран, и чем дальше, тем больше будет на них походить. Принятая в реформе модель «асоциального рыночного хозяйства» позволила экономить на дешевой рабочей силе, на социальных издержках и активизировать экономический рост через допущение имущественного и регионального неравенства. Такого рода прокапиталистические аналитики чаще всего рассматривают «китайскую модель» в рамках дальневосточной авторитарно-корпоративной системы, проводя параллели с японской, корейской, тайваньской моделями. Сотрудник Гарвардского университета Вильям Оверхолт в тезисах своего доклада на Шанхайском форуме сформулировал свою позицию следующим образом: «Китайская модель развития — это вариант того, что можно было бы назвать “азиатской моделью”, хотя в истории подъема каждой из успешно развивающихся азиатских стран содержится масса уникальных элементов. Приоритеты в “азиат-

ской модели” расставлены следующим образом: на первом месте — сельское хозяйство, на втором — легкая промышленность, на третьем — тяжелая промышленность, на четвертом — внутренняя политика, на пятом — внешняя политика»²³.

Разновидностью этого подхода можно считать характеристику «китайской модели» как «**государственного капитализма**» со значительной свободой экономической деятельности и жесткой политической властью. Аналогично другим госкапиталистическим образованиям (кейнсианского типа, догоняющего типа, рейнский госкапитализм, госкапитализм «планового типа» и др.), китайская модель — это форма соединения государственной собственности и акционированных государственных предприятий с частным иностранным и национальным капиталом. Отличие Китая — сильное государственное влияние через административный и политический аппарат. Отсюда интерпретация госкапитализма в Китае как «свободной экономики в сочетании с политическим зажимом»²⁴.

Считая «китайскую модель» очевидным фактом, автор статьи в журнале «Хунци» Доу Ханьчжан полемизирует со сторонниками неолиберализма в Китае и приводит их аргументацию: 1) либерализм пользуется большой популярностью на Западе и сыграл важную роль в модернизации Китая; 2) никакая другая доктрина за всю историю человечества не дала столь мощного импульса экономическому росту; 3) весь ход истории подчинен утверждению идей свободы и демократии; 4) в мире установилось господство западной цивилизации, и она не допустит краха идей либерализма в Китае; 5) все другие учения по своей целостности и результативности уступают либерализму²⁵.

«Китайская модель» — это «**социализм с китайской спецификой**». Несмотря на логичность такого тезиса и его перекличку с официальной установкой, входящей во все важные документы, число его пропагандистов невелико. На этом фоне выделяется твердая проофициальная позиция Ма Луншаня, который видит сходство своей точки зрения («китайская модель — это социализм с китайской спецификой») с выводами российских ученых и призывает относиться к ним с максимальным вниманием²⁶.

Такое родство «китайской модели» с социализмом производится в соответствии с теорией «моделей социализма», которая стала активно разрабатываться в Китае с середины 80-х годов. В докладе, подготовленном в 1984 г. под руководством тогдашнего президента АОН Китая Лю Гогуана, рассматривались пять основных моделей социализма: 1) система нормированного снабжения военного коммунизма; 2) традиционная модель централизованной плановой экономики; 3) улучшенная модель централизованной плановой экономики; 4) модель органического сочетания планового регулирования и рыночного механизма; 5) модель рыночной социалистической экономики²⁷.

Современное издание «социализма с китайской спецификой» аналогично четвертой модели и отличается от двух других моделей традиционного социализма. Так, собственно, и считает Ма Луншань, отмечая принципиальные отличия «китайской модели» от «советской модели». Говоря о социалистическом характере «китайской модели» он ссылается на авторитет Дэн Сяопина, который правильно подошел к диалектической связи социализма и капитализма, рассматривал план и рынок как чисто управленческие механизмы (и при капитализме может быть план, и при социализме может быть рынок). Главным различием капитализма и социализма Ма Луншань признает не дихотомию план—рынок, а альтернативность «частного начала» (*миньбэнь*) и «государственного» («общенародного» (*цунбэнь*))²⁸.

Показательно обращение китайских ученых к *теории «рыночного социализма»* с изучением его истоков и тех модификаций, которые отмечались на заре рыночных преобразований в восточноевропейских странах (с упоминанием имен Ланге, Шика, Корнаи и др.). Хэбэйский экономист Тянь Вэйминь считает теорию «рыночного социализма», пытающуюся совместить рыночные рычаги повышения экономической эффективности с различными видами социалистической собственности, «ценным подспорьем в современном строительстве «социализма с китайской спецификой». «Рыночный и государственные механизмы управления имеют свои достоинства и свои недостатки. Лучший выбор — это их соединение в рамках системы рыночной экономики, где рынок служит базой распределения ресурсов, а госу-

дарство выполняет дополнительную функцию макрорегулирования. В поисках повышения эффективности производства лучше всего использовать рынок, в установлении социальной справедливости лучше всего полагаться на государство. Так они и дополняют друг друга, один без другого не может существовать»²⁹.

Синтетический характер «китайской модели». В конечном счете, Китай оказывается «оригинальным» субъектом мирового сообщества, выходящим за рамки как социалистических, так и капиталистических канонов. В результате хозяйственной реформы Китай трансформировался в *смешанную систему* с допущением определенного вмешательства государства и усилением социальной ориентации экономики. По примеру постиндустриальных западных стран «китайская модель» может эволюционировать в «социо-капитализм», определяющий перспективу процесса глобализации.

Самая характерная черта современной дискуссии по поводу «китайской модели» — это утверждение ее «самобытности». Отмежевание идет не только от сталинской модели социализма, но и от современного неолиберализма. Выступая против постулата «китайская почва, западные семена», упоминавшийся ранее Доу Ханьчжан прямо заявляет, что Китаю отнюдь не прописан либеральный путь развития. В качестве дополнительного подтверждения своей правоты он ссылается на опыт СССР и Югославии, где либерализм оказался главным виновником распада этих государств. Весь пафос его выступления направлен против неолиберализма, «который хотя и занял определенные позиции среди студентов китайских университетов», но в значительной мере дискредитировал себя в ходе последнего финансового кризиса.

В ходе дискуссии кое-кто склонен объяснять достижения последних десятилетий не только продуманной политикой «реформ и открытости», но и всей историей китайской цивилизации. За успехами последних 30 лет стоит 60-летняя история существования КНР, 100-летняя история борьбы за национальное возрождение, 2000-летняя история китайского государства, 5000-летняя история китайской цивилизации. Таково мнение сотрудника Пекинского университета Пань Вэя, который стоит целиком и полностью за самобытность «китайской модели»:

«Раньше, — говорит он, — мы мистифицировали советский опыт, а сегодня главная задача — уйти от мистификации западного опыта, выскочить из западни западничества». Кризис 2008 г., продолжает Пань Вэй, разрушил обе иллюзии, нанесшие нам большой урон — и о «невидимой руке» рынка, и о «вытеснении государственной собственности частной». «Мы учились сначала у СССР, а потом у США. Но наш первый учитель свел счеты с жизнью, а второй попал в капкан мирового кризиса..., теория “китайской модели” поможет нам не сойти с правильного пути, избежать агрессии западных доктрин», — считает ученый. В конечном счете Пань Вэй подает китайскую экономическую модель как своего рода симбиоз социалистической экономики (государственная собственность на землю и крупные предприятия), капиталистической экономики (рыночное хозяйство, свободный рынок рабочей силы, частная собственность в отношении мелких и средних предприятий) и традиционного хозяйства мелких земледельцев, существовавшего в Китае в том или ином виде почти 2000 лет³⁰.

Чжэн Юннань в статье «Какова суть «китайской модели?» также апеллирует к цивилизационным особенностям Китая, объясняя ими такие характерные черты китайской стратегии реформ, как важная роль государства и складывание «смешанной экономики»: «Если обратиться к истории, то частная, или народная», экономика в Китае существовала испокон веков. При этом в старом Китае никогда не было целиком огосударственной или целиком приватизированной экономики»³¹.

Исторического подхода к оценкам результатов реформы придерживается и Вэй Дингуань в своей статье в десятом номере журнала *Чжунго тэсэ шэжуйчжэу лилунь* за 2010 год. Сравнивая концепции «китайская модель» и «китайский путь», он отдает предпочтение второй и рассматривает ее прежде всего как поиски ускоренного и рационального проведения индустриализации и модернизации Китая. Эти поиски дали три варианта китайской модернизации: 1) в представлении реформаторов конца XIX — начала XX века Кан Ювэя и Лян Цичао, которые считали возможным реформировать традиционную феодальную систему, 2) в представлении буржуазных демократов, представителем ко-

торых являлся Сунь Ятсен, которые ориентировались в своих проектах на французский и американский капитализм, 3) в представлении коммунистов, симпатизировавших «советской модели». «История, — говорит Вэй Дингуань, — выбрала коммунистов и социалистический путь развития, но это вовсе не означает следования рецептам “классического социализма” с упором на форсированную индустриализацию. Марксистский социализм — это вовсе не конкретная модель, очерчивающая содержание прогресса, а только — дорожный знак, указывающий общее направление прогресса и обозначающий конечную цель»³².

Есть и явные противники акцентирования китайской специфики. Особо следует отметить точку зрения Чэнь Цзымина, который считает, что «китайской модели» как таковой нет и в помине, но и в будущем не стоит ожидать появления такого китайского феномена, который по своей популярности мог бы соперничать с «советской моделью». По его мнению, уже с конца XIX века в Китае не осталось приверженцев особого пути развития. Все китайские лидеры ориентировались на ту или иную западную модель. «Мао Цзэдун ориентировался на советскую модель, Дэн Сяопин — на западную. Когда же Мао Цзэдун решил изобрести “китайскую модель”, наступил полный хаос. Взятый после смерти Мао Цзэдуна курс на модернизацию перенял опыт Японии и четырех “азиатских драконов”. И вот теперь, когда раны только-только затянулись, о них хотят забыть, и снова начались разговоры о “ветре с Востока”, снова предлагают отказаться от политических реформ и придерживаться канонов “народной демократии”»³³.

* * *

Начало XXI века следует считать очередным водоразделом китайской реформы, когда встал вопрос о «смене модели» — прежней модели ускоренного экономического роста на модель «гармоничного», «научного» развития под девизом «все во имя человека». Такое двухэтапное развитие событий предвидел еще Дэн Сяопин, которому принадлежат следующие слова: «Как помочь нашему народу численностью 1,2 млрд человек, стать бо-

гатыми и как распределить возросшее богатство — это крайне сложные проблемы. Сейчас мы стоим перед лицом этих проблем, причем проблема распределения кажется куда более сложной, чем проблема наращивания экономического потенциала. Мы говорили, что сначала надо позаботиться об общем развитии. Теперь мы достигли экономического подъема, и вот обнаружили, что проблем столь же много, как и в начале нашего пути». Эти слова вождя китайской нации стали известными спустя 10 лет после их провозглашения. Если за рубежом многие сейчас склонны переоценивать успехи Китая, то в Китае оценки полученных результатов куда более критические, считается, что проблем больше, чем достижений.

Нередко ученые апеллируют к призыву Дэн Сяопина отказаться от имитационной модернизации. Говоря о встрече Дэн Сяопина с венгерским руководителем Яношем Кадаром, Чжан Вэйвэй напоминает о трех «табу», сформулированных тогда китайским лидером: не подражать Западу, не подражать другим социалистическим странам, не игнорировать свои собственные возможности.

После 30 лет реформы вместе с переходом от стратегии роста к стратегии развития закончился и период китайского «ученичества». В упоминавшейся ранее работе «Китайская модель и поиски будущего пути развития» группы китайских авторов (Хэ Цзыли и др.) был сделан вывод о том, что прежний, во многом имитационный путь развития себя исчерпал, в чем сыграл свою роль и последний мировой кризис, нанесший сильный удар по капитализму и неолиберальной идее. Они пишут: «30 лет реформ уже остались позади, сложилась особая китайская модель модернизации. В связи с этим встает вопрос, будет ли Китай в политических, экономических и социальных вопросах и дальше ориентироваться на Америку, Англию и новые азиатские страны или же, полагаясь на самого себя, пойдет новым путем? Ясно одно, что совершенствование китайской модели должно быть творческим, а не имитационным процессом. Мы уже в основном создали рыночную систему и видим, что в развитых капиталистических странах рыночная система дала сбой. По нашему мнению, задача имитационной трансформации уже выполне-

на. Мы должны и впредь изучать, подытоживать и использовать передовой зарубежный опыт, но центр тяжести всей работы нужно переместить с подражательства на творчество. Нужно все лучше познавать нашу действительность и, перенимая зарубежный опыт, укреплять в себе дух новаторства, творчески совершенствовать китайскую модель». По их словам, Китай за прошедшие годы успешно перенял многие западные институты, дальнейшее усиление роли рынка ведет к нежелательной маркетизации культурной среды, столь отличной от западной, пролонгация действующей модели чревата утратой национальной специфики.

Предложения авторов по дальнейшему реформированию Китая и усовершенствованию «китайской модели» в экономической сфере выглядят следующим образом:

- 1) сохранение главенства общественной собственности и регулируемого рынка, что позволяет мобилизовать необходимые ресурсы и эффективно регулировать распределение;
- 2) рационализация принятия экономических решений при согласовании действий центрального правительства, органов власти на местах и отдельных предприятий;
- 3) укрепление макрорегулирования рыночной экономики со стороны государства;
- 4) создание действенной системы материального стимулирования.

В политической сфере авторы особо отмечают необходимость укрепления государственных институтов управления, позволяющих отслеживать легализацию реформистского процесса и осуществлять прогрессивные социальные преобразования, дальнейшего расширения прав на местах, особенно в финансовой сфере.

В социальной сфере ими предлагаются следующие мероприятия:

- 1) освоение новой системы распределения при дополнении оплаты по труду многообразными формами распределения по факторам производства;
- 2) совершенствование механизма трудоустройства;

3) создание системы социального обеспечения правового характера с участием государства, коллективов предприятий и самих работников³⁴.

Японский синолог Коцзуко Мори в своем докладе на Форуме перечисляет 4 варианта моделей перспективного развития Китая:

1) общая модернизационная модель, ставящая конечной целью утверждение рынка и демократии (иначе говоря, либерализационная модель);

2) восточноазиатская модель с важной ролью государства;

3) традиционная модель управления, основанная на традиционных конфуцианских ценностях;

4) модель «Китай есть Китай», специфическая китайская модель, противостоящая трем вышеперечисленным и широко обсуждаемая в среде китайских ученых.

Интересно его предложение подходить к Китаю не как к дуалистической, а как к троичной структуре, что в большей мере подчеркивает его переходное состояние:

- город — город/деревня — деревня;
- рабочий — рабочий/крестьянин — крестьянин;
- государство (не рынок) — полурынок — рынок.

При современной «перезагрузке» китайской экономики особую важность приобретает задача соединения социальной справедливости с экономической эффективностью, так чтобы первая была условием роста второй. Это требует поддержания определенной нормы оплаты труда, обеспечивающей соответствующее качество рабочей силы и намеченный переход от экстенсивного к интенсивному типу развития, сокращения имущественной дифференциации до рациональных пределов, гарантирующих стабильность общества. При таком подходе понятие социальной справедливости оказывается нравственной категорией, совпадающей со сверхзадачей развития человечества — создание условий для максимального использования инновационного потенциала человека. Прежний лозунг «обогащайтесь» заменяется требованием сочетания индивидуальных, коллективных и общегосударственных интересов, ликвидации паразитического об-

раза жизни и эксплуатации как таковой, что входит в этические представления о социализме.

Угрозу реформистскому курсу на рыночные преобразования и «открытую экономику» некоторые усматривают в спровоцированном кризисом усилении роли государства. Видный китайский экономист У Цзинлянь в одной из своих последних публикаций предостерегает от излишнего вмешательства государства, особенно в макроэкономические процессы и делает заключение: «Наша реформа сейчас переживает переломный момент: с одной стороны, продолжается переход от планово-административной системы к свободной рыночной экономике, с другой стороны, совершается переход от административно-регулируемой экономики, от приказной экономики с произволом чиновников государственного аппарата и партийных организаций к легитимной экономике с прозрачными и справедливыми установками»³⁵.

В условиях начавшейся трансформации индустриального общества с экономикой рыночного типа в высокоорганизованную форму постиндустриального информационного общества китайский «рыночный социализм» дает надежду на переход к новой модели гуманистического «лучшего общества». Наиболее желательную перспективу можно сформулировать следующим образом: не конгломеративное общество, совмещающее черты капитализма и социализма, а альтернативное общество, отличное и от капитализма, и от социализма, хотя и сохранившее и с тем, и с другим кровнородственные связи. Такую социально-экономическую модель, основу которой составляет модернизированный механизм капиталистического хозяйствования, а социалистические принципы и ориентиры выступают прежде всего в роли социальных ограничителей и модификаторов этого механизма, авторы работы «Социально-экономические модели в современном мире и путь России» считают оптимальной на данный момент и в обозримой перспективе³⁶.

Обобщенная оценка «китайской модели» содержится в докладе на шанхайско-петербургской конференции директора Института экономики Шанхайской академии международных исследований, доктора экономических наук Ли Синя на тему «К

вопросу о «китайской модели». Он пишет: «Несмотря на разные подходы к «китайской модели», многие соглашаются с тремя моментами. Во-первых, по сравнению с развитыми странами «китайская модель» отражает признание всем миром быстрого развития Китая и то, что «китайская модель» предлагает альтернативный путь «европейско-американской модели». Во-вторых, по сравнению с развивающимися странами она более удачна, чем «латиноамериканская». В-третьих, она более жизнеспособна по сравнению с советской и с российской моделью «шоковой терапии»». Одним словом, специфическая китайская модель развития предлагает новый путь будущего развития посткризисных стран³⁷.

На Западе растут опасения, что подъем Китая означает подъем другой цивилизации с другими ориентирами развития и независимым политическим дискурсом. Как признался выступавший на Шанхайском форуме Лионель Вейрон из Люксембурга, «труднее всего воспринимается китайская стратегия в культурологическом плане — западным лидерам и западной общественности нелегко усвоить ту мысль, что после 400 лет их полного доминирования на международной арене какая-то незападная и нехристианская страна вот-вот встанет с ними вровень по своему могуществу и вступит в спор по поводу будущего мира»³⁸.

Совершенно очевидно, что появление нового Китая, непохожего на другие страны, меняет раскладку сил на международной арене. Те из западных исследователей, кто отрицают существование «китайской модели», либо отводят Китаю непрестижную роль «догоняющего» развитые капиталистические страны, остаются на позициях однополярного мира и неизбежности глобализации. Те, кто признают большие достижения Китая и «китайскую модель» как особую успешную тактику проведения реформы, склоняются к признанию многополярности мира, но при доминировании капиталистической системы. Те, кто опасаются вызова со стороны «китайской модели» как победы «другой» неевропейской цивилизации, прогнозируют противостояние Запад—Восток (Китай) как возрождение биполярного мира с другим составом лидеров. Последний кризис

воспринимается многими как крах прежней модели глобализации в виде высшей стадии американско-центричной системы финансового капитализма

Судя по состоянию обществоведческих наук, в российском обществе растет потребность в генерализации подходов к происходящим в мире изменениям. В частности, многие считают, что социологическая и философская теории не дают вразумительных объяснений возросшей роли азиатских стран. Концепция китайской модели» даже при ее пока еще недостаточной разработанности явно претендует на роль некоей теоретической и идеологической инновации, обращение к которой объединяет китайских и зарубежных исследователей разных мировоззрений. При комплексном подходе к «модели» как сочетанию не только экономических, но и политических и социальных институтов происходит сближение понятий «модель», «система» и «формация».

Примечания

¹ *Rato J.* The Beijing Consensus: notes on the new physics of the Chinese power. L.: The Foreign Policy Centre. 2004.

² *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009.

³ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005.

⁴ *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007.

⁵ *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. М., 2006.

⁶ *Ху Цзянь.* Чжэнлунь чжун ды Чжунго моши: нэйхань, тэянь хэ Ии : [Обсуждение китайской модели: ее содержание, особенности и значение] // Теория социализма с китайской спецификой. 2010. № 10. С. 16.

⁷ URL: <http://news.sohu.com/20081009/n259935195.shtml>

⁸ *Living Together, Growing Together. China and the World Integrate :* [Мирное сосуществование, совместное развитие. Путь интеграции Китая в мировое сообщество]. Материалы 4-го Международного форума синологических исследований. Шанхай, 2010. С. 39.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Цяо Синьшэн. Гоцзячжуи ды лиши чжунцзе : [Конец истории этатизма]. URL: <http://news.sohu.com/20081009/n259935195.shtml>

¹¹ Ху Цзянь. Цит. соч. С. 16.

¹² В работе «Социально-экономические модели в современном мире и путь России» ее редактор К. Микульский пишет так: «Национальная экономическая система включает всю совокупность экономических отношений и институтов на территории государства. В отличие от этого национальная модель экономики характеризует национальную экономику как проявление господствующего типа экономической системы, присущее тому или иному этапу развития общества».

¹³ Пань Вэй. Дандай Чжунхуа тичжи — Чжунго моши ды цзинци, чжэнчжи, шэхуэй цзеши : [Современная китайская система — описание ее экономической, политической и социальной составляющих] // Чжунго моши: цзеши жэньминь гунхэго ды 60 нянь : [Китайская модель: 60-летие КНР] 2009. С. 6.

¹⁴ Чжан Вэйвэй. Чжунго моши ши «цзуй бу хуай ды моши» : [Китайская модель как «самая неплохая»].

¹⁵ Чжэн Юннэнь. Чжунго моши ды хэсинь ши шэммо? : [В чем суть китайской модели?]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=33605>.

¹⁶ Cheng Yung-nien. The Chinese model of Development and International Perspective // Social Science in China. Vol. 1, 2. May 2010. P. 48.

¹⁷ Хэ Цзыли, Цяо Сяонань, Ли Цзин. Чжунго моши юй молай даоу таньсо : [Китайская модель и поиски будущего пути развития]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/31929.html> (перепечатка из журнала «Шэхуэй кэсюэ яньцзю». 2009. № 2).

¹⁸ Чэнь Хунтай. Чжунго цзинци цици ды мима цзай чжэнчжи линьюй : [Секрет китайского экономического чуда надо искать в политической сфере]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=31679>

¹⁹ Проблемы социального обеспечения в России и Китае. СПб., 2010. С. 59.

²⁰ Цит. по: Карнеев А.Н. Пекинский консенсус против Вашингтонско-го? // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения. Материалы Всероссийский научно-практической конференции МИД РФ. М., 2007. С. 179.

²¹ URL: <http://cache.tianya.cn/publicforum/content/worldlook/1/176908.shtml>

²² URL: <http://www.shekebao.com.cn/tbch/node160/ula1450.html>

²³ Мирное сосуществование, совместное развитие. Путь интеграции Китая в мировое сообщество. Материалы 4-го международного Форума синологических исследований. Шанхай, 2010. С. 22. (англ. яз.)

²⁴ Ху Лэмин, Лю Чжэмин, Чжан Цзяньган. Гоцзя цзыбэньчжуи юй «Чжунго моши» : [Госкапитализм и «китайская модель»] // Цзинци яньцзю. 2009. № 11. С. 31—35.

²⁵ Доу Ханьчжан. Шэй цзай тяочжань Сифан цзыючжуи чжиду : [Кто бросает вызов западной либеральной системе]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=37551>

²⁶ Ма Луншань. Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи ши «Чжунго моши» : [Социализм с китайской спецификой — это и есть «китайская модель»]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=37775>

²⁷ Чжунго шэхуэй кэсюэ. 1984. № 5.

²⁸ Ма Луншань. Цит. соч.

²⁹ Тянь Вэйминь. Шичван шэхуэйчжуи гоцзя лилунь: цзиюй яньцзиньгуаньцзюэ ды игэ шупин: [(Теория рыночного социализма: описание эволюции взглядов) // Цзинци тичжи гайгэ. 2010; 4. С. 23.

³⁰ Пань Вэй. Чжунго цзинци моши ши цзоу сян чэнгун ды моши : [Китайская экономическая модель — модель движения к успеху]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/detail.php?id=33347> (перепечатка из журнала «Хунци». 2010. № 8).

³¹ Чжэн Юннэнь. Цит. соч.

³² Вэй Дингуань. Нестандартные решения и их результаты: «китайский путь» на фоне мировой системы // Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи лилунь. 2010. № 10. С. 9.

³³ Он приводит такие слова Ден Сяопина: «После войны (Второй мировой) все страны, которые пошли по стопам США, добились повышения своего благосостояния, чего не скажешь о других, которые остались бедными».

³⁴ Хэ Цзыли, Цяо Сяонань, Ли Цзин. Цит. соч.

³⁵ У Цзинлянь. «Чжунго моши» хуэй чэнвэй цюанью баньян ма? : [Может ли «китайская модель» стать образцом для всего мира] // Чжунго гайгэ. 2010. № 10. С. 043.

³⁶ Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Кн. 1. Трансформация постсоциалистического общества. М., 2003. С. 10.

³⁷ Текст доклада, переданный Ли Синем Кондрашовой Л.И.

³⁸ Материалы 4-го Международного форума синологических исследований). С. 116.

Д.А. Смирнов*

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ КНР

Аннотация. Статья посвящена эволюции политико-идеологических установок КПК на модернизацию страны со времени образования КНР. Выделены основные моменты этой эволюции, ее главные особенности, прежде всего учет национальной специфики и ориентированность на сохранение социально-политической стабильности, диктующая необходимость постепенности корректировки идейно-теоретической основы стратегии развития при неизменном сохранении ее открытости новым идеям и требованиям времени.

Ключевые слова: модернизация, социализм, КПК, реформы, развитие, стабильность, политика, идеология, демократия.

В качестве первой развернутой программы модернизации Китая, разработанной КПК, можно рассматривать выдвинутую Мао Цзэдуном на рубеже 30—40-х годов теорию новой демократии (синь миньчжучжун). В ней предусматривалось создание новодемократической государственной власти на основе коалиционного правительства, объединяющего все социально-поли-

тические силы, входившие в состав антияпонского фронта. Главную социальную опору этого государства составляло крестьянство, Мао Цзэдун отождествлял политический строй новой демократии с властью крестьянства. На государство возлагалась задача осуществления антиимпериалистических и антифеодальных преобразований, проведения аграрной реформы на основе суньятсеновского лозунга «каждому пахарю — свое поле» и проведения индустриализации. При сохранении в руках государства ключевых позиций в экономике предполагалось широкое развитие частного капитала и привлечение иностранных инвестиций. Цель политики новой демократии состояла в превращении Китая из отсталой аграрной страны в индустриальную с перспективой дальнейшего перехода к социализму.

Теория новой демократии составляла в тот период основное содержание «идей Мао Цзэдуна», которые на VII съезде КПК (1945 г.) были утверждены в качестве идейно-политической платформы партии. Новодемократическая политика проводилась в освобожденных районах в годы антияпонской войны, а затем по всей стране в ходе развернувшейся гражданской войны с Гоминьданом.

По мере приближения победы в гражданской войне Мао Цзэдун пересмотрел теорию новой демократии, изменив определение характера новодемократической революции с буржуазно-демократической на народно-демократическую революцию, которая должна была привести к установлению «демократической диктатуры народа», включавшего рабочий класс, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию. Соответственно, претерпела коренное изменение и трактовка Мао Цзэдуном вопроса о классовой гегемонии в новодемократической революции: в государстве «демократической диктатуры народа» провозглашалось руководство рабочего класса через его авангард — Коммунистическую партию Китая.

* Смирнов Дмитрий Анатольевич — к.и.н., ведущий научный сотрудник, руководитель сектора ИДВ РАН. E-mail: smirnov@ifes-ras.ru.

Идейно-политическая основа модернизации КНР до начала реформ (1949—1978 гг.)

После победы новодемократической революции в октябре 1949 г. в КНР под руководством КПК было образовано новое государство — Китайская Народная Республика. Это событие стало рубежом, открывшим новый этап в истории Китая. За короткий срок были проведены важнейшие политические и социально-экономические преобразования, знаменовавшие собой завершение выполнения задач новодемократической революции (создан новый государственный аппарат, проведены аграрная реформа, национализация иностранного капитала и конфискация китайского государственного монополистического капитала). Эти преобразования привели к коренным изменениям в структуре китайского общества — ликвидации классов помещиков и крупной компрадорской буржуазии, значительному политическому ослаблению городской и сельской буржуазии, повышению политической активности рабочего класса и крестьянства.

В стране утвердилась новая структура политической власти в форме демократической диктатуры народа во главе с КПК, которая отныне официально становилась правящей партией, на которую легли тяжелейшие проблемы восстановления разрушенного войной народного хозяйства и завершения новодемократических преобразований. В утвержденной в сентябре 1949 г. на 1-й сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) «Совместной программе НПКСК», взявшей на себя роль Учредительного собрания, новое государственное образование — Китайская Народная Республика определялась как «новодемократическое государство демократической диктатуры народа», «руководимое рабочим классом на основе союза рабочих и крестьян». Формой осуществления государственной власти провозглашалась система собрания народных представителей (СНП) по примеру советской системы в СССР. Вместе с тем, отмечалось в программе, в СССР уже ликвидированы классы, а в Китае существует союз революционных классов, что яв-

ляется особенностью государственного строя Китая, которая воплощена в форме Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Органами, осуществляющими государственную власть, согласно программе, являются собрания народных представителей и народные правительства различных уровней. В программе отсутствовало положение о социалистической перспективе новодемократического государства, поскольку, как позже разъяснил Чжоу Эньлай, первоначально готовивший ее текст, в тех условиях это могло привести к возникновению ошибок левацкого толка, однако в экономической части этой программы уже было определено, что на практике надо гарантировать продвижение в сторону именно этой перспективы. До принятия в 1954 г. Конституции КНР «Совместная программа» НПКСК выполняла роль основного закона страны.

*Тем самым, в 1949 г. были заложены основы существующей до настоящего времени политической системы страны, для характеристики которой в КНР используются два понятия: «государственный строй» (*готи*), характеризующий классовую природу Китайской Народной Республики как «социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян», и «политический строй» (*чжэнти*), выражающий форму организации политической власти в КНР в форме института собраний народных представителей.*

После прихода к власти КПК было сформировано Центральное народное правительство и другие высшие органы государственной власти, в которых, помимо коммунистов, игравших главную роль, были представлены и другие партии, а также беспартийные. На местах создавались местные народные правительства и собрания народных представителей, представлявшие собой на тот период фактически невыборные конференции представителей всех слоев общества. Одновременно, в доконституционный период, в условиях перехода от ожесточенной гражданской войны к налаживанию мирной жизни и проведения коренных социально-экономических реформ, на местах продолжали функционировать органы военного контроля.

В 1954 г., в ходе многоступенчатых выборов, было избрано Всекитайское собрание народных представителей 1-го созыва, принявшее первую Конституцию КНР. В ней были закреплены принципы демократического централизма и коллективного руководства, предусматривалось участие народа в управлении государством, а также впервые провозглашались социально-экономические права граждан, декларировалось их равенство перед законом. Вместе с тем по принятому в 1953 г. Закону о выборах преимущество в представительстве в органах власти отдавалось городскому населению.

С принятием Конституции новая политическая система страны была закреплена на уровне основного закона. Ее характеризуют следующие особенности:

- *закрепленная в Конституции руководящая роль Коммунистической партии Китая*, которая олицетворяет собой руководство рабочего класса «государством народной демократии» и представительство интересов всего народа и фактически составляет ядро политической системы КНР;
- созданная в начале 1950-х годов *система собраний народных представителей*, охватывающая всю вертикаль власти от уездного уровня до Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), на которую возложены законодательные и контрольные функции;
- сложившаяся в ходе революции *система многопартийного сотрудничества и политических консультаций*, которая объединяет 9 политических партий, функционирующих в рамках возглавляемого КПК Единого фронта и поддерживающих курс на строительство социализма;
- сформировавшийся накануне победы революции 1949 г. *Народный политический консультативный совет Китая*, выполняющий важные консультативные функции при комитетах КПК и народных правительствах различных уровней;
- *система национальной автономии* от уровня уезда до уровня автономного района, приравненного по статусу к провинции (но без признаков государственного суверенитета и тем более без права на самоопределение наций);

- *низовая система самоуправления*, включающая в себя комитеты городских жителей (повсеместно создавались после победы революции), собрания представителей рабочих и служащих (создавались с начала 1950-х годов на предприятиях общественной собственности), комитеты сельских жителей (так называемая сельская автономия, сформировалась уже в период проведения политики реформ и открытости в начале 1980-х годов).

В 1953 г. Мао Цзэдун утвердил *генеральную линию переходного периода к социализму, разработанную с учетом опыта построения социализма в СССР*, предусматривавшую проведение в течение довольно длительного времени социалистической индустриализации и установление господства социалистических производственных отношений путем постепенного преобразования всех сфер народного хозяйства при установлении тесного союза с СССР и получении от него всесторонней помощи. Вскоре генеральная линия была дополнена выдвинутой Чжоу Эньлаем в сентябре 1954 г. на 1-й сессии ВСНП 1-го созыва установкой на осуществление «четырех модернизаций» («сы хуа»): модернизации промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, обороны. Хотя осуществление четырех модернизаций в то время еще не рассматривалось китайским руководством в качестве обобщенной программной цели, понимавшейся в то время более узко — как «превращение Китая в могучее социалистическое модернизированное (*сяньдайхуады*) индустриальное государство», Чжоу Эньлай в последующие годы неизменно возвращался к этой формулировке и расширял ее содержание.

Осуществление в первой половине 1950-х годов социалистических преобразований сопровождалось внутренними разногласиями в руководстве КПК по различным аспектам проводимой политики и целой чередой массовых идеологических кампаний, в ходе которых подверглось репрессиям немалое число партийных работников и представителей интеллигенции.

В обстановке обострения в середине 50-х годов борьбы за идейно-организационное лидерство в международном коммунистическом движении и ухудшения отношений с Советским

Союзом, а также внутренней нестабильности, неизбежной в условиях проведения широкомасштабных преобразований отношений собственности, *руководство КПК во главе с Мао Цзэдуном в 1955—1956 гг. начало проводить линию на искусственное форсирование социалистических преобразований*. В 1956 г. в выступлении «О десяти важнейших взаимоотношениях» Мао Цзэдун подверг критике советскую «модель» строительства социализма и призвал учитывать специфику Китая, требующую правильного регулирования взаимоотношений между различными отраслями экономики, взаимоотношения между экономическим и оборонным строительством и основными направлениями внутренней и внешней политики; борьбы против «копирования» иностранных образцов (прежде всего «слепой учебы» у СССР), критики буржуазной идеологии, с одной стороны, и широкого заимствования у капиталистических стран достижений науки и техники и передового опыта управления — с другой.

Определенные коррективы в проводимую политику были внесены на состоявшемся в сентябре 1956 г. VIII съезде КПК, который признал как состоявшийся факт проведение «ускоренных» социалистических преобразований, но подверг критике попытки «слепого забега вперед» в строительстве социализма. В области государственного и партийного строительства съездом были поставлены задачи, направленные на преодоление бюрократизма и расширение демократии и законности. В русле этого направления работы съезда Дэн Сяопин в докладе об изменениях в Уставе КПК подверг критике явление культа личности, вслед за чем из нового Устава КПК было изъято положение об «идеях Мао Цзэдуна» в качестве теоретической платформы партии, место которых занял марксизм-ленинизм.

Вскоре после съезда Мао Цзэдун призвал к развертыванию нового «движения за исправление стиля», в ходе которого повсеместно внедрялись традиции «военного коммунизма» времен антияпонской и гражданской войн. Вскоре оно переросло в борьбу против «правых буржуазных элементов» и массовые репрессии против интеллигенции и кадровых работников — сторонников линии VIII съезда. По всей стране было развернуто движение за социалистическое воспитание, направленное на

резкое повышение роли государства в экономической жизни города и деревни путем усиления всеобъемлющего административного контроля, свертывания частного сектора, ужесточения трудовой дисциплины при одновременном проведении политики «низкой и рациональной заработной платы». В 1958 г. был принят курс на создание в кратчайшие сроки мощного военно-промышленного потенциала под лозунгом «трех красных знамен». Под этим лозунгом *была предпринята авантюрная попытка осуществления «большого скачка» в сфере индустриализации и построения «военного коммунизма», что потребовала радикального изменения всей социальной политики с целью мобилизации трудовой активности масс при отказе от материальных стимулов, место которых заняла идеологическая индоктринация, подкрепленная внедрением в жизнь принципов «казарменного коммунизма*. А проблема снятия социальной напряженности в обществе решалась путем административного нивелирования имущественных различий между людьми и превращения китайского общества в единую, не разделенную внутренними социальными перегородками, массу в рамках военизированных «народных коммун». Теоретической базой для проведения этого курса в жизнь стала выдвинутая Мао «теория перманентной революции», в которой огромное население и бедность рассматривались в качестве положительных факторов, составляющих преимущество Китая в силу обусловленной бедностью «особой революционности» китайской нации.

В речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» в феврале 1957 г. Мао Цзэдун поставил задачу «превратить Китай в социалистическое государство, обладающее современной промышленностью, современным сельским хозяйством и современной наукой и культурой». Эта формулировка была фактически закреплена в решениях 2-й сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г., принявшего курс на строительство «современного индустриального государства» путем осуществления «трех модернизаций»: промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Однако попытка добиться поставленных целей волюнтаристскими методами привела лишь к глубокому социально-экономическому кризису (хотя и попытку

осуществления «большого скачка» тоже можно рассматривать как одно из направлений поиска пути ускоренной модернизации). Для восстановления подорванного «большим скачком» нормального функционирования всех звеньев народного хозяйства КНР Мао Цзэдун вынужден был согласиться на проведение политики «урегулирования», которую пришлось проводить почти во всех областях: экономике, культуре, социальной сфере. В ходе исправления последствий политики «трех красных знамен» китайское руководство вернулось к установке на модернизацию страны, и в феврале 1960 г. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай вновь заявили о необходимости осуществления «четырех модернизаций»: промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны. В декабре 1964 г. Чжоу Эньлай в докладе о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва поставил задачу превращения Китая «в течение нескольких десятков лет» в мощное социалистическое государство с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной и современной наукой и техникой».

Последовавшая вскоре после этого так называемая «великая пролетарская культурная революция» прервала реализацию программы осуществления четырех модернизаций на целое десятилетие. Теоретическое обоснование «культурной революции» составил *выдвинутый Мао Цзэдуном тезис о «классовой борьбе как главном противоречии»* в жизни страны, дополненный концепцией «трех миров» — двух «сверхдержав», развитых стран и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, включая КНР, совместно борющихся против «гегемонизма» двух «сверхдержав», прежде всего против «социал-империализма» (под которым подразумевался Советский Союз).

Попытки осуществления «большого скачка» и искусственной «коммунизации» в конце 1950-х годов, а затем «культурной революции» во второй половине 1960 — первой половине 1970-х годов привели к свертыванию демократических начал в управлении страной. *Принятие решений по важнейшим направлениям развития страны определялось узким кругом высшего партийного руководства. В ходе «коммунизации» деревни были фактически ликвидированы сельские представительные органы и про-*

изошло серьезное снижение роли всей системы представительных органов, а во время последовавшего во второй половине 1960 — первой половине 1970-х годов десятилетия «культурной революции» конституционная политическая система КНР фактически была ликвидирована.

В ходе «культурной революции» многие высшие руководители, включая Дэн Сяопина, подверглись репрессиям. На грани разрушения оказалась вся система управления страной, что повлияло и на состояние экономики, за исключением военно-промышленного комплекса, находившегося на особом положении в ходе подготовки к войне с Советским Союзом. Лишь к середине 70-х годов обстановка стала относительно стабилизироваться и обозначился поворот в сторону нормализации жизни, прежде всего функционирования экономики. В 1973 г. ЦК КПК, по указанию Мао Цзэдуна, принял решение восстановить Дэн Сяопина на посту заместителя премьера Госсовета КНР, вскоре он был назначен первым заместителем премьера Госсовета КНР, затем, в 1975 г. — заместителем председателя Центрального военного совета и начальником Генерального штаба НОАК и, наконец, членом Политбюро и заместителем председателя ЦК КПК.

На этих постах Дэн Сяопин занялся претворением в жизнь вновь провозглашенного на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва (январь 1975 г.) Чжоу Эньлаем курса четырех модернизаций — сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники. Но, в первую очередь приступил к проведению «всеобщего упорядочения» всей подорванной в результате «культурной революции» административно-хозяйственной жизни, поставив задачи по созданию эффективной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощению военного и административного аппарата, восстановлению нормативной базы, внедрению «системы ответственности» за руководство предприятиями и проведению в жизнь принципа распределения по труду.

Все эти моменты в дальнейшем стали составной частью разработанной им программы модернизации Китая, что дает осно-

вания китайским исследователям считать 1975 год началом формирования и проверки на практике основных идей Дэн Сяопина о проведении реформ и открытой политики, в первую очередь его центральной идеи о приоритете экономического строительства, сформулированной им еще в 50-е годы.

Этот курс проводился во второй половине 70-х годов в целом в рамках прежней левацкой политико-идеологической линии, но уже тогда, под влиянием Дэн Сяопина, началось постепенное исправление наиболее одиозных установок, в частности, в отношении уравниловки в зарплате, чрезмерного влияния «политики» на развитие производства и т. д. Однако вскоре Дэна обвинили в игнорировании «успехов культурной революции» и насаждении «теории» приоритета производительных сил. Эти обвинения были поддержаны Мао Цзэдуном, и в конце 1975 г. Дэн вновь был отстранен от государственного управления, после чего официально снят со всех занимаемых постов.

Вернуться к осуществлению программы модернизации Дэн Сяопину удалось лишь после обеспечения необходимых для этого политических условий, связанных с отстранением от власти «банды четырех» в октябре 1976 г. и последовавшим за этим окончательным завершением «культурной революции».

Такие условия были созданы на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., принявшем историческое решение отказаться от маоцзэдуновской теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» и политической установки на ведение «классовой борьбы» в качестве главной задачи деятельности Компартии Китая, а центр тяжести партийной работы перенести на осуществление модернизации.

Идейно-политическая основа модернизации КНР в период реформ (1978—2000-е годы)

За три десятилетия проведения в жизнь по инициативе и под руководством КПК курса на всестороннюю модернизацию страны идейно-политическая основа модернизации КНР прошла длительную эволюцию. Для этой эволюции характерны как

последовательность развития — в соответствии с задачами осуществления долгосрочной стратегии модернизации, так и постоянное приспособление ее к изменениям в экономическом курсе КПК, трансформации социальной структуры китайского общества, изменениям во внешнеполитической обстановке и к новым общемировым тенденциям развития (глобализация, информатизация и т. д.) при сохранении Компартией Китая основных принципиальных положений своей идеологии и политики.

3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва положил начало новому периоду в новейшей истории Китая — периоду «реформ и политики внешней открытости», принесшему невиданное ускорение экономического развития КНР и значительный подъем жизненного уровня китайского народа, но вместе с тем и породившему новые противоречия, разрешение которых в рамках сформировавшейся к концу 70-х годов идейно-теоретической платформы КПК было невозможно. Совершенный на 3-м пленуме «исторический поворот» потребовал разработки новых подходов к стратегии и тактике социально-экономического и общественно-политического развития страны и соответствующего пересмотра идейно-теоретической базы КПК, т. е. по сути «идей Мао Цзэдуна», оценки их исторического значения, роли и места в осуществлении программы модернизации, возможностей адаптации и применимости к решению задач текущего и перспективного этапов исторического развития.

После 3-го пленума 11-го созыва Дэн Сяопином был выдвинут ряд ключевых теоретических и программных положений стратегии реформ, прежде всего о необходимости реформирования производственных отношений и надстройки, препятствующих ускоренному развитию производительных сил. Он выдвинул задачу «в соответствии с китайскими условиями открыть путь модернизации китайского типа», характеризующийся «двумя важнейшими особенностями». Первая — это «слабая экономическая основа» и вторая — это «большое население при малом количестве пахотной земли». В процессе осуществления «модернизации китайского типа», проводимой на основе учета «особенностей Китая», отмечал Дэн Сяопин, должно быть ре-

шено главное противоречие китайского общества на современном этапе, заключающееся в том, что уровень развития производительных сил КНР очень низок, решение этого противоречия и является «центральной задачей».

Реформа, по Дэн Сяопину, означает *не отказ от созданной в КНР социалистической системы, а совершенствование экономической и политической систем социализма*. Отвергая догматический подход, Дэн Сяопин подчеркивал, что и план, и рынок — это лишь инструменты экономической политики, которые могут использоваться и при капитализме, и при социализме. Вместо противопоставления плана и рынка *Дэн Сяопин предложил, приняв плановую экономику за основу, «соединить» ее с рыночной экономикой*.

Вскоре после пленума было объявлено о недопустимости использования левацких методов управления экономикой с помощью массовых политико-идеологических кампаний, в связи с чем в центральной печати подвергнут критике лозунг Мао Цзэдуна «классовая борьба — решающее звено». Активизировалось обсуждение экономических проблем социализма под углом зрения изживания прежних субъективистских подходов к экономическому строительству и учета объективных закономерностей его развития в специфических условиях Китая. Предпринят ряд шагов с целью ликвидации некоторых одиозных явлений в сфере политической жизни. Так, в 1979 г. ЦК КПК принял несколько постановлений, которыми снимались ярлыки «контрреволюционеров» и тому подобных «элементов» с нескольких групп граждан КНР и облегчалось положение граждан, имевших родственников на Тайване.

Формирование нового политического курса на осуществление модернизации проходило на фоне движения по раскрепощению сознания, в ходе которого, наряду с ожесточенным сопротивлением сторонников прежней левацкой линии проводимым преобразованиям в КНР, получили распространение и открытые призывы к отказу от социализма и руководства Компартии Китая, пропаганда опыта капиталистического развития Тайваня и создавались нелегальные антикоммунистические организации. В отсутствие развернутой цельной программы мо-

дернизации на основе решений 3-го пленума все это оказывало серьезное влияние на китайское общество, в первую очередь на молодежь, и создавало прямую угрозу политической стабильности, без которой, по словам Дэн Сяопина, «о модернизации в четырех областях и думать будет нечего». Требовалось безотлагательное принятие четких идеологических установок, на базе которых можно было бы добиваться организационной сплоченности правящей партии и единства нации.

Такую установку, призванную обеспечить сохранение политической стабильности в обществе в ходе проведения широкомасштабных реформ, Дэн Сяопин выдвинул в 1979 г. в виде *«четырёх основных принципов»: твердо придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, руководства коммунистической партии, марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна. Эти принципы он провозгласил «коренной предпосылкой» успешного проведения курса на модернизацию*. Выдвижение данной политической установки имело целью обеспечить преемственность основ партийной идеологии КПК в ходе проведения политики реформ и открытости и, соответственно, незыблемость ее руководящего положения в китайском обществе.

С целью предотвращения угрозы для морально-политического единства общества, которую нес с собой «кризис веры», был поставлен вопрос об усилении идеологического воздействия партии на «все стороны человеческой деятельности, включая труд на производстве, деятельность в области литературы и искусства, а также семейную и личную жизнь каждого человека», и в 1981 г. принят курс на создание «социалистической духовной культуры» как ближайшей цели политики партии.

В 1981 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва *была проведена официальная переоценка исторической роли «идей Мао Цзэдуна», из которой исключались левацкие «заблуждения»*. Тем самым подтверждалась неизменность основной политической линии руководства КНР во главе с Дэн Сяопином, и в то же время идейно-теоретическая платформа КПК стала открытой для последующего обновления в соответствии с требованиями политики проведения модернизации и реформ.

Ускорение экономического роста неразрывно связывалось Дэн Сяопином с проведением «правильного реформирования производственных отношений и надстройки, не соответствующих быстрому развитию производительным сил», т. е. реформы политической системы, основные задачи которой сводились к укреплению социалистического строя, к развитию производительных сил социалистического общества и к расширению социалистической демократии, способствующей «мобилизации активности широких народных масс». Реформа в конечном счете была направлена на преодоление бюрократизма, повышение эффективности управленческой работы и обеспечение всенародной поддержки курса на осуществление «четырех модернизаций». Сложность реформирования политической системы, затрагивающего интересы сотен миллионов людей, требовала «поэтапности», обеспечения должного «руководства и порядка» в её проведении.

Впервые вопрос о проведении реформы политической системы был поставлен Дэн Сяопином 18 августа 1980 г. в речи на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, где рассматривалась проблема забюрократченности и неэффективности оставшегося со времен «культурной революции» государственного механизма и предложены меры по децентрализации руководства, разграничению функций партийных и государственных органов, работе с руководящими кадрами. Во всей полноте вопрос реформирования политической системы был поставлен Дэн Сяопином уже в связи с углублением практического осуществления реформы экономической системы после того, как на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. было принято решение о перенесении центра тяжести реформ из деревни в город. Реализация этого решения вскоре привела к обострению противоречий между ускорением темпов экономической модернизации и существующей системой управления, для которой были характерны чрезмерная централизация властных полномочий и как следствие этого — неповоротливость и бюрократизм, препятствовавшие осуществлению реформы экономической системы и создававшие угрозу замедления темпов экономического развития. Решение проблемы «поддержания жиз-

неспособности партии и государства» Дэн Сяопин напрямую связывал с реформированием политической системы, подчеркивая, что «теперь с каждым дальнейшим шагом вперед в реформировании экономической системы глубоко ощущается необходимость реформы политической системы», без проведения которой «невозможно гарантировать успешное проведение реформы экономической системы». Ключевым моментом политической реформы на этом этапе оставалось разделение партийных и административных функций и совершенствование стиля работы партийного руководства. Основными методами проведения реформы должна была стать передача части полномочий от центральных органов управления на места, а оттуда — непосредственно на предприятия и в другие низовые структуры, укрепление руководящих звеньев на всех уровнях, прежде всего путем омоложения кадров, упрощение и сокращение аппарата управления и укрепление законности.

Указанные меры связывались с развитием социалистической демократии. При этом *подчеркивалось, что Китай не мог следовать советской модели социализма. Тем более реформа политической системы в Китае не имела ничего общего с «либерализацией» по западному образцу, так как предоставление свободы слова и права на свободные выборы на основе реальной многопартийности и принятие принципа разделения трех властей в условиях Китая могло привести только к хаосу.*

В 1982 г., взамен Конституции 1975 г., закреплявшей итоги «культурной революции», и Конституции 1978 г., была принята новая, четвертая по счету, Конституция КНР, полностью освобожденная от установок «культурной революции» и в важнейших своих положениях значительно приближенная к Конституции 1954 г. Власть в КНР, по Конституции 1982 г., представляла собой демократическую диктатуру народа, а по существу диктатуру пролетариата. Были восстановлены институт председателя КНР; волостное звено органов власти и управления, которое теперь отделялось от народных коммун; ограничивались сроки пребывания ряда высших должностных лиц на занимаемых постах; восстановлены и расширены права национальных автономий (по-прежнему за исключением права народов этих автоно-

мий на самоопределение и собственную государственность). В ней вновь признается многоукладность. Значительно расширены положения о правах и обязанностях граждан, включая установление равенства граждан перед законом, неприкосновенность свободы личности граждан и их жилища, право граждан критиковать любые государственные органы и любых государственных работников. Гражданам больше не вменяется в обязанность зафиксированная в Конституции 1978 г. «поддержка руководства Коммунистической партии Китая и социалистического строя» и т. д.

Выдвинутый Дэн Сяопином курс на строительство социализма с китайской спецификой был утвержден на XII съезде КПК в 1981 г., поставившем задачу создания материальной основы модернизации Китая путем учетверения совокупного объема промышленности и сельского хозяйства, при активном использовании рыночных инструментов в деле развития экономики, при этом делался акцент на независимости и самостоятельности как главной внешнеполитической гарантии нормального хода реформ и на учете китайской специфики как отправной точки при определении стратегии модернизации. В развитие этой теории впоследствии были приняты принципиальные положения о товарном характере социалистической экономики КНР, а затем о необходимости реформирования политической системы, направленного на искоренение бюрократизма и порождаемой им коррупции. *Особую роль в политической жизни страны Дэн Сяопин отводил Компартии Китая, видя в ней единственную силу, способную разрешать порождаемые реформой противоречия и тем самым обеспечивать необходимую стабильность.*

Развитие экономической реформы в деревне и в городе привело к быстрому росту экономики и повышению жизненного уровня народа. Вместе с тем реформа, связанная с ломкой прежней командно-административной системы, неизбежно должна была вызвать новые проблемы и противоречия, обусловленные в том числе и появлением в ходе внедрения рыночных отношений новых социальных слоев. В условиях проведения открытой политики в страну активно проникали привлекательные для интеллигенции и молодежи идеи принятия западных стандартов

демократического устройства общества. Под этими лозунгами на рубеже 1986—1987 гг. в Китае произошли студенческие волнения, спровоцировавшие политический кризис, который повлек за собой отставку генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана.

Перечисленные моменты не могли не повлиять на процесс реформирования политической системы, которому была посвящена подготовка к очередному XIII съезду КПК. Обозначая цель этой реформы, Дэн Сяопин указывал прежде всего на *необходимость обеспечения «спокойной политической обстановки» как главного условия нормального экономического строительства и на то, что содержание реформы политической системы включало одновременно развитие и демократии, и законности, тесно связанных между собой.* Выражая опасения по поводу возникновения беспорядков, Дэн Сяопин напоминал об уже пройденном китайским народом историческом уроке анархии времен «культурной революции» с её разгулом «большой демократии» и предупреждал о том, что утрата КПК своей руководящей роли неизбежно привела бы к возникновению беспорядков и срыву экономического строительства.

На состоявшемся в 1987 г. XIII съезде КПК было принято решение о реформировании политической системы, предусматривавшее разграничение функций партийных и государственных органов, продолжение процессов децентрализации управления, перестройки аппарата административного управления, кадровой системы, введение системы общественных консультаций и диалога (с целью, в частности, учета мнений различных групп населения), совершенствование институтов социалистической демократии (прежде всего в плане определенной демократизации системы собраний народных представителей) и «усиление строительства социалистического законопорядка». В решениях съезда указывалось на *«ограниченный» характер реформы политической системы в ближайшее время* и на возможность «идти дальше» лишь после «закладки надежного фундамента для социалистической политической демократии». Однако последующее развитие событий, вызванное рядом просчетов в проведении экономической политики, спровоцировавших со-

циальную напряженность в обществе, привело к политическому кризису 1989 г., во время которого с помощью военной силы властям пришлось подавлять студенческие выступления в Пекине.

Во время кризиса, выдвинувшего на первый план проблему сохранения существующей власти, Дэн Сяопин требовал решительных действий по поддержанию политической стабильности, от чего зависело не только продолжение политики реформ и сохранение уже достигнутых результатов, но прежде всего сохранение существующего государственного строя во главе с КПК. Вскоре после преодоления кризиса Дэн Сяопин вновь заявил о том, что было бы «неправильно» ограничиваться только реформами в экономической сфере без реформирования политической системы, которое по-прежнему следует проводить в соответствии с «четырьмя основными принципами». А после того, как общая обстановка в стране постепенно стабилизировалась, он призвал в 1992 г. к дальнейшему углублению экономических реформ, закреплению в решениях состоявшегося в том же году XIV съезда КПК, посвящённого созданию системы социалистической рыночной экономики.

В выступлении на XIV съезде нового лидера КПК Цзян Цзэминя подчеркивалось, что дальнейшее углубление экономических реформ путем внедрения рыночных механизмов *неизбежно требует «сравнительно большого развития социалистической демократии и законности», что обуславливает необходимость «активного проведения реформы политической системы», включая систему административного управления.* Цель данной реформы — «строительство социалистической демократической политики с китайской спецификой», но ни в коем случае не внедрение западной модели многопартийности и парламентской системы. Демократия и законность рассматривались Цзян Цзэмином как главные опоры общественно-политической стабильности и гарантии нормального осуществления экономического строительства, политики реформ и открытости. *Однако развитие системы собраний народных представителей и многопартийного сотрудничества в рамках НПКСК под руководством КПК увязывалось с сохранением «основного института» государствен-*

ного строительства КНР — «принципа демократического централизма», т. е. сохранения за КПК права на принятие важнейших политических решений и контроль за их претворением в жизнь.

Существенным моментом политической реформы являлась *инициированная Дэн Сяопином реформа системы регулярной государственной службы КНР, призванной заменить прежнюю директивную систему «всеобщего централизованного распределения кадров».* Эта реформа, разрабатывавшаяся в 1980—1990-е годы Министерством кадров КНР, шла по линии формирования нормативно-правовой базы подбора и назначения кадров, в которой четко регламентировались подбор и назначение кадров (по результатам экзаменов), контроль, аттестация, смещение кадров, условия труда и т. д.

Обобщая взгляды Дэн Сяопина на реформу политической системы КНР, следует заметить, что *последовательный курс на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе.* В условиях Китая единственно приемлемой формой политической организации общества, способной гарантировать стабильный экономический рост, проведение всесторонней модернизации и справедливое распределение национального богатства, Дэн Сяопин считал социализм, что вытекает из его выступлений и подтверждается его политической практикой. Поэтому *содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не к постепенному демонтажу социалистического строя вслед за расширением либерализации экономики, а к совершенствованию существующего административно-политического механизма.* Она проводилась и проводится вплоть до настоящего времени таким образом, чтобы ее темпы отвечали потребностям реформирования экономики, не отставая от решения возникающих в связи с этим задач, но и не «забегая вперед», постепенно и поэтапно, с учетом существующих объективных условий. По сути *именно в совмещении экономического либерализма с твердой авторитарной политической властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, проложенного Дэн Сяопином.* В этом он схож с опытом ряда азиатских стран, успешно осуществивших модернизацию.

Вместе с тем в Китае учли и опыт развала бывшего СССР, где процесс политической либерализации был фактически пущен на самотек и не подкреплялся формированием соответствующей экономической, социальной и законодательной базы.

Окончательное завершение в виде сложившейся теоретической системы курс Дэн Сяопина на осуществление социалистической модернизации получил на XV съезде КПК в 1997 г., на котором теория Дэн Сяопина была официально объявлена *идейно-теоретической платформой партии*. В развитие идей Дэн Сяопина о всемерном использовании в интересах экономического строительства рыночных отношений на съезде было принято решение об акционировании государственных крупных и средних предприятий в интересах повышения их экономической эффективности при сохранении ведущей роли общественной собственности и при одновременном поощрении развития индивидуального и частного капитала, который рассматривается как важная составляющая часть социалистической рыночной экономики. Съезд открыл новый этап модернизации, сделав крупный шаг в сторону дальнейшей либерализации экономической системы в КНР путем проведения акционирования госпредприятий и формирования на основе крупных и средних госпредприятий «адаптированных к рынку» самостоятельных корпораций, а также поощрения развития индивидуального и частного капитала, который стал рассматриваться в качестве важной составляющей части социалистической рыночной экономики. Эти меры потребовали адекватного отражения в действующем законодательстве и в практике усиления правового регулирования с расширением сферы его применения и с учетом обусловленных ими серьезных сдвигов в социальной структуре общества. В качестве основных задач продолжения реформы политической системы съезд определил *формирование до 2010 г. «социалистической правовой системы с китайской спецификой»; «углубление реформы административной системы», направленной на создание на соответствующей нормативной базе эффективной административно-управленческой системы; совершенствование системы «демократического контроля», включающей партийный, правовой контроль и контроль со стороны «масс».*

После XV съезда активизировалось практическое проведение реформы политической системы. Повысилась роль собраний народных представителей всех уровней (при отказе от копирования западной двухпалатной модели парламентской ветви власти). Внедрялся в жизнь принцип «управления государством на основе закона» (*и фа чжи го*), которому обязалась следовать и правящая Коммунистическая партия Китая, призванный постепенно заменить господствовавшую политическую традицию осуществления управления на основе «порядка, устанавливаемого людьми» (*жэнь чжи*). Соответственно была усилена законотворческая работа по совершенствованию существующей и созданию отвечающей задачам современного этапа социально-экономического развития новой законодательной базы на центральном и на местном уровнях, а также по принятию новых законов, связанных с реформой политической системы.

Расширялась система «низовой демократии» на предприятиях, в учреждениях, в деревне. Оптимизировалась структура и происходило сокращение функций государственного аппарата до реально необходимого уровня. Был введен запрет на коммерческую деятельность в армии, полиции и во всех государственных учреждениях. Партийная политика постепенно переводилась в плоскость государственной политики через законотворческую и иную деятельность в рамках системы собраний народных представителей. Усиливался контроль ВСНП над работой правительства. Происходила определенная демократизация законодательства (в частности, была введена открытая состязательность в судах и т. д.). Усиливалась кадровая работа как в плане ужесточения контроля над руководителями всех рангов, совершенствования кадрового строительства (в частности, путем отбора служащих на работу в госучреждения путём проведения экзаменов), так и их обучения и воспитания; расширилось кадровое представительство демократических партий, беспартийных деятелей и национальных меньшинств в собраниях народных представителей и НПКСК на всех уровнях. Руководством страны были приняты масштабные меры по борьбе с коррупцией, разъедающей партийно-государственный аппарат.

Произошла существенная демократизация низовой системы самоуправления в деревне. Принятыми руководящими документами (Циркуляр Канцелярии ЦК КПК и Госсовета КНР от 18 апреля 1998 г. «О повсеместном осуществлении в деревнях гласности в местных делах и демократического управления» и принятое в октябре 1998 г. 3-м пленумом ЦК КПК 15-го созыва «Постановление о некоторых важных вопросах сельского хозяйства и работы в деревне») предусматривалось введение системы выборов населением деревенских старост, ранее, как правило, назначавшихся из числа секретарей деревенских ячеек КПК. Выборы стали проводиться крестьянами из нескольких кандидатур. Стала внедряться гласность в управлении деревней и демократизация системы управления и контроля. Вместе с тем первый опыт внедрения элементов «низовой демократии» выявил и целый ряд проблем, таких, как воздействие зажиточной верхушки деревни на исход голосования, влияние клановых традиций на формирование местных органов власти, проявление противоречий между деревенскими и уездными руководителями, между выборным самоуправлением деревне и деревенскими партийными ячейками и т. п.

В КНР внимательно изучают мировой опыт государственного-политического строительства и формирования законодательных систем, но китайские руководители делают акцент в демократии на ее реальное содержание, а законодательную деятельность подчиняют практическому обеспечению работы по строительству современного модернизированного государства с учетом специфических китайских условий и конкретного содержания текущих этапов социально-экономического развития страны. Под политической реформой в Китае понимается совсем не то, что имеется в виду на Западе. *Реформа политической системы в КНР нацелена не на отказ от социализма, а, напротив, на совершенствование существующего механизма партийно-административного управления путем развития «социалистической демократии» при сохранении монополии КПК на власть* на том основании, что она выражает интересы народа и представляет собой цементирующую силу китайской нации, единственно способную обеспечить социально-политическую стабильность.

Происходящая эволюция политической системы в КНР не означает ослабления прямого и косвенного (через парткомы в органах государственной власти, через назначение на высшие государственные посты на всех уровнях представителей соответствующих комитетов КПК и в других формах) руководства со стороны КПК государственно-политическим механизмом КНР. В то же время, как показывают приведенные примеры, в КНР реально начат процесс определенной демократизации, ограниченный рамками низовых административно-территориальных единиц, государственного аппарата, системы представительных органов власти и исторически сложившегося механизма многопартийного сотрудничества.

Благодаря проведению политики реформ и открытости к началу нового века удалось выполнить задачу учетверения экономического потенциала, в основном решить на этой основе проблему питания и одежды (*вэньбао*) и перейти к решению задач построения «общества среднего достатка» (*сяокан шэцхуэй*; иной вариант перевода: «малого благосостояния»). Вместе с тем в процессе проведения реформ в КНР произошла значительная трансформация социальной структуры китайского общества, связанная с резким расширением удельного веса новых социальных слоев, прежде всего предпринимательской прослойки, которые стали представлять собой ощутимую силу в экономике, все более очевидной становится необходимость и неизбежность реального представительства ее политических интересов в органах власти. Данный фактор представляет собой серьезный вызов китайскому руководству, ответ на который объективно требует демократизации политической системы и соответствующего пересмотра идеологической базы КПК. Не менее серьезный вызов представляет другая часть новых социальных слоев, также появившаяся в результате реформ — огромная масса выброшенных с рынка труда или находящихся на грани безработицы крестьян, рабочих и служащих. Эти слои формируют потенциал для дестабилизации обстановки в стране. Вместе с тем имущественное расслоение сопровождалось усилением коррупции, размыванием социалистических идеалов, особенно у молодежи, прежде всего под воздействием самого процесса рыночных реформ, связанных с

иной системой ценностей, чем в ходе построения социализма, не говоря уже о влиянии морального разложения части кадровой номенклатуры КПК на настроения в обществе. Поэтому на новом историческом этапе развития КНР закономерно возник вопрос о переосмыслении роли КПК и ее управленческого потенциала в процессе модернизации страны, поскольку от способности КПК адекватно воспринимать складывающуюся новую объективную реальность и проводить политику, отвечающую требованиям времени, зависит легитимность ее дальнейшего правления.

В 90-е годы Китай вступил в новый этап развития, связанный с углублением политики реформ, прежде всего реформированием госсектора экономики, ведущим к росту безработицы и усилению социальной напряженности. На новом историческом этапе, наступающем после 20 лет реализации курса на строительство социалистической рыночной экономики, в формирующейся новой социальной среде, в иной, чем прежде, социально-психологической и морально-нравственной атмосфере перед лидерами КПК закономерно возник вопрос о переосмыслении роли и места правящей партии в процессе модернизации страны, форм и методов ее руководства, ее способности адекватно воспринимать и воздействовать на складывающуюся новую объективную реальность. Эти перемены внутри страны совпали по времени с развалом мировой социалистической системы и связанного с ней «двухполюсного» мироустройства, они происходят на фоне глубоких общемировых перемен на стыке двух веков, связанных со взрывным развитием науки и техники, экономики знаний; непрерывным ускорением и углублением процессов глобализации и информатизации, предоставляющих для дела социалистической модернизации в Китае шансы и в то же время являющихся для него вызовами.

Все это потребовало разработки теории, отвечающей историческим условиям XXI века при одновременном сохранении КПК характера марксистской правящей партии и укреплении ее руководящей роли в условиях всеобъемлющей смены старого новым в международной и внутренней обстановке. *В качестве такого теоретического ответа на вызовы времени по инициативе*

Цзян Цзэминя в начале 2000 г. была выдвинута концепция «тройного представительства», в соответствии с которой КПК является представителем «передовых производительных сил общества», «передовой культуры» «коренных интересов широких народных масс», трактуемая в Китае как «новое идейное оружие», «взаимосвязанное, взаимодействующее, взаимообусловленное, находящееся в диалектическом единстве органическое целое». В опубликованном в мае 2001 г. Организационным отделом ЦК КПК «Докладе об обследовании Китая (2000 — 2001) — исследовании противоречий внутри народа в новых условиях» идея «тройного представительства» связывалась как с кардинальными переменами в мире, так и с обобщением итогов 80-летнего практического опыта КПК и учетом исторического опыта мирового социализма. В 1999 г., когда «кризис доверия» к КПК обострился в связи с возникновением проблемы «Фалуньгуна», Цзян Цзэминь поставил вопрос о необходимости учета «четырех многообразий» в социально-экономической и общественно-политической жизни КНР: многообразия экономических укладов и интересов, многообразия форм общественной жизни, многообразия форм организации общества, многообразия форм занятости.

В качестве ключевого момента в преодолении трудностей он выделил партийное строительство, исходя из того, что КПК является «центральной силой», руководящей делом социалистической модернизации, поэтому «управление государством есть прежде всего управление партией», а состояние дел в стране в наступившую на рубеже веков новую эпоху напрямую зависит от способности партии к выполнению функции эффективного представительства передовых производительных сил, передовой культуры и интересов народа. От способности КПК к проведению этого курса в жизнь зависит и ее дальнейшая судьба как правящей партии.

В соответствии с выдвинутым Дэн Сяопином «основным критерием» оценки работы партии на первое место в концепции «тройного представительства» поставлено обеспечение развития производительных сил, укрепление комплексной государственной мощи и повышение жизненного уровня народа. Представи-

тельство партией передовых производительных сил должно заключаться в двух моментах: устранение всевозможных препятствий на пути развития передовых производительных сил, создание условий и «прокладывание пути» для развития передовых производительных сил. Эти задачи партия выполняет путем проведения правильной экономической политики и своевременного ее регулирования в соответствии с непрерывным изменением реальной обстановки в стране. Во главу угла деятельности КПК поставлено обеспечение развития, движущими силами которого должны стать реформа, открытость и научно-технический прогресс, а отправной точкой — повышение уровня жизни народа.

Представительство передовой культуры состоит в том, чтобы, опираясь на культурные традиции китайской нации и современную практику социалистической модернизации, лучшие достижения мировой культуры, обеспечить идейно-политическое руководство сферой культуры и активно заниматься воспитанием китайской нации в духе передовой идеологии и культуры. Особое значение здесь придается пропаганде идеологической платформы КПК и противодействию идейному «плюрализму» во избежание смуты в головах людей, неизбежно ведущей к общественной смуте. При этом отмечается необходимость четкого различения вопросов политических и относящихся собственно к сфере культуры. Последние следует решать в соответствии с принципом «ста цветов» в обстановке свободных дискуссий. Китай должен развивать собственную богатую национальную культуру, заимствуя все достижения мировой культуры и отбрасывая все то, что противоречит его идеологии и морали.

Представительство коренных интересов широких народных масс связывается с недопущением противопоставления партии и народа, правильным регулированием общих и локальных интересов, текущих и перспективных задач таким образом, чтобы подчинять локальные интересы общим, не игнорируя их, также как и личные интересы граждан. Важным моментом является правильное регулирование взаимоотношений между достижением первичной зажиточности частью людей и последующим

достижением зажиточности остальной частью народа с тем, чтобы от реформ выиграли все слои населения. Особое внимание уделяется решению проблем, связанных с высвобождением избыточной рабочей силы в ходе проведения реформ, с усовершенствованием законов, ограничивающих коррупцию. Тем не менее курс на повышение эффективности предприятий, предоставление возможности части из них, как и части отраслей, мест и населения достичь зажиточности раньше других останется неизменным, так как от этого зависит развитие экономики в целом. Но это должно сочетаться с соблюдением законности и принципа социальной справедливости, что в условиях рыночной экономики обеспечивается через механизм государственного макрорегулирования.

Важным направлением представительства интересов народа объявлено обеспечение законности и развитие демократии, без чего невозможны ни социализм, ни модернизация. При этом делается оговорка, что демократия не может быть абстрактной, оторванной от реального уровня экономического и культурного развития страны. Следует различать социалистическую и буржуазную демократию и «обеспечивать здоровое развитие социалистической демократической политики». Перед партией стоит задача воспитания народа в духе единства и неразделимости демократии и законности, прав и обязанностей, свободы и дисциплины и давать отпор пропаганде западных демократических ценностей. Особая ответственность лежит на кадровых работниках, которые должны помнить, что власть дана партии народом и они обязаны использовать ее исключительно в интересах народа и решительно очищать партийные ряды от коррупционеров.

Раскрывая содержание идеи «трех представительств», партийные теоретики КНР отмечают, что характеристика партии как «представителя трех» представляет собой «научное овладение в новых исторических условиях теорией марксизма и развитие теории марксизма». Раньше передовая роль партии выводилась из ее классового характера как «передового авангарда рабочего класса». Теперь же, на рубеже двух тысячелетий, большие перемены в международной обстановке, современные шансы и

вызовы требуют новых теоретических дополнений, обусловленных спецификой конкретных исторических задач текущего исторического момента. Его следует рассматривать в свете политики реформ и открытости, социалистической модернизации и в увязке с развитием мировых производительных сил и человеческой цивилизации. С учетом перечисленных моментов выдвигая Цзян Цзэминем теоретической установки о партии как «представителе трех» шире и современнее прежнего толкования роли партии как «представителе одного». Новое представление об авангардном значении партии отражает содержание современной эпохи, для которой характерно быстрое развитие производительных сил, научно-технического прогресса и прогресса человеческой цивилизации. Данный подход отражает дух реформ, направленных на «возрождение Китая».

Вместе с тем *в условиях постоянно усложняющейся социально-экономической ситуации, оказывающей влияние на партию, перед последней возникает целый ряд теоретических и практических вопросов, на которые она должна дать ответ.* Например, обеспечение авангардной роли партии в условиях растущей безработицы, перехода массы рабочих и служащих с государственных предприятий на негосударственные, миграции крестьян в города в поисках работы; содержание передовой роли рабочего класса в новых исторических условиях, укрепление классовых опоры партии, соответствие ее характера тенденциям мирового развития и требованиям эпохи; взаимосвязь задач начальной стадии социализма, долгосрочных и конечных целей социалистического строительства и многие другие актуальные вопросы.

При разработке концепции «трех представительств» учитывались и исторические уроки развала СССР. Тема причин распада СССР постоянно остается в поле зрения китайских политологов, она активно изучается в Институте России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, в Пекинском университете и многих других университетах и академических центрах. Для изучения рассматриваемой темы в Китае характерно то, что оно не ограничилось «вспышкой» интереса к причинам данного, имевшего глобальные последствия, события и возможным

последствиям его для Китая в начале 90-х годов. Эта тема целенаправленно и планомерно продолжает изучаться на протяжении всего прошедшего с того времени более чем пятнадцатилетнего периода, с выходом на поиски обусловленных глубинными причинами закономерностей развития социализма в СССР и на попытки теоретических обобщений «уроков» развала Советского Союза для Китая.

В многочисленных публикациях последнего десятилетия в КНР, а также в выступлениях руководителей КПК и официальных партийных документах и материалах даны оценки всего комплекса причин, приведших к распаду СССР, в экономической сфере, в сферах идеологии, государственно-политического устройства, межнациональных отношений и национальной политики.

Позиция китайских исследователей в отношении исторического перелома в СССР на рубеже 80-х — 90-х годов и в начале 90-х годов наиболее четко была выражена одним из самых авторитетных китайских обществоведов Ма Хуном, который отметил два принципиальных отличия дэновских реформ от реформ в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Первое: в КНР — общественная собственность как основа экономики, достижение всеобщего благосостояния, совершенствование социалистического строя и развитие социализма; «у них» — «реформа — это проведение приватизации», отрицание социалистического строя. Второе: «их» реформа проводится методами «шоковой терапии», а в Китае — путем экспериментирования, обобщения опыта, поэтапно и планомерно.

Выступая на 4-м заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины 14 января 2000 г. на тему «тройного представительства» КПК, бывший в то время генеральным секретарем ЦК КПК и председателем КНР Цзян Цзэминь поставил вопрос о причинах, приведших к развалу СССР и об уроках этих событий для Китая. По его словам, начиная с достигнутой под руководством Ленина победы в Октябрьской революции и до периода после окончания Второй мировой войны, когда Китай и ряд других стран встали на путь социализма, социализм доказал свою жизненную силу и изменил соотношение сил в мире. Но в

конце XX века, с развалом СССР и переменами в Восточной Европе, социализму был нанесен серьезный удар. Это, подчеркнул Цзян Цзэминь, требует ответа на следующие вопросы: какие причины, в конечном счете, привели к этому? Отчего развалился Советский Союз — первое социалистическое государство в мире? Почему КПСС, имевшая длительный исторический опыт руководства страной, упустила власть и сама развалилась? Какие уроки мы должны из этого извлечь? Как КПК продолжать «открывать дорогу в будущее» для Китая на основе уже имеющихся достижений?

Причину победы ВКП(б) в Октябрьской революции и в деле строительства социализма в СССР заключалась в том, что в тот период ВКП(б) представляла передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы советского народа, что и обусловило его поддержку социализма. Позиции КПСС упрочились в стране и в мире, когда она возглавила борьбу против фашистских захватчиков. Но после Второй мировой войны КПСС пошла по пути чрезмерной централизации плановой экономики, одностороннего развития тяжелой промышленности, преимущественного развития оборонной отрасли. Объективно это способствовало быстрому развитию экономики и научно-технического потенциала Советского Союза, «выявлению преимуществ социалистического строя» и помогло ему стать военной сверхдержавой и достичь равновесия с США. После середины XX века наступило окостенение мышления советских руководителей, которые недооценили значение фактора научно-технического прогресса, что привело к застою в развитии научно-технического потенциала СССР, непрерывному падению темпов роста валового внутреннего продукта, национального дохода и производительности труда, дефициту многих товаров народного потребления, что вызвало широкое недовольство народа. В этих условиях, усугублявшихся игнорированием тогдашними руководителями «весьма бедного состояния духовной культуры широких масс», часть интеллигенции и молодежи удовлетворяла свои «духовные потребности» с помощью западных радиостанций.

Комплекс перечисленных факторов привел к тому, что КПСС постепенно «оторвалась от народа и утратила статус силы, ведущей за собой народные массы». КПСС имела возможность провести реформу системы и вновь завоевать доверие и поддержку народа, но выдвинутые Горбачевым и другими руководителями так называемые «новое мышление», «гласность» и многопартийность привели к отрицанию руководящей роли КПСС, отрицанию и извращению истории партии. Посеяв идейную смуту в партии и допустив в ней дезорганизацию, руководство КПСС «широко открыло двери» для западных сил, враждебных социализму, которые вместе с внутренними антикоммунистическими силами добились устранения социалистической государственной власти. *При этом внешний фактор создавал условия для перемен, а внутренний составлял опору перемен, внешний фактор воздействовал через внутренний, и развал СССР, устранение от власти КПСС произошли именно в соответствии с данной закономерностью.*

Как отмечали китайские теоретики, выдвинутая Цзян Цзэминем концепция «трех представительств», дает возможность «на основе соединения теории с практикой» «глубоко осмыслить» причины развала СССР и краха социализма в Восточной Европе, «последовательно обобщить уроки» этих исторических событий и выработать правильную политику. Такая политика должна основываться на представительстве передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов народа. Те партии в разных странах, которые долгое время стоят у власти, но не осуществляют в своей политике «три представительств», неизбежно вынуждены уходить с политической арены, примерами чему могут послужить Институционно-революционная партия Мексики, Гоминьдан на Тайване, режим Милошевича в Югославии. Выполняя функцию «тройного представительства», правящая партия должна внимательно отслеживать новые изменения, противоречия и вовремя вносить коррективы в свою политику. В этом и состоит главный урок восьмидесятилетней истории КПК и полувекковой истории международного социалистического движения второй половины XX столетия.

Концепция «трех представительств» КПК, при разработке которой прямо учитывался «урок» гибели социализма и последующего развала самого государства на территории СССР, была официально принята на XVI съезде КПК в 2002 г. в качестве идейно-теоретической платформы партии на новом историческом этапе — этапе построения в Китае общества «среднего достатка» (сяокан) и впоследствии закреплена в Конституции КНР, получив тем самым статус официальной государственной идеологии.

В пропаганде этой концепции подчеркивалось, что «глубокое понимание» идеи «трех представительств» «невозможно без изучения серьезных уроков устранения от власти КПСС и распада Советского Союза». При этом делался акцент на две основные непосредственные причины среди всего комплекса факторов, обусловивших развал Советского Союза: реализацию западной установки на «мирное перерождение» СССР и превращение проводившейся там «реформы» в изменение общественного строя. В идеологии же главным уроком считается отступление и отказ тогдашнего советского руководства от марксизма. Но хотя распад СССР и был осуществлен с помощью политических и идеологических средств, его первопричина кроется в экономическом застое, подготовившем почву для массового недовольства народа существующим положением и восприимчивости пропаганды западного «процветания», прав и свобод человека и т. д.

Именно экономический застой позволил Западу совершить «мирное перерождение» Советского Союза при попустительстве значительной части его бывшего руководящего аппарата всех уровней, заинтересованной в ликвидации социалистической системы как таковой в целях собственного обогащения и составлявшей основу «новой властной элиты» в постсоветской России. Неслучайно уже менее чем через месяц после распада СССР Дэн Сяопин во время своей исторической поездки на Юг Китая подчеркнул, что центральной задачей КПК является экономическое строительство и ускорение темпов проведения политики реформ и открытости, поскольку он ясно понимал, что глубинная причина перерождения Советского Союза кроется в его экономической политике, для которой был характерен дог-

матизм и неспособность к теоретическому обновлению марксизма на основе соединения его основных положений с практикой, сменившийся затем резким разрывом с марксизмом. Таковы основные уроки СССР в интерпретации партийных теоретиков КПК. *Особое место здесь отводится вопросу о ключевой роли правящей партии в предотвращении тенденций, ведущих, в конечном итоге, к развалу государства, и об опасности утраты правящей партией массовой народной поддержки.*

Среди важных факторов, ускоривших или способствовавших развалу советского государства, китайские исследователи указывают также на чрезмерную компромиссность внешней политики тогдашнего руководства СССР по отношению к Западу, основанной на «односторонних уступках», «создавшей условия» для реализации западной стратегии «мирного перерождения» СССР и ослабившей международные позиции Советского Союза; на эффект бумеранга, который возымело «новое мышление», ставшее катализатором эволюционных процессов в странах Восточной Европы, которые, в свою очередь, «ускорили распад СССР». И, конечно же, резкое обострение национальных конфликтов и давно копившихся межнациональных противоречий под влиянием лозунгов «демократизации» и «открытости», которые привели к настоящему «национальному кризису», «подорвавшему политическую стабильность в советском обществе и обострившему политический кризис».

В конечном итоге, именно по границам бывших союзных республик и произошел распад СССР, в связи с чем уместно отметить *принципиальное отличие системы районной национальной автономии в КНР от аналогичной системы в бывшем Советском Союзе, составившей юридическую базу для территориально-политического развала последнего в 1991 г. Это — самоуправление автономных районов в составе единого китайского государства, в отличие от союза национальных республик в СССР, государственно-политическое устройство которого базировалось, таким образом, на этнической основе и союзные республики обладали по Конституции правом выхода из состава СССР, чем они в конечном счёте и воспользовались в условиях обострения всестороннего кризиса конца 1980 — начала 1990-х годов.*

Таковы основные моменты, на которые указывают китайские исследователи при анализе причин распада СССР. Не преувеличивая значение учета данного фактора на формирование внутренней и внешней политики КНР в 1990-е — начале 2000-х годов, все же можно констатировать его влияние в той или иной мере на выработку ряда основных принципиальных политических установок: бескомпромиссную позицию относительно сохранения руководящей роли КПК, пересмотр партийной идейно-теоретической платформы в духе концепции «тройного представительства» КПК, принятие в последующие годы решений по повышению руководящего потенциала партии и курса на построение «социалистического гармоничного общества», твердое отстаивание полного национального суверенитета во всех вопросах, касающихся внутренней жизни КНР.

Как отмечают китайские исследователи, происходящая вследствие развития рыночной экономики социальная дифференциация китайского общества, его растущее разделение на богатых и бедных и формирование новой структуры социальных интересов, сопровождающееся появлением новых социальных противоречий и конфликтов, оказывают неизбежное глубокое воздействие на общественное сознание и доминирующую идеологию, приводят к «сильному обострению борьбы в сфере идеологии». Вместе с тем эти явления и порождаемые ими противоречия несут с собой «новый вызов» основе «легитимности» КПК, которую нужно строить на основе «поиска собственного» пути обоснования легитимности. Этот путь увязывался с происходящей в Китае «системной трансформацией», влекущей за собой расширение основного содержания реформы от экономической сферы на сферу деятельности правительства и строительство и развитие «политического ядра Китая» — КПК. Правящая в Китае партия уже превратилась «из революционной партии в традиционном понимании в правящую партию в современном понимании», перешедшей от «осуществления модернизации посредством революции к осуществлению модернизации посредством строительства». Перед КПК стоит задача, изучив «общие закономерности» развития политических партий в мире, найти

«новые источники политической легитимности» ради укрепления собственных позиций.

Углубляющаяся социальная дифференциация предъявляет к КПК требования политических перемен, а накопление социальных противоречий влияет на уровень доверия к ней в обществе и может породить «кризис легитимности» КПК. Угрозы легитимности обусловлены как «внутрисистемными факторами», так и «внесистемными». К первым относятся коррупция и разложение, ставшие следствием неизбежного ослабления власти в условиях глубокого реформирования экономической и политической систем, системы ценностей, а также «кризис доверия», на который, помимо вышесказанного, влияют распространяющиеся в Китае индивидуализм, религиозные суеверия и прочие взгляды и представления, несовместимые с господствующей в Китае идеологией. К «внесистемным факторам» относится способность правящей партии удовлетворить интересы общественных классов в условиях постоянно усложняющегося комплекса социально-экономических факторов. Перед лицом «серьезных вызовов авторитету правящей партии» формирование основы ее политической легитимности в новом столетии становится «объективной необходимостью» и «настоятельным историческим призывом».

Предлагаются следующие пути решения проблемы легитимности. Это — «совершенствование идеологии», требующее умения «правильно» поддерживать взаимосвязь между единством руководящей идеологии и развитием плюрализма взглядов и ценностей в системе ценностей открытого общества, обладать способностью развивать марксизм, усиливая его «убедительность и цементирующую силу»; обновлять идеологию с учетом требований и особенностей современной эпохи, повышая объединяющую силу социалистической идеологии. Это — развитие и укрепление демократии и законности, причем КПК должна взять на себя роль «политического центра», выражающего и объединяющего интересы и волю народа, и «главного проводника участия народа в политике». Это — создание административно-политических институтов и механизмов, отражающих «интересы и волю народа» и обеспечивающих действенную реализа-

цию его демократических прав, расширение участия граждан в политической жизни, последовательную реализацию правящей партией курса на осуществление правления на основе закона и перевода партийной политики на рельсы функционирования в рамках законодательства. Важными задачами являются объединение общественных интересов и повышение уровня социальной справедливости, достигаемое созданием «механизма согласования социальных интересов» с использованием макроконтроля, социального обеспечения, законодательства и других средств. Все это должно служить цели сокращения разрыва между бедностью и богатством и достижения «относительно справедливого распределения», способствуя гармонизации отношений различных социальных слоев и предотвращению или ослаблению социальных противоречий и конфликтов. Наконец, сдерживание коррупции и разложения в партии, подрывающих доверие народа к КПК и создающих «опасность утраты ею власти». На реализацию вышеуказанных установок и нацелена идея «трех представительств», дающая возможность постоянно задействовать «новые ресурсы легитимности» и обеспечивать непрерывное теоретическое, институциональное и научно-техническое обновление. На это же направлена и переориентация партии на роль «двойного авангарда» китайского общества, подразумевающую сохранение ею своих позиций «авангарда рабочего класса» при одновременном превращении ее в авангард всего китайского народа и всей китайской нации.

Сохранение монополии КПК на власть, учитывая ее возможности по мобилизации всех национальных ресурсов на осуществление политики модернизации, несомненно, является ее преимуществом, но это же обстоятельство неизбежно создавало для нее определенные проблемы в связи с отсутствием у других партий и общественных движений возможности открытой критики КПК и борьбы с нею за власть, а также проблему передачи власти новому поколению высшего руководства. Впервые в спокойной обстановке это удалось сделать в 2002 г. на XVI съезде КПК, когда без общественных потрясений власть была передана так называемому четвертому поколению руководителей во главе с Ху Цзиньтао (его предшественник Цзян Цзэминь занял

высшие посты в китайском руководстве в 1989 г., после отстранения от власти тогдашнего генсека Чжао Цзыяна по обвинению в излишнем либерализме в ходе кризиса, приведшего к событиям на площади Тяньаньмэнь; Чжао Цзыян также занял высшие посты в партии и государстве после отстранения от власти своего предшественника Ху Яобана в 1987 г. и т. д.). После занятия поста генерального секретаря ЦК КПК в 2002 г. Ху Цзиньтао, на очередной сессии ВСНП в 2003 г., вступил в должность председателя КНР, а на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, состоявшемся в сентябре 2004 г., был назначен председателем Военного совета ЦК КПК. Тем самым был завершён процесс сосредоточения у главы четвертого поколения высшего руководства партийной, административной и военной власти. Сам по себе факт передачи власти не в кризисной ситуации, а в условиях устойчивого экономического роста и относительной социально-политической стабильности, с соблюдением всех установленных Уставом КПК и Конституцией КНР процессуальных норм является значительным достижением в деле обоснования легитимности пребывания КПК у власти и в деле *создания прецедента законной процедуры передачи власти последующим поколениям руководителей.*

Новое поколение руководителей во главе с Ху Цзиньтао воплощает собой новый тип руководителя и по уровню образования, и по среднему возрасту, и по способности улавливать дух времени. Ему приходится действовать в сложной обстановке, характеризующейся растущим многообразием социальной структуры китайского общества, отражающемся уже и на составе самой КПК, численность которой достигла 70 млн человек. Усложнение социальной структуры в условиях развития рыночных отношений неизбежно влечет за собой *появление новых «групп интересов», тесно переплетенных с правящими элитами как на местном, так и на центральном уровнях, что, несомненно, будет оказывать влияние на расстановку сил в руководстве и на процесс выработки политических решений.*

Благодаря быстрому устойчивому экономическому росту и сопутствующему ему постоянному повышению жизненного уровня основной части населения социально-политическая си-

туация все последние годы оставалась в целом стабильной. Но дело осложняется растущим разрывом в доходах между разными слоями населения и между регионами. С одной стороны, в процессе экономических реформ появился класс собственников, прежде всего крупных предпринимателей — по существу, в Китае возродился класс буржуазии, формируется средний класс в городе и в деревне, заметно повысилось материальное благосостояние интеллигенции, особенно научно-технической и преподавателей вузов. С другой, десятки миллионов крестьян вынуждены покидать свои деревни в поисках работы, массовое отторжение пахотных земель у крестьян под промышленное и жилищное строительство вызывает острые конфликты крестьян с властями. Многие миллионы рабочих и служащих потеряли работу в результате реформирования государственных предприятий. Ситуация осложняется проблемой коррупции в партийно-административном аппарате, проблемой утраты значительной частью молодежи прежних идейно-нравственных ориентиров, что практически неизбежно в условиях внедрения рыночных отношений и проведения политики открытости уже на протяжении жизни целого поколения, а также проблемой появления новых социальных слоев, особенно многочисленного слоя молодой научно-технической интеллигенции с иной системой ценностей, в том числе сотен тысяч выпускников западных вузов, вернувшихся работать в КНР.

Все это усложняет задачи по управлению страной, обуславливая необходимость серьезной перестройки и совершенствования деятельности правящей партии, привития ей иммунитета против коррупции и разложения, органически присущих рыночным отношениям. С этой целью, с одной стороны, был взят курс на усиление партийного строительства, с другой — за основу руководящей деятельности КПК принята «научная концепция развития» (*кэсюе фачжань гуань*), ориентированная на согласованное развитие всех сфер жизни страны: экономики, социальной сферы, защиты окружающей среды, развития образования, науки и культуры, скоординированности внутренней и внешней политики. По установившейся партийной традиции эта новая идеологическая концепция связывается с именем Ху Цзиньтао, с при-

ходом которого к руководству страной сразу же стала проводиться корректировка содержания реформ и общего вектора социально-экономического развития страны в сторону большего учета социального фактора.

Одновременно были приняты меры по усилению внутривнутрипартийного контроля и дисциплины. 17 февраля 2004 г. в «Жэньминь жибао» было опубликовано принятое 31 декабря 2003 г. «Положение о внутривнутрипартийном контроле КПК (в опытном порядке)», которое затем было дополнено новым дисциплинарным уставом КПК. В указанных документах прежде всего подчеркивается обязанность всех членов партии, включая руководящий состав, соблюдать устав и партийные законы, а также конституцию и законы страны, вообще заметен акцент на усилении контроля над ответственными работниками всех рангов и повышении их ответственности. Следует отметить, что все эти нормы контроля и ответственности распространяются в названных документах на высшее руководство КПК, включая членов Политбюро и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В рассматриваемых документах четко регламентируются системы внутривнутрипартийного контроля и информации, отдельно оговаривается право меньшинства на высказывание своего мнения, даже на несогласие с решениями и политикой партии, при условии обязательного выполнения уже принятых решений и недопущения публичного обсуждения этих решений. В документах оговаривается право партийных организаций на отзыв или замену не оправдавших себя членов партийных комитетов, говорится о защите прав членов партии, о возможности обжалования ими решений и подачи апелляций в парткомы любого уровня вплоть до ЦК. Вместе с тем в дисциплинарном уставе акцент сделан на политическую и организационную дисциплину членов КПК и строгую регламентацию их поведения в сфере хозяйственной деятельности, являющейся источником коррумпирования руководящих кадров всех уровней. Здесь явно учитывалась существующая обстановка, характеризующаяся широким размахом коррупции и весьма сложной идеологической ситуацией, обусловленной развитием рыночных отношений и политики от-

крытости, трансформацией социальной структуры современного китайского общества.

Меры по укреплению внутривластной дисциплины были подкреплены мерами по модернизации кадровой политики государства, значимость которой возросла и в связи с присоединением Китая к ВТО, потребовавшего создания благоприятного инвестиционного климата при одновременном отстаивании национальных интересов, что невозможно без формирования неподкупного, добросовестного, высокоэффективного кадрового корпуса. Для выполнения этой задачи ЦК КПК в апреле 2004 г. принял серию специальных документов, направленных на углубление перестройки кадровой системы путем создания эффективного механизма подбора и расстановки кадров. В документах выражены новые требования ЦК КПК по реформированию кадровой системы: курс на омоложение, интеллектуализацию и специализацию кадров, соединение у них высоких моральных и деловых качеств, внедрение научных и демократических методов управления, соблюдение хорошего стиля работы и строгой дисциплины. Формирование кадрового корпуса в свете новых требований, в конечном счете, должно повысить уровень руководящих звеньев и руководящих кадров, их способность к управлению и организационному обеспечению выполнения задачи успешного осуществления политики реформ, открытости и модернизации.

Важнейшим направлением деятельности КПК по осуществлению государственного управления остается проведение реформы политической системы. *Эта реформа означает прежде всего административную реформу, направленную на повышение эффективности управления государством, построение «социалистического правового государства» и постепенную демократизацию всей сферы государственного управления, особенно системы принятия решений, подбора, расстановки и подготовки кадров на основе институализации и нормирования всех сторон деятельности госаппарата. Цель этой реформы — создание политической системы, соответствующей системе социалистической рыночной экономики. Вместе с тем рыночная экономика представляет собой «вызов» социалистической политической системе. От-*

сюда главная особенность реформы политической системы — сохранение незыблемого руководящего положения КПК, взявшей на себя роль механизма регулирования социальных отношений и разрешения возникающих противоречий в обществе, роль стабилизирующей силы, без которой страна обречена на развал. В ходе реформы руководству КПК предстоит решить два сложнейших вопроса: *как регулировать взаимоотношения интересов разных социальных слоев, не допуская их конфликта, и как сочетать демократизацию политической системы с укреплением руководящей роли КПК.*

Принципиальное значение здесь имеет добровольно принятое правящей партией обязательство «управлять в соответствии с законом». Одновременно расширяются законотворческие и контрольные права собрания народных представителей, а также активизируются консультативные функции органов НПКСК, развивается система демократических партий, действующих под руководством КПК, предпринимательских ассоциаций, территориальных общин и т. п. Совершенствуется система районных национальных автономий. Расширяется и совершенствуется традиционная для Китая система обратной связи с населением — работа с письмами и прием посетителей органами власти. В 2004 г. впервые в Конституцию КНР были включены положения о защите прав человека и о защите законной частной собственности.

Судя по всему, до сих пор нет четкого плана углубления реформы политической системы. Хотя ее начали проводить одновременно с началом реформы экономической системы еще в 80-е годы, политическая система требует более осторожного подхода и потому проводится постепенно и поэтапно. На официальном уровне постоянно отвергается наличие некой единой для всех стран абстрактной модели демократии, а китайская модель рассматривается в качестве одной из моделей демократического самоуправления общества. *В целом на сегодня ближайшая перспектива реформы политической системы представляется следующим образом: Китай пойдет по своему собственному пути общественно-политического развития, не следуя общепринятым западным стандартам; существующая политическая система КНР*

принципиально меняться не будет; КПК будет осуществлять свою политику через систему собраний народных представителей при сохранении и активизации системы НПКСК и демократических партий, выполняющей консультативные функции (аналогичные создаваемой в России Общественной палате при президенте страны) и функции связи с общественностью, прежде всего с новыми социальными прослойками. При этом Компартия сохраняет за собой контроль над кадровой политикой на всех уровнях руководства.

Перспективы удержания КПК политической власти в стране напрямую зависят от ее способности обеспечить дальнейший поступательный ход социально-экономического развития страны в условиях обостряющейся международной конкурентной борьбы за рынки сбыта и природные ресурсы. Во внутривластном плане многое будет зависеть от способности партии обуздать коррупцию и обеспечить социально-политическую стабильность, рассматриваемую в Китае в качестве главной гарантии успешного продолжения политики реформ и открытости. Задачей КПК является овладение шансами для дальнейшего успешного претворения в жизнь намеченных на 2000 — 2020 гг. планов социально-экономического развития, связываемых с очередным учетверением экономического потенциала. Все это требует от правящей партии способности правильно руководить государством, обществом и экономикой, предвидеть и предотвращать возникновение разного рода кризисов, действуя при этом в рамках закона и осуществляя управление страной прежде всего экономическими методами.

Проблеме «строительства руководящего потенциала» КПК впервые в истории Компартии Китая был посвящен специальный пленум ЦК, состоявшийся в 2004 г. Пленум принял концепцию развития руководящего потенциала партии на всех основных направлениях ее деятельности по управлению страной: экономика, государство, культура, общество и международные отношения. Главная задача — развитие экономики, от ее выполнения зависит решение и всех других задач, прежде всего по смягчению возникших социальных противоречий. Решение пленума содержит акцент на комплексном решении этих задач в рамках про-

граммы построения «гармоничного общества». Воплощение в жизнь этой программы должно происходить на основе вышеупомянутой «научной концепции развития», которая должна обеспечить правящей партии способность правильно регулировать в целом взаимоотношения между экономикой и политикой, реформой, стабильностью и развитием в интересах всего народа

Отвечая на вопрос, почему именно сейчас возникла потребность в специальном рассмотрении вопроса об укреплении руководящего потенциала партии и принятия соответствующих мер, руководители КПК отмечали, что это обусловлено вступлением Китая в новую эпоху на рубеже двух столетий, характеризующуюся как коренными переменами в социально-экономическом развитии КНР (за 20 лет проведения политики реформ и открытости создана, на начальном уровне, система социалистической рыночной экономики, в общем достигнут уровень «малого благосостояния», но при этом значительно усложнились задачи дальнейшего проведения модернизации из-за возникновения проблемы дифференциации социальных интересов, обострения демографической проблемы и проблем занятости и бедности, ресурсного обеспечения, ухудшения окружающей среды и т. д.), так и в международной обстановке (где нарастают факторы нестабильности и Китай сталкивается с давлением развитых стран, обладающих превосходством в экономическом и научно-техническом потенциале). По существу же, речь идет о том, что КПК из партии революционного типа, сумевшей взять власть в результате многолетней революционной войны и осуществить построение основ социализма, должна превратиться в партию правящего типа, способную обеспечить выполнение долговременной программы модернизации страны на основе познания и применения объективных законов развития китайского общества в современных условиях, в условиях строительства рыночной экономики и при наличии множественности социальных интересов.

В решении пленума содержится подробная характеристика задач КПК по руководству страной на каждом из основных направлений. В сфере экономики ставится задача повышения ру-

ководящего потенциала КПК в деле развития социалистической рыночной экономики на основе учета ее объективных законов, выявления преимуществ и роли рыночных механизмов, в деле реализации стратегии «выхода вовне» с целью освоения мировых рынков и мировых ресурсов, что в конечном счете направлено на дальнейшее повышение уровня жизни китайского народа и поддержание на этой основе социальной стабильности.

В сфере управления государством партия должна провести институциональное и нормативное обеспечение процесса развития социалистической демократии с тем, чтобы народ мог, опираясь на закон, реализовать свое право на демократические выборы, демократическое принятие решений, демократическое управление и демократический контроль прежде всего в рамках системы собраний народных представителей на всех уровнях. При этом перед партией ставится задача усиления контроля над руководящими кадрами, прежде всего через активизацию роли парткомов во всех административных структурах всех уровней.

В сфере управления обществом ставится задача мобилизации всех активных факторов на построение «гармоничного общества», особое внимание уделяя регулированию взаимоотношения интересов различных социальных слоев с целью обеспечения верховенства интересов всего народа и обеспечения социальной стабильности. Здесь особо выделяется задача по повышению способности партии к «социальному строительству и управлению» (*шэжуэй цзяньшэ хэ гуаньли*), т. е. к социальной инженерии, умению работать со всеми социальными слоями и группами, создавая механизмы согласования их интересов и примирения противоречий. В конечном итоге программа создания «гармоничного общества» нацелена на регулирование интересов разных социальных слоев таким образом, чтобы не допускать социальных конфликтов и дальнейшего нарастания разрыва между двумя социальными полюсами.

В сфере международных отношений ставится задача хладнокровно анализировать ситуацию на научной основе, проводя государственную внешнеполитическую стратегию с учетом внутренней ситуации и под углом зрения создания благоприятных

международных условий для выполнения задач социально-экономического развития КНР, использовать благоприятные шансы и играть активную роль в деле регулирования международных проблем, исходя из задач реализации собственных государственных интересов, защиты суверенитета и национальной безопасности.

Основным критерием деятельности партийных организаций по выполнению перечисленных задач наращивания руководящего потенциала КПК является практическое проведение в жизнь идей «тройного представительства», включенных в Устав КПК и в Конституцию КНР.

Вскоре после принятия решения о повышении руководящего потенциала партии ЦК КПК принял документ «Мнение ЦК КПК о разворачивании воспитательного движения по поддержанию передовой роли коммунистов на основе практического воплощения идей «тройного представительства» (от 7 ноября 2004 г.), который предписывал всем партийным организациям, начиная с января 2005 г. в течение полутора лет провести соответствующую учебу, опираясь на решение 4-го пленума ЦК КПК 16-го созыва. Как отмечали в беседах китайские специалисты, это движение отличается от аналогичных предыдущих кампаний тем, что оно не связано с идеологическими чистками, как не раз бывало в прошлом, а направлено на повышение практического вклада каждого члена КПК в деле реализации решения пленума на каждом конкретном участке работы.

Важнейшее значение на протяжении всего периода проведения политики реформ и открытости придается последовательному и поэтапному проведению административной реформы с целью повышения эффективности управления на всех уровнях. Очередным стимулом для ускорения административной реформы стало вступление КНР в 2001 г. в ВТО, потребовавшее выведения на новый уровень качества администрирования, необходимого для проведения ускоренной структурной перестройки экономики и смягчения ее социальных последствий в условиях обострения борьбы за мировую конкурентоспособность китайской экономики и направленной на «трансформирование» функций правительственных органов в сторону формирования

правительства «обслуживающего типа». В апреле 2005 г. был принят новый Закон о государственных служащих, который усовершенствовал сформировавшуюся в период проведения политики реформ и открытости в КНР кадровую политику, прежде всего в плане выведения на законодательный уровень существующих правовых норм, регламентирующих статус и работу госслужащих. В последнее время был принят целый ряд партийных и государственных решений, направленных на формирование механизма эффективной борьбы с коррупцией и создания «неподкупного правительства».

Таким образом, *китайское руководство осознает наличие проблемы соответствия сложившейся системы, форм и методов управления страной новым внутренним и внешним реалиям. При этом оно ищет собственный путь решения этой проблемы в соответствии с китайскими реалиями и с учетом исторических и культурных традиций китайской нации. Цель руководства КПК, категорический императив его правления — и второго поколения во главе с Дэн Сяопином, и третьего во главе с Цзян Цзэминем, и нынешнего четвертого во главе с Ху Цзиньтао — обеспечение социально-политической стабильности, без которой немислимо осуществление модернизации страны и построение общества малого достатка в условиях все возрастающей открытости Китая внешнему миру и все большего его втягивания в глобальные интеграционные процессы во всех сферах и на всех уровнях. В условиях же качественных перемен в экономике и в социальной структуре общества, произошедших внутри Китая в ходе проведения политики реформ и открытости, вступления в трудовую жизнь нового поколения китайцев, выросших и получивших образование в годы реформ, а также качественных перемен в мире, связанных с исчезновением мировой социалистической системы и тенденцией к установлению однополярности, процессами глобализации, информатизации и т. д., все более очевидной и настоятельной становится объективная необходимость демократизации механизма власти и всей общественно-политической жизни в целом. Следует учитывать и проблему общественных ожиданий, которая может возникнуть в связи с провозглашени-*

ем курса на строительство «гармоничного общества», основанного на принципах социальной справедливости.

Проходящий в настоящее время процесс переосмысления места и роли правящей партии на современном этапе исторического развития КНР — относительно новое явление в современной истории Китая, но принципиально важным здесь является то, что данный процесс постепенной демократизации общественно-политической жизни предполагается проводить в рамках существующего государственно-политического механизма без его кардинальной ломки и под контролем КПК.

Вскоре после прихода к власти на XVI съезде нового поколения руководства КПК во главе с Ху Цзиньтао был выдвинут новый лозунг — построения «социалистического гармоничного общества» (*шэжуэйчжун хэсе шэжуэй*), что было связано с необходимостью внесения серьезных коррективов в планы социально-экономического развития страны с целью исправления сложившихся в ходе проведения политики реформ и открытости дисбалансов в развитии города и деревни, регионов, росте доходов разных групп населения, грозивших подорвать общественно-политическую стабильность, и с принятием в 2003 г. курса на сбалансированное развитие пяти сфер «единого планирования» — города и села, регионов, экономики и социальной сферы, человека и природы, внутреннего развития и политики открытости внешнему миру.

Проблема комплексного решения этих задач в рамках программы построения «гармоничного общества» была рассмотрена на вышеупомянутом 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (2004), посвященном наращиванию управленческого потенциала партии в условиях шансов и вызовов современной эпохи. Состоявшийся в 2005 г. 5-й пленум ЦК КПК 16-го созыва положил в основу принятых «Рекомендаций» по разработке 11-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития на 2006 — 2010 гг. «научную концепцию развития», совмещающую новое качество экономического роста со значительным усилением всей социальной политики, при одновременном достижении «новых сдвигов в области укрепления демократии и правовой системы, в строительстве духовной

культуры», а на следующий год — на 6-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва — было принято развернутое «*Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам строительства социалистического гармоничного общества*», в котором обозначены цели и задачи стратегии построения «*гармоничного общества*» к 2020 г. и намечены пути их решения.

Эта стратегия нацелена на преодоление ключевой проблемы современного китайского общества, заключающейся в сохранении нарастающих разрывов в социально-экономическом развитии, прежде всего, между городом и деревней, между высокоразвитым восточным приморским поясом и внутренними центральными и западными регионами, а также между различными социальными группами населения. От решения данной проблемы в первую очередь зависит поддержание социальной и, соответственно, политической стабильности в стране, без которой невозможно продолжение устойчивого роста экономики и сохранение существующего государственного строя. Среди главных задач: совершенствование социалистической демократии и реализация установки на «управление государством на основе закона»; расширение общественной занятости и создание в основном охватывающей все города и деревни системы социального страхования; повышение уровня и совершенствование общественного и административного управления; повышение идейно-нравственного, научного и культурного уровня нации, последовательное улучшение морального состояния общества; повышение творческого потенциала общества и формирование государства инновационного типа; достижение очевидного перелома в эффективном использовании природных ресурсов и в состоянии окружающей среды и т. д. Основные принципы построения гармоничного общества: «человек — превыше всего» (*и жэнь вэй бэнь*; другой вариант перевода: «человек — основа основ»), «концепция научного развития», проведение политики реформ и открытости, соблюдение правильных взаимоотношений между реформой, развитием и стабильностью и т. д.

На состоявшемся в октябре 2007 г. XVII съезде КПК положение о «научной концепции развития» было внесено в Устав партии, при этом отмечена ее преемственность с «марксизмом-лениниз-

мом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства». Съезд привел в единую систему теоретические установки и опыт 30-летнего проведения политики реформ и открытости, сделав акцент на непрерывности развития и обновлении «теоретической системы самобытного китайского социализма» в духе времени, соответствие которому названо на съезде «важнейшим критерием нового этапа» в развитии КНР. На съезде была поставлена задача полного построения «общества среднего достатка» путем учетверения к 2020 г. экономического потенциала страны, прежде всего среднедушевого валового внутреннего продукта за счет оптимизации структуры экономики и повышения ее эффективности, достижения «существенного продвижения вперед в деле построения новой социалистической деревни», ускорения развития социальной сферы, культурного строительства и достижения социальной справедливости.

На съезде было подчеркнуто, что строительство «общества среднего достатка», помимо создания эффективной, всесторонне сбалансированной экономической основы, предусматривает также «расширение социалистической демократии», обеспечение прав и интересов народа и «социальной справедливости», принятие мер по расширению политического участия граждан, углублению проведения курса «правление на основе закона», совершенствованию «институтов низовой демократии», ускорению реформирования системы административного управления с целью создания правительства «обслуживающего типа», повышению контроля над управленцами с тем, чтобы они действовали исключительно в интересах народа. Большим шагом вперед к достижению социальной справедливостью стали принятые съездом рекомендации по выравниванию квот на выдвижение кандидатов в депутаты собраний народных представителей всех уровней от городского и сельского населения.

В содержание понятия «политическая система» КНР съезд впервые включил положение об «институте низового самоуправления масс» (*цзицэн цюньчжун цычжи чжиду*) в дополнение к таким основным институтам, как система собраний народных представителей, система многопартийного сотрудниче-

ства и политических консультаций под руководством КПК и система районной национальной автономии.

На съезде была подчеркнута незыблемость руководящего положения КПК в китайском обществе как гаранта продолжения строительства социализма с китайской спецификой. Особое значение придается задачам повышения управленческого потенциала партии (политического, идеологического и организационного) через развитие внутрипартийной демократии, дальнейшее реформирование кадровой системы, проведение воспитательной работы по поддержанию передового характера коммунистов и борьбе с коррупцией и за совершенствование стиля партийной работы.

Таким образом, *в процессе эволюции политической системы КНР и идейно-теоретической платформы КПК вплоть до сегодняшнего дня прослеживается сочетание общих закономерностей построения социалистического общества с национальными особенностями Китая и теми особенностями, которые диктуются требованиями развития рыночной экономики.* Прежде всего это политическое руководство страной со стороны коммунистической партии при наличии функционирующей под ее руководством многопартийной системы и расширении полномочий собраний народных представителей, сохранение решающей роли государства в экономике при дальнейшем расширении рыночных начал, четко выраженный социальный характер государства при свободном развитии частного предпринимательства и защите законно полученных доходов от него и т. д.

При сопоставлении опыта проведения реформ и модернизации в постсоветской России и в постмаоистском Китае и применимости китайского опыта модернизации к современной России следует учитывать принципиальное различие в целях проведения модернизации в обеих странах. В Китае это наращивание совокупной государственной мощи до уровня ведущей мировой державы и в количественных, и в качественных показателях и достижения уровня жизни среднеразвитых стран к середине текущего столетия на основе самосовершенствования имеющейся политической системы, опирающейся на самые широкие слои населения, которые должны все в большей или меньшей степе-

ни выиграть от проведения модернизации. В России же, вопреки официально декларировавшейся в начале 1990-х годов цели создания рыночной экономики и демократической политической системы при сохранении социального государства, на самом деле была поставлена задача полной «декоммунизации» политической системы и экономики. В качестве государственной основы формально принята западная модель демократии по западному образцу с разделением трех властей и многопартийностью, фактически ее формирование еще только продолжается, но таким образом, чтобы не допустить какого бы то ни было изменения существующего баланса власти. Экономическую основу составляет частный сектор при последовательно ограничиваемой роли пока ещё весьма значимого государственного сектора в экономике и государственной системы социальных гарантий, что подрывает обозначенный в Конституции социальный характер государства. Основные средства осуществления модернизации — полное разрушение прежнего механизма власти и обвальная приватизация государственной собственности, носившая политический характер, поскольку была нацелена на искусственное создание класса крупных собственников в качестве социально-политического гаранта необратимости проводимых преобразований. Фактически этому же служит и политика «деидеологизации» духовной культуры. Итоги: созданы рыночная экономика и принципиально новый механизм государственной власти на основе всеобщих выборов. Проблемы: обвальное сокращение экономического потенциала и катастрофическое падение жизненного уровня на протяжении 1990-х годов на фоне неприемлемого для считающей себя цивилизованной страны размаха имущественной поляризации и провала иллюзий создания массового среднего класса в качестве гаранта стабильности и демократии; отсутствие нормальной рыночной среды из-за монополизации рынка как на местном, так и на общероссийском уровнях; наличие неразвитости законодательной базы, высочайшей степени коррумпированности государственного аппарата и общей криминализации экономической, а частично и политической сферы; слабость и неэффективность всей системы государственного управления; невиданные масштабы преступ-

ности, опасные для самого существования государства и общества; глубокий духовный кризис и, как результат перечисленных явлений, прогрессирующая депопуляция страны. Лишь в 2000-е годы в России наступила относительная политическая стабильность и происходил экономический рост, так и не перешедший в новое качество роста совокупной государственной мощи в результате неспособности и нежелания государственной бюрократии конвертировать огромные доходы от распродажи природных ресурсов в инновационное развитие страны (к выполнению этой задачи власти приступили лишь в последние годы, когда стала очевидной дальнейшая бесперспективность сырьевой модели развития страны). В последние годы происходит последовательное сужение демократии, что проявилось в фактической отмене института проведения референдумов, в ликвидации института прямых выборов населением глав субъектов Федерации, в фактических ограничениях на создание новых массовых политических партий и движений вне установленных властями рамок так называемой системной оппозиции и т. д. под предлогом угрозы «раскачивания» ситуации. Однако свертывание демократических прав граждан производится при сохранении в целом системы бюрократическо-олигархического капитализма, являющегося главным тормозом развития страны и являющегося источником потенциального социально-политического конфликта, т. е. фактически в интересах самосохранения созданной в 1990-е годы политико-экономической системы.

Обращает на себя внимание проявившийся в последние годы явный взаимный интерес КПК и правящей в России партии «Единая Россия» к опыту правления друг друга (проводятся регулярные взаимные визиты и совместные научно-практические конференции). Для «Единой России» и тех социальных сил, которые она представляет, может представлять интерес опыт КПК в обеспечении долговременного монопольного руководства страной при сохранении формального института многопартийности, действующего в Китае в составе так называемого Единого фронта во главе с КПК. За интересами КПК, в данном случае, помимо естественного желания установить и поддерживать хорошие отношения с партией, являющейся правящей в

России, может стоять и изучение возможности сформировать такую модель правления, которая бы внешне не отличалась от принятой на Западе системы политической конкуренции и разделения трех властей, как это все на сегодня есть в России, но при этом бы легко контролировалась высшей властью, как это опять же имеет место в России, обеспечивая тем самым долговременную политическую стабильность и по сути несменяемость власти.

Существующая в Китае система однопартийного по сути правления имеет свои особые преимущества: *долговременную политическую стабильность*, отсюда — возможность длительного стратегического планирования и, главное, практическая возможность выполнения долгосрочных планов вне зависимости от текущей политической конъюнктуры, всегда осложняющейся в обстановке регулярных выборных кампаний; *механизм политического контроля на всех уровнях управления сверху донизу, прямой и косвенный*, отсюда — отсутствие непреодолимых политических и организационных препятствий для выполнения принятых стратегических решений. Вместе с тем отсутствие политической конкуренции просто объективно не может не затруднять решение задач борьбы с коррупцией и по повышению общей эффективности работы государственного аппарата. *Чрезвычайно высокая роль субъективного фактора в принятии и выполнении решений и, соответственно, цена возможных ошибок высшего руководства*, довольно слабо ограниченного системой сдержек и противовесов (наглядный тому пример в Китае — политика «позднего Мао»), цена отсутствия или недостатка политической воли для выполнения определенных решений (например, в сфере последовательной борьбы с коррупцией) и т. д. В условиях рынка существует угроза реализации интересов бюрократии по приватизации государственного имущества по тому же российскому сценарию, а здесь, в условиях однопартийного правления и отсутствия политической конкуренции, ограничителем является лишь политическая воля высшего партийного руководства.

В случае вступления страны в серьезный социально-экономический и политический кризис, в условиях опять же отсутствия политической конкуренции, не исключается возможность

раскола правящей партии на сторонников либеральных реформ и сторонников возврата к базовым социалистическим ценностям, опирающихся как на определенные группировки в высшем и региональном руководстве, так и на соответствующие социальные группы и слои населения. Но при этом следует учитывать и такую важнейшую особенность однопартийного правления КПК, как способность использовать (на необходимое время) собственный исторический опыт мобилизационной организации общества в целях стабилизации экономики и общественно-политической жизни.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АТР

С.Г. Лузянин*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Аннотация. В статье проанализированы основные векторы китайской глобальной и региональной политики, ключевые тенденции выдвижения Китая в качестве глобального фактора развития. Освещены двусторонние модели китайско-американских, китайско-японских, китайско-российских и китайско-индийских отношений, а также участие КНР в многосторонних форматах ШОС, РИК, БРИКС и др.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, безопасность, Восточная Азия, АТР, Россия, США, Япония, Центральная Азия, ШОС, БРИКС, партнерство.

Постановка проблемы

Внешнеполитическое прогнозирование — процесс сложный, трудоемкий и не всегда адекватный будущим реалиям. Тем более, когда речь идет о такой «мега-системе», как Китай. Осенью 2012 г. произойдет очередная смена поколений, XVIII съезд КПК утвердит ключевые фигуры в партийном руководстве — прежде всего, нового генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Из нынешнего состава Постоянного комитета По-

* Лузянин Сергей Геннадьевич — д.и.н., зам. директора ИДВ РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: lousianin@ifes-ras.ru.

литбюро ЦК КПК останутся только — Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Остальные 7 членов этого органа покинут его. Новые лица возглавят правительство (должность премьера Госсовета КНР), ВСНП и другие структуры.

В связи с этим возникает естественный вопрос о том, как и на каких принципах будет строиться внешняя политика нового поколения руководителей до 2020 г., появятся ли новые акценты и направления в этой политике?

Суммируя новейшие разработки и выводы российских, китайских, ряда западных ученых, в также в качестве вводной (постановочной) части, можно сформулировать 4 проблемы, которые так или иначе проявляются в настоящее время, но в более полном объеме возникнут завтра, перед новым руководством, в ходе реализации внешней политики:

1. Проблема сохранения Китаем в своей внешней политике своеобразного баланса между сдержанной политикой «развивающегося государства» (к которому он официально продолжает себя относить) и активной наступательной политикой новой, рождающейся сверхдержавы. Будет ли это выглядеть как некий синтез «двух политик», либо глобальный внешнеполитический менталитет новой мировой державы полностью возобладает.

2. Варианты разрешения дилеммы в отношениях с Западом. Когда, с одной стороны, от экономической глобализации Китай приобретает (и будет приобретать) большие ресурсы для реформирования, а с другой — сталкивается с растущим политико-идеологическим давлением Запада.

3. Возможности Китая и дальше дистанцироваться от известных предложений США «поделить мир» (варианты G-2, «Кимерика») и, одновременно, предложить международному сообществу свою версию устройства пост-биполярного мира.

4. Ключевые внешнеполитические инструменты, которые понадобятся новому руководству КНР для реализации и продвижения нынешней концепции Ху Цзиньтао — создание «гармоничного мира».

Понятно, что прямых ответов на поставленные вопросы пока нет, а есть экспертные версии и исследования, которые

позволяют проанализировать и выявить новые тенденции в китайской внешней политике на сегодняшний день, с проекцией на перспективу до 2020 г.

Официальный контекст. В настоящее время в китайской геополитике присутствуют два ключевых компонента, которые находятся в определенном (скрытом) противоречии друг другу.

С одной стороны, сохраняют свою силу базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина, заложенные в 1990-е годы, — «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» и др.

С другой стороны, после выхода в 2010 г. Китая на второе место в мире (после США) по показателю ВВП часть внешнеполитических положений великого реформатора стала не столь актуальна. В китайском политическом руководстве и экспертном сообществе появилась потребность в разработке и принятии новых идей и подходов в условиях общего изменения качества и масштабов китайской внешней политики. Суммируя их, необходимо выделить следующие.

1) «совместное развитие» — по замыслу китайских политиков процессы развития и модернизации должны протекать «параллельно» во всех странах. В идеале, не должно быть «перекосов» или развития одних стран за счет других. Подобное, «совместное развитие» в свою очередь создает дополнительный эффект взаимной заинтересованности в партнерстве и сохранении стабильности;

2) «глубинные изменения», которые объективно требуют определенной перенастройки китайского внешнеполитического механизма;

3) «гармоничный мир». Данный концепт имеет как внешнеполитическую направленность — развитие гармоничных отношений КНР со странами ближнего и дальнего окружения, поддержка «гармоничных отношений» между самими странами, так и внутривнутриполитическое содержание — формирование «гармоничного общества» в самом Китае;

4) «совместная ответственность» — здесь просматривается попытка Китая дистанцироваться от американской модели от-

ветственности, половину которой (в рамках G-2) США хотели возложить на Китай;

5) «активное участие» — в данном тезисе содержится скрытый посыл о смене акцентов в китайской внешней политике, переходе к более активному позиционированию в мире как на двустороннем, так и в многосторонних форматах — в рамках ООН, ШОС, РИК (Россия — Индия — Китай), БРИКС, АСЕАН +1, АСЕАН +3, треугольника «Китай — Южная Корея — Японии» и др.

Все указанные пять идей связаны одной логической нитью, из которых вытекают так же официально сформулированные задачи — 1) «преодоления узкого регионализма во внешней политике» и 2) «преодоления комплекса развивающегося государства».

Анализируя задачу «первого преодоления» («узкого регионализма») — следует подчеркнуть, что еще до официальных формулировок, в течение конца 1990—2000-х годов КНР стремительно расширяла географию своих национальных интересов, активно осваивая новые глобальные измерения внешней политики. Так, если раньше термин «доброе соседство» в китайской политологии трактовался как отношения КНР с 14 сопредельными государствами, то сегодня все чаще встречается его расширительное понятие — «большое соседское окружение Китая». В данное понятие входят не только приграничные страны, но и государства всей Центральной Азии, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Западной Азии и АТР, включая США, Австралию, Новую Зеландию. И терминологически, и политически просматривается тенденция расширения географических рамок китайской региональной внешней политики.

Причем, это расширение происходит не спонтанно, а согласно создаваемой некоей *китайской «глобальной повестке»*, из которой можно выделить следующие пункты:

- борьба с мировым финансовым кризисом вместе с ведущими державами и формирование новой более адекватной (международным реалиям) мировой финансовой архитектуры;
- участие в противодействии нетрадиционным вызовам и угрозам — терроризму, наркотрафику, морскому пиратству,

ву, экологическим и климатически угрозам, энергетическим, продовольственным и иным вызовам;

- экономический и политический выход Китая на рынки и страны, в которых раньше он либо не присутствовал, либо присутствовал слабо — страны Латинской Америки, Африки, Центральной (постсоветской) Азии и др.;
- вхождение КНР в проекты географически отдаленные, но в глобальном плане перспективные и важные для него — проект освоения Арктики, северного морского пути, участие в реализации энергетических и транспортных проектов в районах Ближнего Востока, Тропической Африки, Латинской Америки и др.;
- поддержка и активное участие в относительно новых проектах, ориентированных на формирование «неамериканского» многополярного мира — ШОС, РИК, БРИКС.

Анализируя задачи этих двух «преодолений», следует выделить следующие относительно *новые тенденции китайской внешней политики*, которые либо находятся в начальной стадии реализации, либо только формируются.

Во-первых, меняется отношение Китая к проблеме глобальной ответственности в мире. КНР в силу своего экономического и политического «возвышения» теперь не может игнорировать или дистанцироваться от решения многих вопросов общемирового масштаба, как она это делала раньше.

Но китайское руководство рассматривает эту ответственность, прежде всего, через призму укрепления собственной безопасности, независимости и суверенитета. То есть активное участие в экономической глобализации не должно нарушать внутренней стабильности и внутренних приоритетов успешного реформирования и развития КНР.

Одновременно, вопреки чаяниям западных политиков, китайское понимание глобальной ответственности не связано с желанием Китая взять на себя часть «грехов за дела США» и разделить с ними пополам мировую ответственность. Китайский вариант такого понимания — это, прежде всего, ответственность за судьбы своего, собственного, более чем 1,3 миллиардного населения, а уже потом за судьбы остального мира.

Во-вторых, меняется отношение Китая к своему облику (*имиджу*), который все более рельефно приобретает черты будущей сверхдержавы. Подобная трансформация обусловлена хорошо известными причинами, прежде всего, колоссальными экономическими результатами КНР за 30-летний период реформ. Это — отдельная, большая тема, которая требует специального рассмотрения. Сейчас я бы не стал на ней детально останавливаться.

Проецируя успехи внутренних реформ на динамику изменения «облика» Китая, многие в мире воспринимают КНР уже как состоявшуюся «сверхдержаву», либо как государство, которое в ближайшее время станет таковым. Отсюда, — идеологические кампании по раздуванию так называемой «китайской угрозы», периодически вбрасываемые в США, странах ЕС и, к сожалению, отдельными российскими СМИ. Попутно заметим, что независимо от степени готовности Китая к новому качеству (статусу) «глобальной державы» главным приоритетом в его отношениях с внешним миром будет оставаться принцип сохранения стабильности и баланса, ухода от угрозы хаоса, чего бы это ему не стоило.

Оценивая степень и качество «готовности» Китая к данному «титулу», необходимо подчеркнуть, что, несмотря огромную совокупную мощь и феноменальные достижения в реформировании экономики, КНР по ряду параметров социально-экономического развития не сможет сегодня и в ближайшем будущем выйти на этот уровень. Это подтверждается рядом новейших политологических и экономических исследований в КНР, РФ и других странах.

В частности, исходя их уровня *ВВП на душу населения*, Китай сегодня не входит пока даже в первую сотню государств мира. Данная характеристика будет сохраняться на ближайшую (2012 — 2017 гг.) перспективу. Стратегически КНР, в рамках реализации доктрины создания общества «средней зажиточности», планирует к 2020 г. радикально изменить этот параметр (ВВП на душу населения) и подняться в мировом рейтинге.

Другой объективный критерий — *уровень военно-стратегических потенциалов* (ракетно-ядерная компонента, количество

стратегических носителей, ядерных подводных лодок и пр.). С ведущими государствами мира в данном аспекте китайский уровень пока несопоставим, он на порядок меньше, чем в США и России. Вряд ли Китай сможет ликвидировать разрыв в ближайший период 2012 — 2017 гг.

Третий показатель, по которому Китай также значительно отстает — *уровень социальных стандартов жизни населения* (развитость пенсионной системы, здравоохранения, социальных пособий и пр.).

Однако это отставание совершенно не означает, что Китай не ставит долговременных, амбициозных задач — стать сверхдержавой. Наоборот, сегодняшние нерешенные внутренние проблемы мотивирует его на их скорейшую ликвидацию и выход на уровень (качественный и количественный) новой «сверхдержавы». При этом в Китае понимают, что ни действующая американская, ни ушедшая в прошлое советская модели сверхдержав, в принципе, не подходят для КНР. Как эта модель будет выглядеть в конечном варианте, сегодня точно не смогут сказать ни в самом Китае, ни в других странах. Тем не менее, исходя из анализа нынешних процессов и явлений в КНР, можно попытаться дать хотя бы *предварительные «наброски» будущей картины китайской «великой державы»*.

1) скорее всего, она не будет ни идеологически, ни политически ориентирована на глобальную внешнюю экспансию, агрессивность, создание новой «мировой китайской империи». В многотысячелетней истории Китая не заложено традиций создания мировых империй, наоборот, китайская цивилизация сама периодически подвергалась внешним экспансиям, то «сжимаясь», то расширяясь до реки Амур на севере, Тибета и Синьцзяна на северо-западе и реки Меконг на юге. В этом контексте к Китаю вряд ли применим и опыт Британской и других колониальных империй;

2) возможно, что элементы конвергенции (социализма и капитализма, регионализма и глобализма) значительно усилятся, станут доминирующими во внутреннем и внешнем развитии. В этом плане нынешняя политика «мягкой силы», практикуемая КНР, может принять системный и более масштабный ха-

рактически, как некий компенсатор силовой политики, характерной для «великих держав»;

3) просматривается (уже сегодня) значительное усиление национально-патриотической мотивации на волне общего успеха и «возрождения Китая». Данный процесс имеет «две стороны медали». Одна сторона, позитивная — формирование в китайском обществе объединяющей идеи «возрождения китайской нации», которая порождает колоссальную мотивацию, энергетику, сплачивает страну, дает некую «Великую Идею Будущего». На это сегодня работают СМИ, литература, кинематограф, другие виды искусства. Другая сторона медали — формирование достаточно опасных для китайского руководства и Китая в целом националистических настроений и взглядов. Часть этих взглядов дается в китайском Интернете (около 500 млн пользователей) или публикуется в различных изданиях, типа книги «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен»), других источниках. На сегодняшний день национализм не стал системным явлением, охватывающим все этажи китайского общества, государства и тем более КПК. Не просматривается такая перспектива на период 2012 — 2017 гг. Но в будущей модели «сверхдержавы» элементы национального патриотизма значительно усилятся, возможно, приобретут системный характер;

4) просматриваются также: а) сохранение управляемой вертикали «КПК — государство — общество»; б) высокие мобилизационные возможности государства на всех уровнях; г) развитие валютно-финансовые механизмы и ресурсы; д) сохранение и дальнейшее развитие уникального опыта адаптации либерально-экономических методов; е) умелое использование всего набора стратегий для текущей, среднесрочной, долгосрочной внутренней и внешней политики, дающей Китаю возможность сочетать тактическую гибкость со стратегической нацеленностью.

Очевидно, что данные «наброски» носят предварительный характер, поскольку многие параметры и тенденции в ходе развития Китая могут уйти на второй план или исчезнуть полностью, а взамен появиться новые, пока не оформленные (экономически, политически и идеологически) в рамках фиксируемых, системных явлений.

В-третьих, в рамках политики «преодолений» меняется отношение Китая к такому ключевому дипломатическому инструменту, как «партнерство». Если раньше этот термин имел для всех партнеров Китая примерно одинаковое значение, то сегодня во внешней политике КНР явно просматривается дифференцированный подход к государствам в рамках сложившихся моделей «партнерств».

Что бы предметно рассмотреть подобную дифференциацию, проанализируем новейшие китайские исследования в данной сфере. Так, ведущие китайские политологи разбили государства — партнеров КНР на 4 условные группы. Главный критерий — степень приоритетности и важности партнерства для Китая. Причем в расчет не брались не столько экономические критерии (уровень развития торговли, инвестиционной кооперации и пр.), сколько политические параметры.

По данной типологии выходит, что на первом месте (в качестве высшей формы партнерства, 1 группа), оказывалось «российско-китайское стратегическое партнерство и взаимодействие», которое, как считают в КНР, «не подвержено влиянию времени, идеологий, базируется на единстве или близости двух стран по ключевым (стратегическим) вопросам международной политики».

В КНР еще в конце 1990-х годов была взята на вооружение стратегема: «Опереться на Север, — под ним понимается Россия, — стабилизировать Запад (ЕС, США), идти на Юг (в страны «Третьего мира» — Азию, Африку и Латинскую Америку». Сегодня эта стратегема в принципе полностью сохранилась и при значительно меньших оборотах взаимной торговли (по сравнению с ЕС, США, Японией, АСЕАН и др.), политически эти отношения ценятся значительно выше китайским руководством, чем отношения Китая с любым другим государством мира.

2-я группа китайских партнеров — Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Индия, Канада, Украина, Белоруссия, Мексика, Аргентина и ряд других государств. Этот вариант партнерства китайскими экспертами характеризуется как «партнерские отношения дружеского типа». В этой группе у Китая нет конфликта ко-

ренных интересов, но имеются локальные (территориальные и иные) расхождения.

В 3-ю группу включены страны ЕС и АСЕАН. С ними у Китая имеется много общих (экономических) интересов, но есть политические и территориальные (с отдельными странами АСЕАН) расхождения по ряду ключевых вопросов. Уровень доверия, подчеркивают в Китае, требует значительного повышения. Такой тип партнерства они называют «согласованным или координируемым партнерством».

Наконец в 4-ю группу включены с США и Япония, которые, как отмечается, рассматривают Китай как потенциального, стратегического противника и по ряду политических (долгосрочных) проблем у сторон существуют очевидные (антагонистические) разногласия. При этом у КНР с данными государствами есть большие экономические и, отчасти, политические (борьба против вызовов терроризма и др.) общие интересы. Тем не менее, данный вариант определен как «партнерство прагматического типа».

Анализируя данную типологию, следует подчеркнуть, что, несмотря на ее экспертный характер, используемая терминология партнерства уже присутствует в официальных российско-китайских, китайско-индийских, китайско-японских, китайско-американских и других документах двусторонних отношений. В будущем каждая группа может меняться по составу и количеству участников в зависимости от характера складывающихся отношений.

При анализе внешней политики КНР принципиально важным является исследование новых трендов, либо качественно обновленных «старых» векторов. В связи с этим особенно интересными представляются *следующие внешнеполитические направления*.

1. Китай—ООН

С 2005 г. Китай реализует через ООН системные проекты помощи беднейшим странам. Более широко использует «право вето». Если раньше китайскому вето подвергались в основном резолюции стран, установивших дипломатические отношения с Тайванем, то сегодня Китай (вместе с Россией и другими странами) голосует против резолюций ведущих стран (США, Вели-

кобритания, Франция и др.), угрожающих дестабилизацией ключевым регионам мира¹. Последний пример, когда в октябре 2011 г. КНР и РФ проголосовали против французского проекта в СБ ООН резолюции по Сирии.

2. Позиционирование Китая в БРИКС

В отличие от РИК (Россия — Индия — Китай) в данном проекте нет четко выраженной евразийской повестки. На сегодняшний день можно выделить пять тем, которые стали общей базой формирования и обсуждения повестки БРИК:

- 1) превращение БРИК в официально оформленное международное объединение через формирование «диалогового механизма»;
- 2) взаимодействие в преодолении мирового финансового кризиса и создании новой глобальной финансовой архитектуры;
- 3) поиск решений проблем энергетической безопасности и изменения климата;
- 4) развитие сотрудничества в торговой и промышленной сферах;
- 5) гуманитарное сотрудничество в сферах образования, культуры, науки

Наибольшие совпадения всех стран проекта наблюдаются по глобальным проблемам. К их числу можно отнести задачи скорейшей перестройки и реформирования международной банковской и финансовой систем, в том числе реорганизации управляющих структур Всемирного банка и Международного валютного фонда. Все участники БРИК едины в том, что необходимо обратить особое внимание на разработку «альтернативной резервной валюты или новой глобальной валюты» с обязательным учетом возможных последствий внесения существенных перемен в действующий режим.

Если суммировать выступления председателя КНР и генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао по данному проекту за последние 3 года, можно условно выделить следующие 8 компонентов:

- 1) совместные усилия по восстановлению мировой и собственных экономик;

2) реформа мировой финансовой системы на основе нового, справедливого международного финансового порядка;

3) совместная защита *интересов развивающихся стран* через проект БРИК;

4) обеспечение продовольственной безопасности, безопасности энергоносителей и безопасности общественного здравоохранения;

5) использование *преимуществ БРИК по ресурсам, рынкам, рабочей силе*;

6) совместное противостояние *климатическим изменениям*, развитие научно-технического партнерства, исследования в области высоких технологий, включая *новые источники энергии*;

7) содействие гуманитарным обменам — развитие сотрудничества в культурной, туристической и спортивной областях, сфере образования и здравоохранения;

8) сохранение и укрепление специфики и стратегии развития каждой из четырех моделей модернизаций БРИК.

Если мы сопоставим общий согласованный формат и китайскую платформу Ху Цзиньтао, последняя будет значительно шире и фундаментальнее. Фактически, китайская позиция отражает основные глобальные и национальные темы с учетом особенностей китайской стратегии и тактики в мире. Она содержит китайское видение последовательного решения вопросов обновления мировой финансовой архитектуры, борьбы с кризисом, защиты интересов развивающихся стран (к коим формально Китай себя еще причисляет), обеспечения безопасности в нетрадиционных сферах (продовольствие, энергетика и др.), проблемы климатических изменений и укрепления национальных моделей модернизации. В рамках проекта Китай делает особый акцент на формировании «более справедливого мира», на реформировании мировых финансовых рынков и плавном (поэтапном) выходе из сложившегося мирового долларového режима; на реформировании МВФ и других институтов в интересах «новых развивающихся» стран; на решении проблем энергетической, продовольственной безопасности, климатических и экологических изменений.

3. Активизация КНР в Центральной Азии на двустороннем уровне и через проект ШОС.

Здесь следует отметить, что Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию своих транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах. Политически он признает за Россией ее центральноазиатские приоритеты. Формат ШОС Китаем рассматривается как в региональном (центральноазиатском), так и глобальном аспектах.

Энергетический аспект. В условиях обрушения арабского Востока (весенних революций) традиционные коридоры доставки нефти и газа с Ближнего Востока крупнейшему мировому потребителю Китаю становятся все более опасными и нестабильными. В этих условиях резко возрастают роль и цена безопасных сухопутных энергетических коридоров из Центральной Азии и России в Китай.

Введение в действие (2009 г.) газотранспортной магистрали Туркмения—Узбекистан—Казахстан—Китай поменяло стратегические приоритеты стран ЦА- газовых экспортеров. За прошедшие полтора года эксплуатации трубопровода Туркмения экспортировала в Китай более 10 млрд куб. м природного газа, в том числе только за первые пять месяцев 2011 г. — более 5,7 млрд куб. м. Этот импорт составляет на настоящий момент более чем 10 % внутреннего потребления газа и половины полного газового импорта Китая в тот же самый период, что показывает стратегическую важность данных поставок газа. Это отчасти внесло элементы конкуренции в ситуацию с экспортом центральноазиатского газа между Россией и Китаем. Большой интерес к поставкам газа на экспорт в Китай имеют и Казахстан, и Узбекистан. Хотя, пока спрос на газ в Европе полностью не восстановился, экспорт центральноазиатского газа в Китай действует в пользу укрепления европейских позиций «Газпрома».

Инвестиционный аспект. Общий объем осваиваемых *китайских инвестиций* в странах Центральной Азии на 2010 г. — более 15 млрд долл. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает некоторые макроэкономические показатели

стран региона. Однако фокусировка на сырьевой сфере отвлекает ресурсы от обрабатывающего кластера ЦАР, без которого формирование в регионе сбалансированной экономической структуры крайне проблематично.

Казахстан остается главным приоритетом для Китая в ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. На РК приходится порядка 80 % товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами-членами ШОС. Основные позиции экспорта Казахстана в Китай — это сырьевые ресурсы: энергоносители (нефть, газ) — 63 %, черные и цветные металлы (в большой мере в форме металлолома), сталь — 24 %. Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72 %), продовольствие (11 %), а также товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самой РК. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд долл.

Облик ШОС в мире стремительно меняется. Организация — один из мировых центров влияния и часть «неамериканского мира». «Внутри» ШОС три уровня — 1) институт постоянных членов (РФ, КНР, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан); 2) группа стран-наблюдателей (Индия, Пакистан, Иран, Монголия, с лета 2011 г. — Афганистан); 3) группа стран-партнеров по диалогу (Белоруссия, Шри Ланка). В рамках проекта встает на ноги военно-политический компонент. В Вашингтоне и Брюсселе стали понимать, что они проглядели момент рождения новой, пока не очень для них понятной организации. Сегодня США и ЕС по-разному оценивают ШОС. Вашингтон после получения информации о том, что ее союзники Дели и Исламабад официально оформили и подали заявки на вступление в группу постоянных членов ШОС, тут же срочной почтой доставил и свою заявку на вступление в группу стран-«партнеров по диалогу». Аналогичные желания имеют Сеул и Токио. Брюссель же, наоборот, продолжает усиливать неприятие Организации, критикуя ШОС по гуманитарным и политическим вопросам. Позиция ЕС выглядит недалководной и отражает общий европейский кризис политического мышления.

4. Выход Китая на уровень комплексного присутствия в Африке и Латинской Америке

Китайские корпорации подписали в 2011 г. 54 крупных контракта в Латинской Америке и 69 — в Африке. Торговые интересы — 163 млрд долл. с Латинской Америкой и 119 — с Африкой в 2010 г. Инвестиционная мотивация — ежегодно по 10 млрд долл. в проекты Латинской Америки. Валютные интересы Китая — обкатка юаня как будущей, потенциальной (региональной и мировой) расчетной единицы. Так, уже сегодня действуют следующие схемы: Аргентина продает КНР свое зерно за юани, а затем на них же покупает у Китая сельхозоборудование. В 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок своих облигаций для иностранных банков, имеющих накопления в юанях. В политике КНР на данных направлениях особенно рельефно просматриваются китайская ресурсно-сырьевая, инвестиционная, гуманитарная (создание положительного имиджа), политическая мотивации. Факты списания 33 африканским странам долгов и создание Форума «Китай—Африка», несомненно, оказали комплексное влияние на усилении позиций КНР по всем направлениям на «Черном континенте».

5. Китай и политика «мягкой силы»

Хорошо известен мировой (сетевой) проект Китая — создание Институтов Конфуция, распространяющих в более чем 36 странах китайский язык, культуру. Руководством КНР делаются также акценты на необходимости соблюдения «моральной притягательности» тех или иных (экономических и политических) шагов китайской дипломатии, особенно в странах «третьего мира». Фактически, сегодня в рамках «мягкого взаимодействия» происходит одновременная глобализация Китая и расширение культурного влияния КНР в мире.

6. КНР—США

Формируется своеобразная «двухполюсная» модель китайско-американских отношений. С одной стороны, полюс растущей взаимозависимости. На нем концентрируется сращивание экономических интересов двух держав, включая торговлю и инвестиции. Китаем скупил на 2 трлн долл. американских казначейских обязательств. С другой стороны, усиливается полюс по-

тенциальных конфликтов и противоречий, связанных с американским нажимом на юань, геополитическими «нестыковками» в АТР и других частях мира, включая Арктику, а также с космосом, традиционными темами прав человека, Тайваня, Тибета, Синьцзяна и др.

Модель отражает неразрешимое на сегодняшний день противоречие для обоих государств — «вместе трудно, порознь невозможно». Причем выход не просматривается и на ближайшую перспективу.

7. КНР — Южная Азия

В китайско-индийских отношениях, во-первых, присутствует «классический» набор межгосударственных связей (экономических, политических и культурных), характерный для любой двусторонней модели отношений. Во-вторых, усиливаются элементы, связанные с региональным влиянием КНР и Индии соответственно в СВА и Южной Азии. Являясь неформальными лидерами «своих» регионов, они вольно или невольно вносят в двусторонние отношения элементы межрегионального сотрудничества и, одновременно, соперничества. Объективно Индия и КНР сближает их позиция по проблеме ядерного оружия. Минимально ориентируясь на стратегию ядерного сдерживания, оба государства рассматривают его не столько как средство ведения войны, сколько в качестве вынужденного политического атрибута, необходимого для усиления своих региональных и глобальных позиций.

На отношения двух стран также влияют третьи страны из географически близких регионов. В случае с Пакистаном двусторонние китайско-индийские отношения приобретают менее доверительный характер, возрастает потенциал их конфликтности. В случае же с Россией, наоборот, отношения стабилизируются как на двустороннем (КНР — Индия), так и региональном уровне в Южной Азии и Северо-Восточной Азии. Формирование известного «треугольника» РИК позволило, кроме решения задач в сфере экономического и политического сотрудничества, сблизить Пекин и Дели в рамках развития и углубления трехстороннего диалога. Итог индийской политики КНР — выход на уровень стратегического партнерства. В основе этого лежит взаимный экономиче-

ский интерес, прежде всего торговля, составившая в 2010 г. более 60 млрд долл.² Хотя сохраняются и ограничители — территории *Аруначал-Прадеш*, на которые претендует Китай.

Пакистанский вектор является для Пекина одним из приоритетных в регионах Южной Азии и Среднего Востока. Сложилась система двусторонней поддержки при продвижении друг друга в региональные организации. Так, в 2005 г. Китай получил статус наблюдателя в организации *СААРК*, а Пакистан — в *ШОС*. В Исламабаде предпринимаются попытки подключить Пекин к более активному участию в делах Южной Азии. Китайско-пакистанское сотрудничество охватывает химическую промышленность, инжиниринг, поставки железнодорожного подвижного состава, строительство объектов инфраструктуры, автомобильных дорог, портов, мостов, жилых домов и т. д. Один из ключевых объектов китайских инвестиций — порт *Гвадар*, в строительство которого Китай на первом этапе инвестировал 2 млрд долл. (до 2006 г.), а на втором — 600 млн долл., обеспечивших сооружение 9 морских причалов.

8. Активизация КНР в регионах сопредельной Восточной Азии

Данное направление остается приоритетным региональным вектором в интеграционном и торгово-экономическом плане.

Проблемы. В регионе сохраняется старая система безопасности, которая сложилась в годы «холодной войны», ориентированная на США и их союзников (Ю.Корею, Японию и др.). При этом косвенно признавая стабилизирующую роль военно-политического присутствия США в регионе, в Пекине работают над альтернативными проектами³. Острой проблемой остается нерешенные территориальные споры в китайско-японских, российско-японских, китайско-вьетнамских, японо-южнокорейских отношениях вокруг той или иной группы островов. Экономические и экологические аспекты связаны с быстрым ростом Китая и увеличением ресурсно-экологических нагрузок на сопредельные территории стран АСЕАН (бассейн р. Меконг), российский Дальний Восток (бассейн р. Амур), Казахстан (бассейн р. Черный Иртыш). Каскад ГЭС и каналов на р. Меконг, строительство которых начал Китай, кроме экономических выгод, несет серьезные экологические вызовы как отдельным странам

Юго-Восточной Азии (Лаосу, Камбодже, Таиланду, Мьянме, Вьетнаму), так и южным провинциям Китая.

Возможности. Для ведущих стран региона (Японии, России, Южной Кореи) КНР становится чрезвычайно выгодным торговым и инвестиционным партнером.

Справка. Объем торговли Китая с Японией — более 300 млрд долл. за 2010 г., а японских инвестиций в Китай — около 70 млрд долл. Объем торговли со странами АСЕАН превысил 280 млрд долл. 1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли «Китай — АСЕАН». Для создания зоны свободной торговли Китай — АСЕАН потребовалось 8 лет. Она охватывает 11 стран, где проживают 1,9 млрд населения. После открытия ЗСТ среднестатистическая таможенная пошлина между Китаем и странами АСЕАН снизилась с 9,8 до 0,1 %. В рамках проекта успешно развивается субрегиональный проект сотрудничества в бассейне р. Меконг — КНР, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Вьетнам. По заявлениям китайских экспертов, в рамках зоны свободной торговли более 7000 видов товаров будут освобождены от взимания таможенных пошлин, что составляет примерно 90 % от общего количества товаров в торговле между Китаем и АСЕАН. Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений.

Основы возможностей были заложены при Дэн Сяопине — развитие линии на стабилизацию ближней китайской периферии, улучшение репутации КНР среди непосредственно окружающих ее стран. Она не была направлена на формирование в Восточной Азии «китаецентричного порядка». Что, кстати, ожидали и враги, и друзья Китая. КНР стал вести себя с малыми и средними странами региона не как с «верными подданными», а как с прагматичными партнерами. Защитный национализм отдельных государств АСЕАН не мешал китайской политике. Напротив, он мешал соседним странам включаться в иницилируемые западными государствами кампании критики Китая за несовершенство его политической системы и пренебрежение правами человека.

Перспективы. После 2012 г. внешняя политика Китая в Восточной Азии, скорее всего, будет развиваться в условиях дальнейшего роста китайского экономического и политического влияния. Регионы СВА и ЮВА останутся наиболее приоритетными для него из «ближнего окружения». Дальнейшая экономическая интеграция Тайваня в КНР, а также развитие региональных интеграционных проектов с АСЕАН, Японией и Южной Кореей позволят Китаю вплотную подойти к реализации проекта «Большого Китая» в Азии. Хотя контуры и содержание этого проекта сегодня до конца неясны, как и неясны все возможные риски для больших и малых стран региона. Россия, исходя из собственных интересов, через энергетические, транспортные проекты и безопасность, а также используя возможности Владивостокской площадки АТЭС в 2012 г., имеет возможности для расширения своего присутствия в регионе. Китай теоретически мог бы выступить «лоббистом» в продвижении российских интересов в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Насколько перспективной окажется такая российско-китайская связка в регионе покажет уже ближайшее будущее.

На фоне обострения конфликтного потенциала в регионе (Корейский полуостров, Тайваньский пролив, Южно-Китайское море и др.), роста нетрадиционных вызовов и угроз Китай находит возможности быстро и успешно продвигать масштабные интеграционные проекты (открытие в 2011 г. зоны свободной торговли КНР—АСЕАН и др.). На данном направлении, несмотря на политические и территориальные споры с Японией и отдельными странами АСЕАН, зримо просматриваются перспективы дальнейшего становления трехстороннего проекта «КНР—Япония—Южная Корея», проектов АСЕАН +3 и АСЕАН+1, углубления китайско-тайваньской экономической интеграции и кооперации, углубления кооперации сибирских и дальневосточных регионов РФ с северо-восточными провинциями КНР.

Выводы и прогнозы. Таким образом, суммируя сказанное и возвращаясь к поставленным в начале проблемам, предлагаем выводы и прогнозы:

1) просматривается тенденция дальнейшего уменьшения роли и влияния традиционных принципов во внешней полити-

ке КНР как «большого развивающегося государства» и усиления глобальных элементов «великой державы» и глобального позиционирования Китая по ключевым вопросам на ближайшую перспективу. Однако вряд ли можно говорить о полном и быстром преобразовании (концептуальном, практическом) КНР в сверхдержаву. В грядущее пятилетие речь пойдет о сочетании элементов политики глобальной, региональной державы и «развивающегося государства». В одних случаях китайская дипломатия будет продолжать использовать инструменты и терминологию «крупного развивающегося государства», в других будет действовать с позиций «большой региональной державы», а в отдельных — как глобальная (великая) держава. Подобная вариативность, скорее всего, будет наблюдаться достаточно долго, т. е. и на среднесрочную перспективу;

2) на ближайшую перспективу не исключено усиление политики нейтрализации Китаем попыток навязывания ему политико-идеологических (либеральных) проектов (в форме «цветных», «жасминовых» или иных революций). Будущий руководитель КНР — Си Цзиньпин уже сегодня делает ряд достаточно жестких заявлений, которые свидетельствуют о его бескомпромиссной позиции по этому вопросу. Доминирующим мотивом для нового китайского руководства останется необходимость сохранения стабильности как внутри страны, так и за ее пределами — обязательное условие дальнейшего реформирования и развития КНР;

3) скорость формирования «глобальной ответственности Китая» будет напрямую зависеть от скорости «возвышения» самого Китая в мире. В любом случае, это будет достаточно длительный и сложный процесс, который может быть полностью реализован только в долгосрочной перспективе. В грядущее пятилетие речь скорее пойдет о поддержке КНР одного из вариантов реализации «коллективной глобальной ответственности» через усиление роли БРИКС, ШОС в мире и реформу СБ ООН и других институтов;

4) идея создания «гармоничного мира», скорее всего, сохранится во внешнеполитическом инструментарии новых руководителей. Более дифференцированным будет подход Китая к тем

или иным странам в рамках сложившихся моделей «партнерства». Очевидно, что высокий политический формат сложившегося российско-китайского стратегического партнерства полностью сохранится. Не исключены новые витки напряженности в отношениях КНР с Японией, США, отдельными странами АСЕАН, особенно по вопросам территориального размежевания в Южно-Китайском море. На данном региональном направлении (КНР — Восточная Азия) Китай будет иметь наиболее серьезные вызовы, связанные с нерешенностью проблемы Корейского полуострова, тайваньского вопроса, сохранением односторонней, американской системы региональной безопасности, планами США на интернационализацию территориальных конфликтов в Южно-Китайском море, особенно китайско-японского, китайско-вьетнамского и др.

Примечания

¹ В январе 2007 г. КНР, РФ, ЮАР — против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме»; мотив — отсутствие угрозы безопасности в регионе. В июле 2008 г. — КНР, РФ против резолюции США и Великобритании «О политике президента Зимбабве Мугабе» — мотив тот же.

² URL: http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm

³ Китайский аналитик Ян Сюэтуан заявляет о возможности «сделать среднесрочной стратегической целью военного строительства КНР предоставление гарантий безопасности соседним государствам» (Ян Сюэтуан. Направления развития мировой архитектоники и возможности для Китая // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2008. № 5).

В.Я. Портяков*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В 2009—2011 гг.**

Аннотация. Экономические успехи КНР побудили ее активнее, чем прежде, претендовать на формирование правил игры на мировой арене. Внешняя политика Китая в 2009—2010 гг., особенно в Азии, приобрела весьма напористый характер. Это дало повод США, объявившим о «возвращении в Азию», усилить противодействие растущему влиянию КНР в регионе.

Такой разворот событий грозил серьезным ухудшением внешних условий развития страны. В связи с этим с конца 2010 г. в ее внешнюю политику вносятся определенные коррективы, призванные смягчить сложности взаимной адаптации усилившегося Китая и меняющегося мира.

Ключевые слова: Китай, современная внешняя политика, Азия, напористость, коррективы.

В последние годы внешнеполитический курс Китайской Народной Республики, сохранив такие долговременные базовые характеристики, как независимость, самостоятельность, декла-

рируемая ориентация на обеспечение благоприятных условий для мирного развития страны, претерпел, тем не менее, ряд заметных изменений.

Выявление и осмысление существа этих изменений, их причин и последствий активно идет в настоящее время в самом Китае, на Западе и в России, нередко порождая широкий разброс мнений. Некоторые новации Пекина были в целом позитивно встречены международным сообществом, например, самоидентификация Китая как ответственной державы. Другие новации, при всей их потенциальной важности, не вызвали особого резонанса, как это случилось с широко обсуждавшейся в экспертных кругах КНР идеей перемещения внешнеполитической опоры страны с развивающихся государств в целом на так называемые «новоподнимающиеся державы» («синьсин даго»), представленные в первую очередь форматом БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—ЮАР).

В то же время усиление напористости Китая в практических действиях на международной арене, особенно при отстаивании своих интересов, привлекло повышенное внимание, в первую очередь на Западе, и послужило основанием для вывода, что Пекин «становится менее скрытным и выжидающим» и что его «дипломатия улыбок закончилась»¹.

К концу 2010 г. мнение о том, что «Китай ведет себя все более жестко и несговорчиво по отношению ко многим соседям в Азии, к США и ЕС»², стало преобладающим в США и достаточно популярным во многих других странах мира³. В этой ситуации Пекин существенно усилил пропаганду сугубо мирного характера своего возвышения и неизменности политики добрососедства, не отказавшись, однако, от претензий на большую, чем в докризисный период, роль на мировой арене.

Рассмотрим эволюцию внешнеполитического курса КНР в 2009—2011 гг. более подробно.

Первопричиной подвигек во внешней политике Китая явился рост его абсолютной и относительной экономической мощи, особенно рельефно выявившийся в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Еще в докризисный период Китаю удалось заметно сократить отставание от ве-

* Портяков Владимир Яковлевич — д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

** Подготовлено при поддержке РГНФ. Проект 12-03-00376а «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

душих экономик мира. Если в 2002 г. ВВП КНР составлял 13,9 % от американского и 37 % от японского (при пересчете в доллары по текущему курсу), то в 2008 г. это соотношение выросло соответственно до 27,2 и 78,6 %. Доля страны в мировой продукции перерабатывающих отраслей с 5,1 % в 1995 г. выросла до 11,4 % в 2007 г.⁴ В период кризиса и первые посткризисные годы Китай сохранил высокие темпы экономического роста (9,2 % — в 2009 г.; 10,4 % — в 2010 г. и 9,2 % — в 2011 г.) и хорошую динамику развития внешней торговли (за исключением 2009 г.). Это позволило ему опередить Японию и выйти в 2010 г. на 2-е место в мире по годовому объему ВВП, также на 2-е место, опередив Германию, — по объему внешнеторгового товарооборота и импорта и на 1-е — по объему экспорта. Поскольку темпы экономического роста США оказались существенно ниже, чем у КНР, их отрыв от Китая по годовому объему ВВП вновь существенно сократился. Появились прогнозы, согласно которым экономики двух стран количественно сравняются в 2018 г.⁵ При этом по доле в мировой переработке Китай опередил США уже в 2010 г. (соответственно 19,8 и 19,4 %)⁶.

Превращение Китая в настоящую мировую фабрику не только обеспечило ему высокие темпы роста, но и предопределило нарастание зависимости экономики страны от нормального функционирования мирового хозяйства, будь то обеспечение импорта возрастающих объемов нефти, железной руды, высокотехнологичных компонентов для промышленной сборки широкой гаммы машиностроительной и электронной продукции или поддержание устойчивого крупномасштабного экспорта готовых изделий по всему миру.

Мировой финансово-экономический кризис с характерным для него заметным ростом протекционизма поставил Китай перед необходимостью твердо и последовательно отстаивать свои интересы в мировой экономике.

В связи с этим в стране заговорили о развитии «океанских возможностей» для военно-морского флота (включая обретение собственного авианосца), способного защитить наиболее важные маршруты транспортировки грузов.

В экспертном сообществе КНР было сформулировано понятие «интересы развития», де-факто выводящее всю конструкцию параметров и факторов функционирования современной китайской экономики за узкие для нее пределы национальных границ.

Ускорилось осмысление общей концепции государственных интересов Китая. В июле 2009 г. в ходе китайско-американского стратегического и экономического диалога член Госсовета КНР Дай Бинго впервые на официальном уровне сформулировал «коренные интересы Китая»: защита основного строя и безопасности государства; государственный суверенитет и территориальная целостность; устойчивое стабильное социально-экономическое развитие. Представитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции 13 июля 2009 г. в обобщенном виде определил коренные интересы Китая как государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность и обеспечение интересов развития⁷.

Уже сама по себе всеохватывающая формулировка коренных интересов КНР недвусмысленно свидетельствовала о ее трансформации из регионального в глобального международного игрока. Новый глобальный статус Китая объективно подкреплялся относительно успешным прохождением им мирового экономического кризиса и увеличением вклада страны в мировой экономический рост⁸.

Переход страны в новое качество все более полно начало осознавать и ее руководство. С одной стороны, мировое сообщество стало настойчиво требовать активного включения Китая в решение таких глобальных проблем, как борьба с изменениями климата. С другой стороны, присутствие Китая как экономического тяжеловеса на многочисленных саммитах с антикризисной повесткой дня, прежде всего на встречах лидеров «двадцатки», едва ли не впервые дало Пекину возможность практического участия в так называемом «глобальном управлении» и показало, что он отныне может реально влиять на формулирование «правил игры» на мировой арене в целом. Дополнительную уверенность в своих силах Китаю придало успешное проведение летней Олимпиады в 2008 г. в Пекине и Всемирной выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

Симптоматично, что именно «уверенность в себе, присущую великой державе», некоторые китайские эксперты ставят на первое место среди новых особенностей внешней политики КНР в послеолимпийский период. Как подчеркивает проректор Академии международных отношений Народного университета Китая профессор Чэнь Юэ, «Китай начал еще более хладнокровно, с достоинством оглашать свои стратегические представления и цели, не стремясь отныне уклониться от выражения собственных чаяний или затушевать их, а также не проявляя чрезмерной обеспокоенности реакцией внешнего мира»⁹.

Первой удачной заявкой КНР на более активную роль в мировых делах стало улучшение ее позиций в ведущих международных валютно-финансовых организациях. Доля голосов Китая во Всемирном банке была увеличена с 2,47 до 4,42 %, а в Международном валютном фонде — с 3,65 до 6,07 %. В обоих случаях Китай поднялся на третью позицию, уступая ныне лишь США и Японии¹⁰. Еще одним знаковым свидетельством возросшей активности Пекина явилась постанова им в мировую финансово-экономическую повестку дня вопроса об интернационализации юаня и его выходе в обозримой перспективе на роль одной из мировых резервных валют. Хотя данная идея пока реализуется преимущественно в форме растущего использования юаня в расчетах КНР со своими торговыми партнерами, тем не менее, она вызвала широкий резонанс и подкрепила претензии КНР на весомое участие в управлении мировым хозяйством. Стремясь закрепить свой статус как ответственной глобальной державы, Китай увеличил долю взноса в постоянный бюджет ООН с 2,667 % в 2009 г. до 3,189 % в 2010 г. и долю взноса на миротворческие операции с 3,144 до 3,939 % (в сумме — до 300 млн долл.). Кроме того, с конца 2008 г. Китай неоднократно направлял военные суда к берегам Сомали для участия в патрулировании района действий морских пиратов, обеспечив безопасное прохождение акватории для трех тысяч судов¹¹.

В то же время далеко не на всех направлениях Китай располагал достаточно внятной программой дальнейших действий.

Переход в лигу «богатых и сильных» произошел слишком быстро даже для самой КНР, не говоря уже об остальном мире. Возникла потребность в определенном обновлении самоидентификации страны, переосмыслении места Китая в мире и стратегии его отношений с теми или иными группами государств. Эти обстоятельства обусловили заметное присутствие во внешней политике Китая 2009—2010 гг. элементов поискового характера, отчасти объясняемое также необходимостью оперативно реагировать на динамичные изменения международной обстановки в целом и на конкретные инциденты и действия, непосредственно затрагивающие Китай.

В частности, обратило на себя внимание предложение шанхайского политолога Ян Цземьяня сделать главной опорой Китая в продвижении к статусу глобальной державы группу «новоподнимающихся государств» — на тот момент БРИК, — а не все развивающиеся страны в целом, как прежде. Ян Цземьянь полагал, что эта группа, оформление которой сделало международную обстановку более сбалансированной, могла бы служить Китаю стратегической опорой во многих аспектах, в том числе в политике, экономике и энергетике, в реформе международной валютно-финансовой системы и в формировании международного механизма противодействия нетрадиционным угрозам безопасности¹². В прямом виде данная идея (возникшая, на наш взгляд, как альтернатива предложению ряда американских политологов о формировании «большой двойки» в составе КНР и США) поддержки не получила. Возобладало официальное мнение, что Китай еще в течение длительного времени будет входить в круг развивающихся стран, пусть в качестве крупнейшей из них¹³. Вместе с тем в китайском экспертном сообществе закрепилась идея отказа от унифицированного подхода к данной группе стран и перехода к более адресной, точной, дифференцированной политике, учитывающей особенности каждой из них. Как полагает профессор Пекинского университета Е Цзычэн, именно такой новый подход в наибольшей мере отвечает интересам Китая и позволяет превратить отношения с развивающимися государствами в активный элемент его внешнеполитической стратегии¹⁴.

Важным фактором, заметно повлиявшим на особенности внешнеполитического курса КНР последних лет, стал рост *национализма* в стране, сопутствовавший успехам Китая и укреплению его позиций в мире.

На практике четко разграничить естественные чувства патриотизма, гордости за свою страну и национализм довольно трудно. Возможно, именно поэтому у ряда политологов КНР есть формальные основания представить китайский национализм последних лет как рациональный, т. е. «открытый, мягкий, ... не направленный на сдерживание других государств, мирный, а не гегемонистский»¹⁵. На наш взгляд, однако, такая характеристика явно идеализирует реальный национализм в сегодняшнем Китае.

Во-первых, спектр его носителей весьма широк и включает приверженцев достаточно радикальных взглядов — от «леваков» до части военных¹⁶.

Во-вторых, их влияние на общество, незначительное еще 10 лет назад, существенно выросло с массовым распространением Интернета. К примеру, книги приверженца национализма Ван Сяодуна стояли на полках китайских книжных магазинов еще в 2000—2001 гг., но тогда его мало кто знал, зато теперь, благодаря публикациям в сети, он известен всему Китаю и даже за рубежом¹⁷. Соответственно, круги, принимающие решения, сегодня не могут игнорировать националистические воззрения в обществе и вынуждены так или иначе принимать их во внимание¹⁸.

В-третьих, как ни парадоксально, на первый взгляд, питательной средой сегодняшнего китайского национализма выступают, среди прочего, и сами официальные прогнозы и ориентиры дальнейшего укрепления мощи Китая и его позиций в мире.

В этом плане показательны сопоставление двух недавних работ китайских авторов — «У Китая нет другого выбора, кроме...» Юань Куня¹⁹ и «Китай в 2030 году — продвигаясь к всеобщей зажиточности», подготовленной группой специалистов Университета Цинхуа во главе с известным ученым Ху Аньганом²⁰.

Первая работа написана с националистических и даже мессианских позиций и ставит своей целью доказать, что Китай

уже заложил основы для превращения в «первоклассную державу» и непременно сможет стать сверхдержавой, «несущей с Востока цивилизацию и процветание...». Единственное, чего Китаю не хватает для превращения в ведущее государство мира — это лишь уверенности и смелости. Юань Кунь широко использует броские метафоры и сравнения, призванные подкрепить его главную идею. Показательны названия разделов его работы: «Если Китай чихнет, то весь мир заболит гриппом», «Если однажды Китай наложит санкции на Америку...», «Продажа американских облигаций — новое ядерное оружие Китая» и т. п.

Близкие к официальному мейнстриму ученые Университета Цинхуа не прибегают к бахвальству, однако их базовый прогноз — сосредоточение в 2030 г. в Китае трети мирового валового продукта с опережением США по этому показателю в 2,2 раза — так же, как и работа Юань Куня, фактически ориентирует развитие страны на достижение сверхдержавного статуса.

Возникает устойчивое ощущение, что авторы долгосрочных прогнозов словно не замечают присутствия на планете других стран, игнорируют наличие у них собственных интересов и целей, отличных от китайских, ставя во главу угла только свое «право на развитие». В данном контексте по-своему закономерно, что, начиная с 2009 г., Китай стал нередко оцениваться на Западе как «нация, узко ориентированная на собственные интересы и стремящаяся к максимизации своей комплексной мощи»²¹. На наш взгляд, такая характеристика несколько чрезмерна, однако нельзя не признать, что усиление националистических настроений в китайском обществе способствовало определенному ужесточению внешнеполитического инструментария Китая в 2009—2010 гг. На местном уровне готовность к решительному отпору оппонентам по собственной инициативе, без каких-либо директив центральных властей стала в тот период достаточно массовым явлением.

В обществе крепло убеждение, что Китай перерос ограничительные рамки внешнеполитических заветов Дэн Сяопина двадцатилетней давности и что ему следует перестать «скрывать свои возможности» и перейти к самым активным действиям на

международной арене, особенно при защите собственных интересов.

Во многом именно в таком ключе оказалось выдержано поведение Китая в ряде получивших заметный международный резонанс конфликтных ситуаций 2009—2010 гг.

«Точкой отсчета» здесь стал август 2008 г. Он ознаменовался двумя примечательными событиями. Во-первых, это успехи Китая на летних Олимпийских играх в Пекине, которые существенно повысили самооценку страны. Во-вторых, российско-грузинские боевые действия, последовавшие за попыткой Тбилиси силой восстановить контроль над Южной Осетией. То обстоятельство, что США не оказали эффективной поддержки своему союзнику Грузии, было расценено в Пекине как недвусмысленное доказательство ослабления их мощи.

Одним из первых практических эпизодов, продемонстрировавших готовность Пекина действовать жестче, чем раньше, стал инцидент с американским судном акустической разведки «Импекабл» («Impressable» — «Безупречный») в 75 милях к югу от Хайнаня. 9 марта 2009 г. китайская сторона силами пяти судов различной ведомственной принадлежности попыталась физически воспрепятствовать плаванию этого американского корабля в экономической зоне КНР. Ранее в ответ на аналогичную рутинную разведывательную деятельность судов США подобные действия не предпринимались.

Одной из «фоновых» причин инцидента стало различное толкование в Китае и США ряда положений Конвенции ООН по морскому праву. Как полагает китайская сторона, запрет конвенции на разведывательную деятельность в территориальных водах должен распространяться и на эксклюзивную экономическую зону. Американская сторона отстаивает принцип полной свободы мореплавания и ведения разведывательной деятельности в этой зоне. США выразили протест, охарактеризовав действия китайских судов в отношении американского судна как нарушение требований международного права о соблюдении прав и безопасности всех пользователей моря. Китайская сторона, в свою очередь, отвергла этот протест как «несостоятельный»²².

Вместе с тем нельзя не увидеть прямой связи между временем инцидента и приходом к власти в США новой администрации во главе с Б. Обамой. По логике вещей китайское руководство было абсолютно не заинтересовано в каком-либо осложнении отношений с новой американской администрацией в период между только что состоявшимся визитом в Пекин госсекретаря Х. Клинтон (20—22 февраля) и намечавшейся на 1 апреля 2009 г. первой встречей Ху Цзиньтао с Б. Обамой на полях саммита «группы двадцати» в Лондоне. Поэтому некоторые американские политологи охарактеризовали инцидент с «Импекабл» как предпринятую без согласования с центром сугубо местную инициативу, ставшую, тем не менее, «индикатором агрессивной манеры поведения Китая, особенно в Южно-Китайском море»²³.

Китайские аналитики, в свою очередь, увязали инцидент со стремлением военных кругов в США напомнить Б. Обаме об усилении Китая на морях и в целом затруднить задуманное новым президентом «стратегическое сближение» с Пекином²⁴.

Похожее мнение, только с возложением ответственности на китайских моряков, высказал М. Чэйз из военно-морского колледжа в Ньюпорте. Он напомнил, что инцидент 9 марта не был изолированным эпизодом: до этого, 4 и 5 марта, китайские суда чинили помехи плаванию другого американского разведывательного корабля — «Викториоус» — в 200 км от берега в Желтом море²⁵.

Формально инцидент с «Импекабл» был быстро урегулирован — то ли после вмешательства центрального китайского руководства, то ли после согласия Б. Обамы на отправку в акваторию ракетного эсминец для защиты разведывательного судна на время его плавания в регионе.

Однако на китайское и американское восприятие политики другой стороны в Восточной Азии данный эпизод определенное влияние оказал.

Серьезные метаморфозы претерпела в 2009—2010 гг. политика Пекина по отношению к КНДР.

К началу 2009 г. в Китае накопилось заметное раздражение по отношению к Пхеньяну, тормозившему возобновление шес-

тисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова, в которых Пекин не без оснований претендовал на роль «первой скрипки». Издаваемый под эгидой МИД КНР журнал «Шицзе чжиши» («Знания о мире») констатировал, что благодаря «ловкому ведению дел» с администрацией Дж. Буша северо-корейская дипломатия, используя шесть лет шестисторонних переговоров, получила все желаемое: взорвала ядерный заряд, объявила КНДР ядерной страной, да к тому же получила значительную помощь нефтью и продовольствием... «Америка же в этот период лишь потеряла время и деньги, не получив ничего»²⁶.

Испытание Пхеньяном 5 апреля 2009 г. ракеты-носителя, будто бы выведшей на околоземную орбиту спутник связи, было расценено Советом Безопасности ООН как нарушение его резолюции № 1718 от 14 октября 2006 г. (в частности, требовавшей от КНДР не проводить новых ядерных испытаний или пусков баллистических ракет). В заявлении председателя Совета Безопасности содержалось требование к Пхеньяну не заниматься впредь запуском ракет. Северо-корейская сторона отвергла его, заявила о выходе КНДР из шестисторонних переговоров и объявила о решении восстановить ядерные объекты, ранее выведенные из функционального состояния²⁷.

Китаю пришлось в срочном порядке определяться со своей позицией по КНДР — как относительно ее конкретных акций, так и в более долгосрочном стратегическом плане. В официальных и экспертных кругах развернулась серьезная дискуссия по этой проблеме, частично просочившаяся в СМИ. Наиболее критичная по отношению к КНДР позиция была сформулирована в статье Цай Цзяня, опубликованной в «Шицзе чжиши» 1 мая 2009 г.²⁸ В ней предельно четко указывалось, что «Китай не рассчитывает на превращение Северной Кореи в государство, обладающее ядерным оружием», поскольку иное нанесло бы серьезный ущерб коренным интересам КНР, создав существенные ограничения или даже угрозу для их реализации. Попытки КНДР создать ядерное оружие были осуждены как «крайне авантюрные» действия.

Кроме того, в статье содержался прозрачный намек на возможность снижения уровня отношений Пекина с Пхеньяном

ради улучшения отношений Китая с США. Во-первых, было отмечено, что «из всех проблем Корейского полуострова наибольшее совпадение позиций между Китаем и США наблюдается по его денуклеаризации». Во-вторых, было заявлено, что «в долгосрочном плане проблема ядерной КНДР не является конфликтной проблемой в отношениях между нею и США. Это — проблема соотношения глобальной стратегии Китая и стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В связи с этим, делал вывод Цай Цзянь, особого внимания требует выстраивание баланса между китайско-северо-корейскими и китайско-американскими отношениями.

Второе подземное ядерное испытание, проведенное Пхеньяном 25 мая 2009 г. (первое — в октябре 2006 г.), явно превысило пределы терпения Пекина, который присоединился к резолюции СБ ООН № 1874 от 12 июня 2009 г., строго осудившей данную акцию КНДР. При этом в период подготовки резолюции — 3 июня — ядерную проблему Кореи по телефону обсудили лидеры КНР и США²⁹.

По мнению американского эксперта из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Бонни Глэйзер, необычно резкая официальная реакция Пекина на ядерное испытание в КНДР объяснялась следующим обстоятельством: раньше в Китае полагали, что ядерная программа Пхеньяна выступает для него лишь средством размена на нормализацию отношений с США, однако после 25 мая стало ясно, что ядерный статус — это подлинная цель Пхеньяна³⁰.

В целом в июне—июле 2009 г. создавалось впечатление, особенно в США, что Китай как никогда близок к тому, чтобы присоединиться к «единому фронту» тотального давления на КНДР в составе США, Японии и Республики Корея. Этого, однако, не произошло. Китай перестал втягиваться в чужую игру с непредсказуемыми для него последствиями и постепенно реанимировал особые отношения с КНДР, сочтя их более эффективными для сохранения статус-кво на полуострове. Благо для этого были подходящие поводы — 60-летие установления дипломатических отношений и ранее сделанное объявление 2009 г. Годом дружбы КНР и КНДР.

В сентябре 2009 г. Пхеньян в статусе специального представителя Ху Цзиньтао посетил член Госсовета КНР Дай Бинго, а в октябре — премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, подтвердивший курс Пекина на сохранение традиционной дружбы и сотрудничества с КНДР.

Резко изменился тон публикаций о КНДР в китайской печати, включая «Шицзе чжиши». Теперь подчеркивалось, что внутренняя стабильность в стране является предпосылкой решения ядерной проблемы КНДР путем диалога, что она соответствует интересам всех соседних государств, которым адресовался призыв «не оказывать на Пхеньян чрезмерного давления». Отмечалась необходимость видеть ошибки не только северо-корейской, но и американской стороны³¹.

Очевидное изменение собственной позиции в Китае объясняли стремлением помочь Пхеньяну выйти из международной изоляции, необходимостью обеспечить стабильность на Корейском полуострове и вернуть КНДР «на рельсы диалога о решении ядерной проблемы». Смягчение позиции Пекина по КНДР было, как признают китайские политологи, критически воспринято частью международного общественного мнения³².

Вскоре «градус критичности» стал заметно расти. Резкое обострение межкорейских отношений в 2010 г., спровоцированное подрывом южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрелом северянами острова Ёнпхёндо, находящегося под юрисдикцией Сеула, обнажило принципиальное различие подходов Китая и Запада к КНДР и к путям урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Китай, руководствуясь собственными интересами, не поддержал возложение ответственности за случившееся исключительно на Пхеньян, активизировал политические контакты с ним и увеличил экономическое содействие КНДР. В связи с этим американские политологи обвинили Пекин в ослаблении взаимодействия с Западом в деле урегулирования проблем Корейского полуострова³³.

Осложнились и отношения Китая с Японией, которые после ухода в отставку правительства Дз. Коидзуми развивались в целом в позитивном ключе: состоялся обмен визитами лидеров двух стран, были развернуты китайско-японские стратегический

и экономический диалоги, наметилась активизация двусторонних контактов в оборонной сфере³⁴. Однако задержание 8 сентября 2010 г. японской стороной экипажа и арест капитана рыболовецкого судна КНР за «незаконный лов рыбы» в оспариваемом двумя странами районе островов Дяоюйдао (Сэнкаку) вызвали необычно резкую реакцию Пекина. Китай немедленно объявил об отсрочке переговоров об увеличении числа авиарейсов между двумя странами и о прекращении обменов визитами официальных лиц на уровне администрации провинций и выше. Вопрос с освобождением китайского капитана был решен только после того, как 21 сентября этого потребовал премьер Вэнь Цзябао, находившийся в Нью-Йорке и пригрозивший серьезными последствиями для японской стороны за ее незаконные действия. Одним из таких последствий стало прекращение Китаем экспорта в Японию редкоземельных элементов, используемых для производства широкой гаммы электронных изделий.

Как полагают китайские политологи, жесткое поведение обеих сторон свидетельствует об усилении конкуренции между Китаем и Японией за обеспечение своей безопасности на морях и за морские ресурсы. Особенно неприятным для Китая последствием инцидента стало укрепление американо-японского союза, существенно ухудшившее общую ситуацию с обеспечением безопасности в регионе³⁵.

В 2009—2010 гг. заметно обострились споры между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Филиппинами, Вьетнамом и отчасти Малайзией, по вопросу о суверенитете над островами, разграничению шельфа и водной акватории в Южно-Китайском море.

После одобрения в 2002 г. КНР, Филиппинами и Вьетнамом Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, зафиксировавшей ориентацию стран на решение спорных проблем путем мирных переговоров и их обязательство воздерживаться от угроз и враждебных действий, страсти вокруг этой чрезвычайно сложной проблемы на какое-то время улеглись.

Ситуацию, однако, удалось «законсервировать» ненадолго. В связи с приближавшимся окончанием срока моратория на подачу заявок на участки шельфа вокруг островов, который был

предусмотрен Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., в мае 2009 г. Вьетнам и Филиппины активизировали действия по закреплению де-факто своего суверенитета над островами, находящимися под их контролем. Дополнительную остроту ситуации придали данные геологоразведки о существенном потенциале нефтедобычи в районе Южно-Китайского моря.

2 февраля 2009 г. Палата представителей парламента Филиппин приняла Закон об определении основной линии Филиппинского архипелага, в соответствии с которым группа островов архипелага Наньша (Спратли), именуемая Манилой «архипелаг Калайаан», оказывалась в пределах основной морской границы Филиппин. 10 марта закон был утвержден президентом Филиппин. 6 мая Вьетнам и Малайзия внесли в ООН совместный проект разграничения шельфа в Южно-Китайском море за пределами двухсотмильной эксклюзивной экономической зоны.

Постоянный представитель Китая в ООН на следующий день передал генеральному секретарю организации Пан Ги Муну ноту с адресованным Комиссии ООН по разграничению морского шельфа требованием не рассматривать проект Вьетнама и Малайзии³⁶. Тогда же, по свидетельству некоторых экспертов, в Комиссию ООН была представлена известная китайская карта с U-образным абрисом морской границы Китая в Южно-Китайском море, оставлявшим за ним 80 % акватории³⁷. 8 мая Вьетнам вновь подал в Комиссию ООН прежний проект, на сей раз индивидуально. Последовал взаимный обмен протестами между Пекином и Ханоем.

«Масла в огонь» добавило заявление госсекретаря США Х. Клинтон о «возвращении США в Азию», сделанное 22 июля на острове Пхукет в Таиланде в ходе заседания Азиатского регионального форума. Обострение конфликта в Южно-Китайском море создало «режим наибольшего благоприятствования» для вмешательства США в ситуацию под предлогом «защиты свободы мореплавания». Кроме того, США фактически открыто предложили странам АСЕАН, как претендовавшим на какие-либо острова Южно-Китайского моря, так и просто опасавшимся возросшей мощи и напористости Китая, активизацию связей с Вашингтоном, особенно в военной сфере, в качестве

своеобразной страховки от рисков. «Хеджирование» на основе противодействия Китаю, которое всего несколько лет назад рассматривалось как чисто гипотетическое, с 2009 г. в регионе Южно-Китайского моря стало реальностью.

В 2010 г. ситуацию еще более обострили широко распространившиеся слухи о включении проблемы суверенитета над островами Южно-Китайского моря в перечень «коренных интересов Китая».

Некоторые зарубежные эксперты говорят об этом как о свершившемся факте³⁸, но это не совсем так. Вопрос активно обсуждался в КНР, причем на Интернет-форуме «Сильное государство» («Цянго лунтань») за такое включение высказалось свыше 90 % принявших участие в соответствующем голосовании. Однако в прямой форме этого официально сделано не было. Тем не менее, как констатировали китайские политологи, «в конце 2010 г. поветрие включения вопроса о Южном мире в перечень коренных интересов нанесло ущерб и удар по образу Китая как ответственной державы»³⁹.

Пожалуй, именно конфронтация в Южно-Китайском море в наибольшей степени, по сравнению с другими конфликтами, усилила у части международного сообщества сомнения в желани окрепшего Китая сохранять и впредь приверженность политике добрососедства. Да и в целом повышенная напористость 2009—2011 гг. принесла Пекину мало дивидендов. Более того, международная среда существования Китая усложнилась.

Критически анализируя этот период внешней политики КНР постфактум, некоторые китайские политологи пришли к выводу, что переоценка мощи страны, наступательный стиль поведения в международных отношениях и рост националистических настроений ведут «к углублению недопонимания Китая внешним миром, негативно влияют на эффективность внешней политики и вредят его государственным интересам»⁴⁰.

С конца 2010 г. китайское руководство стало вносить заметные *коррективы во внешнеполитический курс*, призванные показать неизменную приверженность Пекина линии на сугубо мирное развитие, добрососедство, обоюдный выигрыш, решение любых спорных проблем путем диалога.

Одним из первых сигналов стала статья члена Госсовета КНР Дай Бинго, которая была размещена на сайте МИД КНР 6 декабря 2010 г., а затем опубликована во многих изданиях, в том числе за рубежом. Дай Бинго заверил потенциально огромную аудиторию своих читателей в отсутствии у КНР каких-либо тайных амбиций, скрытой повестки дня, намерений добиваться гегемонии, в ее приверженности пути мирного развития «в течение следующих ста и даже тысячи лет». Дай Бинго призвал мировое сообщество приветствовать мирное развитие Китая, а не бояться его, помогать ему и поддерживать его, а не пытаться подрывать и сдерживать соответствующие усилия КНР.

Одновременно международному сообществу было адресовано требование «понимать и уважать законные интересы и озабоченности Китая в ходе осуществления его мирного развития». Особо было подчеркнуто, что не может быть выбран такой путь развития, который наносил бы ущерб коренным национальным интересам. В их число Дай Бинго включил сохранение действующей политической системы (включая руководство КПК и социалистический путь развития), суверенитет, территориальную целостность, достижение национального единства и обеспечение основных гарантий устойчивого экономического развития⁴¹.

Основные идеи статьи Дай Бинго были закреплены и развиты в Белой книге Госсовета КНР «Мирное развитие Китая», датированной 6 сентября 2011 г. В специальном разделе Белой книги, характеризующем внешнюю политику Китая, ее целями были провозглашены: содействие строительству гармоничного мира; следование самостоятельным курсом, базирующимся на пяти принципах мирного сосуществования; содействие новому подходу к обеспечению безопасности, основанному на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и координации; несение подобающей международной ответственности; ориентация на региональное сотрудничество и добрососедство. Как и в статье Дай Бинго, в заключительном разделе документа выражалась надежда, что международное сообщество поверит в искренность китайского народа и в его решимость следовать мирным путем развития и будет содействовать этому курсу, а не препятствовать ему⁴².

В китайских СМИ появились многочисленные публикации, доказывающие, что внешнеполитические заветы Дэн Сяопина, призывавшего Китай к осторожному, осмотрительному поведению в мировых делах, являются долгосрочным ориентиром для страны, а вовсе не какой-то вынужденной тактической уловкой, от которой пришла пора отказаться. Как подчеркнул известный китайский дипломат, бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, следование заветам Дэн Сяопина, и, в частности, его ключевому призыву «не выставлять напоказ свои таланты», нацелено на то, чтобы и в перспективе сохранить Китаю возможности для развития и сотрудничества, не дать поломать этот курс.

У Цзяньминь подверг критике приверженцев перехода к более наступательным методам во внешней политике КНР, особенно при решении тех или иных споров с зарубежными странами. «Они, — подчеркнул У, — забыли, что эпоха изменилась, и тот, кто провоцирует войну, утратит симпатии, окажется в пассивном положении и изоляции»⁴³. Быстро меняющаяся международная обстановка, отметил президент Китайского общества народной дипломатии Ян Вэньчан, требует от Китая «хладнокровного наблюдения», только таким образом можно будет выявить реальные тенденции эпохи⁴⁴.

В КНР участились публикации статей дипломатов высшего звена, подробно разъясняющие современный внешнеполитический курс страны.

С конца 2010 г. для разъяснения приверженности Китая пути мирного развития в ведущие зарубежные государства были направлены группы высокопоставленных отставных китайских дипломатов, прошедших беседы и дискуссии с экспертами и официальными лицами США, Канады, России, Казахстана, Индии, Франции и т. д.

Определенные коррективы начали вноситься и в практику.

Был взят долгосрочный курс на утверждение в мире достойного, благоприятного образа Китая, «призванного отразить миролюбие страны, ее ответственность перед международным сообществом и приверженность общему развитию»⁴⁵. Реализация этой цели видится, прежде всего, в повышении привлекательности китайской культуры за рубежом и в укреплении междуна-

родного культурного влияния Китая. В то же время некоторые зарубежные эксперты считают самым слабым местом «мягкой силы» Китая не культурную сферу, а политические институты и дипломатию (в плане их позитивного восприятия в мире)⁴⁶. В данном контексте вполне естественно, что в КНР после увлечения в предшествующий период общей концепцией «мягкой силы» делают следующий шаг, начав углубленное осмысление концепции «умной», или «умелой» силы (smart power)⁴⁷.

Корректируемый *внешнеполитический курс КНР сохраняет глобальный характер*. По-прежнему заметное место в нем уделяется Африке, выступающей и «демонстрационной витриной» эффективности китайской помощи, и в качестве источника нефти, минерального сырья и дополнительных сельхозугодий, а также в связи с «арабской весной», непосредственно затронувшей как минимум экономические интересы Пекина. Глобальное измерение международной деятельности Китая проявляется также в его растущей активности в Арктике (на эту тему в КНР уже опубликованы первые монографии) и в Антарктике, хотя, по оценке западных политологов, «здесь Китай пока являет собой среднюю державу, обладающую устремлениями большой державы»⁴⁸.

Несмотря на регулярные контакты высших должностных лиц КНР с функционерами Европейского союза и входящих в него стран, складывается ощущение некоторого снижения политической активности Пекина на европейском направлении. Это можно объяснить выжидательной позицией Китая в условиях незавершенности развития ситуации с европейским долговым кризисом. Играет свою роль и то обстоятельство, что Европейский союз, добиваясь весомого содействия Китая в решении своих финансовых проблем, уклоняется от удовлетворения встречных запросов о признании КНР рыночной экономикой и отмене эмбарго на продажу ей военной техники.

В то же время в региональных направлениях внешней политики Пекина *усилилось приоритетное место прилегающих к Китаю государств* и субрегионов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Именно соседний пояс остается основной зоной проецирования и реализации государственных интересов КНР

на международной арене, и именно здесь в наибольшей мере оказались сфокусированы разного рода трения и недопонимания, вызванные напористыми действиями Пекина в 2009—2010 гг. «Китай, — констатировали в начале 2012 г. китайские СМИ, — должен, прежде всего, наладить отношения с соседями»⁴⁹.

Наметилось улучшение отношений с Японией. Состоялся визит в КНР нового премьер-министра Японии Ёсихико Нода, достигнута договоренность об использовании национальных валют во взаимной торговле и инновационных сделках, возобновлены усилия по углублению экономической интеграции в «треугольнике» Китай—Япония—Республика Корея. Президент последней Ли Мен Бак также посетил КНР, положив конец определенному охлаждению политических отношений двух стран из-за различий в оценке причин напряженности на Корейском полуострове.

Политическая и экономическая поддержка Китая способствовала сохранению стабильности в КНДР после внезапной кончины Ким Чен Ира. Пекин прилагает активные усилия по возобновлению шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Предприняты шаги по «ремонту» отношений с Индией, в которых в 2009—2010 гг. явно накапливалась скрытая напряженность, порожденная взаимными подозрениями двух держав по поводу неких попыток «окружить» друг друга и неуступчивостью в решении пограничной проблемы⁵⁰. В сентябре 2011 г. в Пекине был проведен первый раунд китайско-индийского стратегического экономического диалога. 17 января 2012 г. в Дели подписано двустороннее межправительственное соглашение о создании консультативно-координационного механизма по делам пограничных территорий. Оно нацелено на укрепление сотрудничества Китая и Индии в обеспечении мира и спокойствия на приграничных территориях двух стран.

Несколько по-иному развивалась ситуация в Южно-Китайском море. До середины 2011 г. Китай продолжал наращивать здесь давление. 26 мая три китайских корабля заблокировали принадлежавшее вьетнамской государственной нефтегазовой компании судно «Биньминь 02», которое «вело сейсмическую

разведку на континентальном шельфе и в эксклюзивной экономической зоне Вьетнама». Подводный кабель вьетнамского судна был перерезан, чего, как утверждали в Ханое, нельзя сделать без специального оборудования⁵¹. Однако поскольку ни Пекин, ни Ханой не были заинтересованы в нагнетании страстей и ухудшении двусторонних отношений, в октябре 2011 г. в ходе визита в КНР лидера Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга сторонам удалось достичь компромисса и выйти на подписание «Соглашения о базисных руководящих принципах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ». В нем Китай и Вьетнам обязались гарантировать мир и стабильность в Южно-Китайском море до окончательного решения спорных проблем и не предпринимать действий, способных осложнить ситуацию⁵².

По-другому сложился спор Китая с Филиппинами. В конце августа 2011 г. в ходе визита в КНР президента Бенigno Акино стороны обменялись мнениями о конфликте в Южно-Китайском море, но к сближению позиций не пришли, согласившись лишь, что данный конфликт не должен сказываться на «более широкой картине дружбы и сотрудничества между двумя странами»⁵³. Однако уже вскоре активное участие Филиппин в военных маневрах с США, призывы Манилы к странам АСЕАН организовать общий фронт противодействия Китаю и настойчивая дефиниция прилегающей с запада к архипелагу части акватории как «Западно-Филиппинского моря» вызвали в Пекине сильное раздражение, за которым последовал призыв «наказать Филиппины», причем достаточно сильно, чтобы «отбить у некоторых наций охоту присоединяться к США для сдерживания Китая»⁵⁴.

В разгар споров с Филиппинами и накануне Восточноазиатского саммита, в повестку дня которого США пытались продвигать обсуждение ситуации в Южно-Китайском море, Министерство иностранных дел КНР обнародовало Белую книгу о результатах сотрудничества Китая с АСЕАН в период 1991—2011 гг. Главная цель документа состояла в том, чтобы, показав широкую панораму и высокую динамику развития двустороннего сотрудничества в самых разных сферах в предшествующее

двадцатилетие, уверить государства региона в стремлении Китая всегда быть их «хорошим другом, хорошим соседом и хорошим партнером»⁵⁵. В параллельных материалах ведущих китайских СМИ выражалась надежда, что «большинство членов АСЕАН не попадет в ловушку споров о Южно-Китайском море, которые должны быть решены через двусторонние диалоги заинтересованных стран»⁵⁶.

К началу 2012 г. напряжение в зоне Южно-Китайского моря несколько спало. 14 января 2012 г. в Пекине прошло совещание Китая и стран АСЕАН о реализации «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море» в контексте отмечаемого в этом году десятилетия со времени ее принятия. На совещании была зафиксирована заинтересованность вовлеченных стран «в продвижении делового сотрудничества» и «обеспечении мира и стабильности» в этой акватории⁵⁷.

Разумеется, споры по Южно-Китайскому морю лишь несколько приутихли, но не прекратились. Принимая во внимание серьезные сложности с продвижением максималистской позиции Китая и отсутствие достаточной поддержки ее в международном сообществе, китайские эксперты начали прорабатывать резервные варианты. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша (Парасельскими и Спратли), сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем⁵⁸. 29 февраля 2012 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что «никакая страна, включая Китай, не требует установления своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем».

Впрочем, в Китае раздаются и единичные радикальные призывы — «не ставить под угрозу дело возрождения страны, пойдя на неадекватное поведение в Южно-Китайском море». По мнению полковника Цяо Ляна, потенциальные выгоды Китая от полного контроля за Южно-Китайским морем несопоставимо меньше, чем выигрыш для дела модернизации, уже полученный им от сотрудничества с внешним миром. В целом, полагает он, «возвышение Китая требует стратегической мудрости и стратегического терпения»⁵⁹.

В двусторонних отношениях Китая с отдельными странами усилился приоритетный характер *отношений с США*. Одна из главных целей нынешней корректировки внешнеполитического курса Пекина состоит в том, чтобы снизить антикитайскую направленность международной политики Вашингтона в целом и особенно декларированной им стратегии «возвращения в Азию», улучшив тем самым общую внешнюю среду развития КНР.

По свидетельству известного американского политолога-китаеведа Д. Шамбо, на ежегодной конференции Китайского общества международных отношений в Ланьчжоу в 2010 г. на первое место была поставлена рекомендация «не вступать в конфронтацию с Америкой»⁶⁰.

Значительно скромнее стало оцениваться соотношение сил двух стран. Как констатировал директор Департамента планирования МИД КНР Лэ Юйчэн, «в ближайшие 20—30 лет никто не сможет стать равным соперником США»⁶¹.

Оптимальный для Китая вариант отношений с США нашел отражение в Совместном китайско-американском заявлении, подписанном 19 января 2011 г. в ходе официального визита Ху Цзиньтао в Америку. Основополагающее значение для позитивного развития двусторонних связей призвано иметь положение о том, что «США... приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, играющий *большую* роль в мировых делах. Китай приветствует Соединенные Штаты как азиатско-тихоокеанскую нацию, вносящую вклад в мир, стабильность и процветание региона». Была декларирована приверженность Китая и США строительству «партнерства, основанного на взаимном уважении и обоюдном выигрыше»⁶².

Примерно с этого момента в китайском подходе к США возникает своего рода раздвоение: на официальном уровне доминирует чрезвычайно осторожная позиция, отношения с Вашингтоном неизменно характеризуются как «в основном хорошие», «здоровые». В то же время в экспертном сообществе нередко высказывались весьма жесткие оценки политики США, особенно их «возвращения в Азию» и присоединения к Транстихоокеанскому партнерству.

Лишь на рубеже 2011—2012 гг. официальные и экспертные оценки сблизилась, возможно, в преддверии визита в США Си Цзиньпина, который состоялся в феврале 2012 г. Так, директор Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн на годичной конференции по итогам внешней политики Китая в 2011 г. признал, что перемещение стратегического центра тяжести глобальной политики США в АТР «не полностью обусловлено Китаем и не направлено против него»⁶³. Именно такую точку зрения отстаивают американские эксперты, без устали напоминающие, что растущую важность Азии и АТР для национальных интересов США подчеркивали все четыре последних президента страны, начиная с Дж. Буша-старшего, и этот курс не был порожден возвышением Китая⁶⁴.

В любом случае, однако, процесс взаимной адаптации, поиска устраивающего и Китай, и США формата отношений на обозримую перспективу еще далеко не завершен.

Отношения с *Россией* сохраняют для Китая первостепенное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, поскольку стратегическое партнерство и равноправное взаимодействие с ней, скрепленное двусторонним Договором 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, служит гарантией от каких бы то ни было попыток окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»⁶⁵.

Вето, дважды налагавшееся Китаем и Россией при голосовании в Совете Безопасности ООН по односторонним, несбалансированным проектам резолюций по Сирии, свидетельствует о сходстве самой философии видения Пекином и Москвой особенностей современной международной жизни.

Весьма динамично в 2011 г. росла двусторонняя торговля, объем которой достиг 79,25 млрд долл. по данным китайской таможенной статистики и 83,5 млрд долл. по данным российской таможни.

Разумеется, существенное повышение роли и общая активизация Китая в мировой политике и экономике ставят перед Россией новые проблемы и задачи — как в двустороннем сотрудничестве, так и во взаимодействии в различных форматах и сферах на международной арене. Однако при наличии общего настроения Москвы и Пекина на дальнейшее углубление равноправного партнерства и стратегического взаимодействия все они, безусловно, решаемы. Возможно, главное здесь — последовательно углублять взаимное доверие, формировать у населения, экспертного сообщества, бизнеса, политической элиты России и Китая устойчиво позитивный образ страны-партнера.

* * *

Дискуссии относительно новых моментов во внешней политике КНР и вариантов ее дальнейшей эволюции продолжают идти и в самой стране, и в остальном мире. Можно предположить, что своего рода черту под ними на какое-то время подведет внешнеполитическая платформа XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая, намеченного на осень 2012 г.

Примечания

¹ A Special report on China's place in the World. «Less biding and hiding: China is becoming more nationalistic and more assertive»; «The Danger of Rising China: China and America are bound to be rivals, but they do not have to be antagonists» // *Economist*, December 2, 2010.

² Shambaugh, David. Coping with a Conflicted China. — *The Washington Quarterly*, Winter 2011 (Vol. 34. No 1). P. 7.

³ См., напр.: Christensen, Thomas. The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy. — *Foreign Affairs*, March–April 2011; Bisley, Nick. Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region // *Global Asia*, Seoul. Vol. 6. No 4. Winter 2011.

⁴ Мао Чжунгэнь, Хун Тао. Цун шэньчань даго дао сяофэй даго: сянь чжуан, цзичжи юй чжэнцэ : [От державы производящей к державе потребляющей: современное состояние, механизм и политика] // *Синьхуа вэньчжай*. Пекин. 2011. № 19. С. 54.

⁵ *Economist*, London. December 31, 2011 со ссылкой на исследование Pew Research Center.

⁶ Мао Чжунгэнь, Хун Тао. Указ. соч. С. 53.

⁷ Лишисин тупо: Чжунго шоуцы цзедин хэсинь гоцзя лии : [Исторический прорыв: Китай впервые определил коренные государственные интересы] // *Шицзе чжиши*. Пекин, 2011. № 19. С. 20.

⁸ Расчеты по данным Международного валютного фонда позволяют оценить вклад прироста ВВП в Китае в прирост мирового валового продукта (в долларах США, в текущих ценах) за три последних года (2009—2011 гг.) в 19,7 %.

⁹ Чэнь Юэ. Даньянь Чжунго вайцзяо дэ синь цзоусян хэ синь тэдянь : [Новые ориентиры и особенности китайской внешней политики в настоящее время] // *Чжунго вайцзяо*. Пекин, 2011. № 10. С. 4. (Первоначально статья опубликована в журнале «Цзилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао», Чанчунь, 2011. № 3. С. 25—29).

¹⁰ Ляован. Пекин, 2011. № 37. С. 27.

¹¹ Чэнь Юэ. Указ. соч. С. 4.

¹² Ян Цземьянь. Лунь «сыши цюньти» хэ гоцзи лилян чунцзу дэ шидай тэдянь : [Размышления о «четырёх группах» и современных особенностях реструктуризации международных сил] // *Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи*. Пекин, 2010. № 3. С. 4, 11—12.

¹³ Чжунго цзай сяндан чан шици нэй жэн цзян ши фачжаньчжун гоцзя : [Китай в течение сравнительно длинного периода времени по-прежнему останется развивающимся государством] // *Цюши*. Пекин, 2010. № 12. С. 42—44.

¹⁴ См.: *Е Цзычэн*. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: Даго вайцзяо цзин шоу каоянь дэ и нянь : [Внешняя политика Китая 2011: год испытаний для дипломатии державы]. — В книге: Цинь Чаоинь (гл. ред.). *Цзюйлунь шан дэ Чжунго — даньянь гоцзи гоней чжундэ синши фэньси: 2010—2011 няньду баогао* : [Китай у колеса истории — макроанализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010—2011 годы]. Пекин, 2011. С. 109—111.

¹⁵ Чэнь Юэ. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ См.: *Бергер Я.* Эволюция геополитических взглядов в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 4. С. 23—37; Shambaugh, David. Coping With a Conflicted China. *The Washington Quarterly*, Winter 2011. P. 7—27.

¹⁷ Взгляды Ван Сяодуна подробно изложены в статье А. Габуева «Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 3. С. 78—95.

¹⁸ Как отметила Линда Якобсен в работе «Новые акторы во внешней политике Китая», во многих интервью западных ученых с экспертами и официальными лицами КНР «сетевиками» (netizens), т.е. люди, высказывающие свое мнение или участвующие в дискуссиях в Интернете, были охарактеризованы как «новая группа давления, оказывающая косвенное, но все более осязаемое влияние на формулирование внешней политики». — Jakobson, Linda, Knox, Dean. *New Foreign Policy Actors in China* — SIPRI Policy Paper. № 26. September. 2010. Stockholm. 2010. P. 44.

Л. Якобсен в течение ряда лет представляла в Пекине Стокгольмский международный институт исследования проблем мира.

¹⁹ Юань Кунь. Чжунго бе у сюаньцзэ : [У Китая нет другого выбора, кроме...]. Пекин, 2010. Для более точного понимания заголовка он приведен на обложке книги и в англоязычном варианте: «China has no alternative but...»

²⁰ Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фу юй : [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин, 2011. С. 30.

²¹ Shambaugh, David. *Coping with a Conflicted China*. P. 24.

²² URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23))

²³ McVadon, Eric. *The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea*. China Security. Washington, 2009. Vol. 5. No 2. P. 3—17. Цитата — p. 7.

²⁴ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2010]. Пекин, 2010. С. 261.

²⁵ Chase, Michael. *Chinese Suspicion and US Intentions*. Survival. Washington. Vol. 53. No 3. June—July 2011. P. 133—150.

²⁶ Чжан Ляньгуй. Чаосянь баньдао чуюй «чжаньчжэн бяньюань»? [Корейский полуостров: «на грани войны»?] // Шицзе чжиши. Пекин, 2009. № 5. С. 14—23; Цитата. С. 23.

²⁷ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 277.

²⁸ Цай Цзянь. Чао гай вэйцзи цзайци Чжунго жухэ индуй : [Новое обострение ядерного кризиса в Северной Корее. Как должен противодействовать ему Китай] // Шицзе чжиши. Пекин, 2003. № 9. С. 27—29.

²⁹ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 277, 281.

³⁰ Glaser, Bonnie. *China's Policy in the Wake of the Second DRPK Nuclear Test* — *China Security*. 2009 Vol. 5. No 2. P. 39—40.

³¹ Юй Шаохуа. Чао гай вэньти: чулу цзай нали? [Ядерная проблема КНДР: где выход?] // Шицзе чжиши. 2009. № 18. С. 30—31.

³² 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 283.

³³ Конкретный перечень претензий к китайской политике в отношении КНДР в 2010 г. дан в статье Т. Кристинсена «The Advantages of

Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy». — *Foreign Affairs*, March—April 2011. Российскую версию событий см.: Жебин А. Корейский полуостров: у опасной черты // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 123—134.

³⁴ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 268—272.

³⁵ 2011 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2011]. Пекин, 2011. С. 231—236.

³⁶ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 287—289.

³⁷ См.: Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 34.

³⁸ Ник Бисли ссылается на некое китайское официальное лицо, заявившее в частной беседе с Х. Клинтон в марте 2010 г., что Китай отныне рассматривает утверждение своих прав в Южно-Китайском море как «коренной интерес», то есть стратегический приоритет высшего порядка. Bisley, Nick. *Op. cit.*

³⁹ Е Цзычэн. Указ. соч. С. 97. В КНР Южно-Китайское море называется «Южное море».

⁴⁰ Е Цзычэн. Указ. соч. С. 118—119.

⁴¹ Dai Bingguo. We must stick to the path of peaceful development. — *Foreign Affairs Journal*. Chinese People's Institute of Foreign Affairs. Beijing. Spring 2011. P. 1—16.

⁴² Чжунго дэ хэпин фачжань. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань синьвэнь баньгунши. 2011 нянь 9 юэ : [Мирное развитие Китая. Канцелярия информации Государственного совета Китайской Народной Республики. Сентябрь 2011 г.] // *Beijing Review*. No 37. September 15. 2011.

⁴³ У Цзяньминь. Цзайлай и гэ хуаньцзин шинянь : [Следующие десять лет международной обстановки] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 9. С. 3—5.

⁴⁴ Yang Wenchang. *Diplomatic words of wisdom* // *China Daily*. October 29. 2011.

⁴⁵ Ян Цзечи тань 2011 нянь Чжунго вайцзяо. Чжаньшэн тяочжань вэйху гоцзя лии : [Ян Цзечи рассказывает о внешней политике Китая в 2011 г. Победить вызовы, защитить интересы государства]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html> от 02.01.2012.

⁴⁶ См.: Holyk, Gregory. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia. — *Political Science Quarterly*. New York. Vol. 126. 2011. No 2. P. 223—254.

⁴⁷ Концепция «умной силы» (smart power, по-китайски «цяо шили»), что ближе к «умелой силе») была выдвинута Сюзан Носсель в 2004 г. в публикации в журнале «Foreign Affairs».

⁴⁸ *Brady, Anne- Marie*. China's Rise in Antarctica? — *Asian Survey*, Berkeley, Vol. 50, No 4, July—August 2010. P. 759—785. Здесь — p. 781.

⁴⁹ Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁰ Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай в 2008 г. стороны впервые обменялись своими проектами возможного рамочного соглашения, включавшими территориальные уступки как путь к постепенному решению пограничного спора. Однако ничего нового они практически не содержали, «стороны оказались неспособны освободиться от взаимных подозрений». — *Jacob, Jabin*. The Sino—Indian Boundary Dispute: Sub—National Units as Ice — Breakers. — *Eurasia Border Review*. Slavic Research Center at Hokkaido University. Vol. 2, No 1. Summer 2011, P. 35—45. Здесь p. 37—38.

⁵¹ China Violates Sovereignty. Viet Nam News. Hanoi. May 30, 2011.

⁵² Китайско-вьетнамское совместное заявление: Китай и Вьетнам заявили о намерении должным образом разрешить все морские вопросы. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7618050.html>

⁵³ Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011 // *Beijing Review*, September 22, 2011.

⁵⁴ Philippines walking a very fine line. Editorial // *Global Times*, Beijing, November 17, 2011.

⁵⁵ China — ASEAN Cooperation: 1991—2011 // *China Daily*, November 16, 2011.

⁵⁶ Liu Weidong. East Asia Summit Agenda // *China Daily*, November 16, 2011.

⁵⁷ URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁸ Такое предложение, поданное как «норвежская идея», содержится в докладе Ли Гана — сотрудника Института мирового развития Центра исследования проблем развития Госсовета КНР — Чжунго цзай цзезюэ наньхай вэньтишан сомяньлинь дэ тяочжань : [Китай в процессе разрешения вызовов, связанных с проблемой споров по Южному морю]. *World Development Working Paper Serie*, Beijing, August 2011.

Вместе с тем идею «держаться за острова, пойдя на уступки по вопросам использования морской акватории», озвучил и Хуан Гуйфан — китайский участник конференции по проблемам сотрудничества РФ и КНР в БРИКС и АТР (Москва, 1—2 декабря 2011 г.).

⁵⁹ См.: Фэнхуан чжоукань. Шэньчжэнь, 2011. № 30. С. 68—71. Ежегодник «Фэнхуан» («Феникс») считается принадлежащим гонконгскому

капиталу. Издается в Шэньчжэне, иногда продается в пекинских газетных киосках.

⁶⁰ *Shambaugh, David*. Op. cit. P. 19—20.

⁶¹ Лэ Юйчэн. Дуй гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо дэ исе каньфа юй сыкао : [Некоторые взгляды и размышления о международной обстановке и дипломатии Китая] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 5. С. 3—8.

⁶² URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/US-China-joint-statement>

⁶³ Китайские эксперты: следующий год станет ключевым для китайско-американских отношений, требующих надлежащего реагирования сторон. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>

⁶⁴ *Cossa, Ralph, Glosserman, Brad*. Return to Asia: It's Not (All) About China. PacNet, Number 7, January 30, 2012 — Pacific Forum CSIS, Honolulu (URL: www.pacforum.org).

⁶⁵ URL: <http://www.mid.ru>, 2012, 4 февраля.

В.И. Трифонов*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В АТР

Аннотация. Рассмотрена ситуация в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отмечена общность задач России и Китая в поддержании стабильности и безопасности на международной арене, построении нового справедливого и демократичного миропорядка, основанного на сотрудничестве и равной безопасности всех стран. Подчеркнуто значение дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между РФ и КНР как важного фактора их национальной безопасности, одной из главных несущих опор нынешнего многополярного мира. Обозначены основные направления взаимодействия России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: ситуация в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, российско-китайское взаимодействие и сотрудничество, отношения между Китаем и США, региональные организации Азии: АТЭС, АСЕАН, Восточноазиатский саммит, ШОС, РИК.

I

К настоящему времени *между Россией и Китаем сложилось тесное взаимодействие в международных делах*, в основе которо-

* Трифонов Виктор Иванович — с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: vitrifonov@mail.ru.

го лежит единство либо близость взглядов на основные мировые проблемы, общая заинтересованность в мирном политико-экономическом окружении, необходимом для успешного осуществления стоящих перед двумя странами масштабных экономических и социальных задач.

Основные принципы и направления сотрудничества сторон во внешнеполитической сфере базируются на выработанных в последние десятилетия важнейших документах: Совместные декларации об основах взаимоотношений 1992 и 1996 гг., Российско-китайская Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного миропорядка от 23 апреля 1997 г., Совместная декларация РФ и КНР о международном порядке в XXI веке от 1 июля 2005 г., Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., другие совместные документы и заявления руководителей наших стран.

Сформулированные в указанных документах и заявлениях подходы сторон к нынешней международной обстановке направлены на построение подлинно справедливого, демократичного и «гармоничного» мира, содержат инновационные идеи формирования новой мировой архитектоники, основанной на сотрудничестве и равной безопасности всех стран.

Современный мир переживает эпоху знаменательных трансформаций и перемен. Попытки установить однополярное доминирование, господство диктата не выдерживают испытание времени. Набирает силу тенденция к многополярности, все большую роль играют страны с формирующейся экономикой, другие центры силы и влияния, такие новые механизмы, как БРИКС, ШОС, РИК, «Группа 20».

В то же время обстановка в мире пока далека от стабильности. Сохраняется высокий конфликтный потенциал. Серьезную дестабилизирующую роль играет политика с позиции силы, которую упорно пытается проводить ряд влиятельных государств. Недоброй практикой стало усиливающееся вмешательство — под флагом защиты прав человека — во внутренние дела других государств, попытки насаждать так называемые «цветные революции». Существенно возросли новые угрозы и вызовы — тер-

роризм, экстремистские течения, появление новых очагов напряженности, «горячих точек». Углубляются кризисные явления в мировой экономике, что влечет за собой нарастание протестных движений во многих регионах мира. Человечество сталкивается с усиливающимися экологическими проблемами и природными катаклизмами.

II

Знаковым фактором новой эпохи, все больше определяющим ход мировых событий, стал *быстрый рост роли и значения Азиатско-Тихоокеанского региона*, таких стран, как Китай, Индия, целого ряда стран АСЕАН. Представляя собой мощное сосредоточение мировых политических, экономических и людских ресурсов (свыше половины мирового ВВП и населения, более 40 % мировой торговли), АТР превращается в один из главных полюсов формирующегося нового многополярного миропорядка. Быстрый рост глобальных и региональных центров силы сопровождается интенсивным развитием экономической интеграции в АТР, поисками эффективной модели взаимодействия между странами региона. Идет формирование зон свободной торговли, которые в ближайшие годы могут охватить все страны региона, включая США, Китай, Японию, Южную Корею, страны АСЕАН. Значение АТР в рамках мировой экономики еще больше возросло в результате мирового финансово-экономического кризиса. Регион с наименьшими потерями перенес последствия кризиса и быстрее из него выходит.

В последние годы *происходит решительный поворот к азиатским делам России*, что обусловлено принадлежностью нашей страны к этому динамично развивающемуся району, задачами упрочения политических, экономических и стратегических позиций России в мире и в Азии, заинтересованностью в использовании возможностей АТР при реализации программ ускоренного экономического подъема Сибири и Дальнего Востока.

В конце декабря 2009 г. правительством России была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г., а в начале июля

2010 г. в Хабаровске состоялось большое совещание под руководством президента РФ, на котором были определены дальнейшие задачи российской политики в АТР. Разработана конкретная Программа действий на этот счет с упором на модернизацию экономики сибирских и дальневосточных районов РФ, создание здесь развитой транспортной инфраструктуры, мощной промышленной, сельскохозяйственной и топливно-энергетической базы. Намечены практические меры по привлечению иностранных инвестиций, по борьбе с коррупцией и криминалитетом.

Большое внимание уделяется Россией вопросам *построения новой, более справедливой и всеобъемлющей системы взаимоотношений в регионе*, тем более что до последнего времени такая структура в АТР практически отсутствовала, а безопасность «обеспечивалась» мощным американским военным присутствием в регионе, сетью военных союзов под эгидой США.

В пользу создания такой системы выступают и многие другие страны АТР. Выдвинуто немало предложений в направлении выстраивания здесь рациональной и современной архитектуры взаимоотношений. Все более широкую поддержку получает идея использовать в качестве универсального механизма по выработке общерегиональной системы обеспечения безопасности и сотрудничества в АТР (наряду с АТЭС, АСЕАН, АРФ и др.) Восточноазиатский саммит (ВАС), к которому в октябре 2010 г. присоединились США и Россия.

Все это дало основание министру иностранных дел РФ С.В. Лаврову заявить в интервью 14 марта 2011 г., что «утверждающийся в регионе полицентризм дает уникальный шанс для того, чтобы впервые со времен «холодной войны» в АТР сложилась устойчивая, более сбалансированная комбинация центров экономического роста и политического влияния с участием всех без исключения ведущих региональных игроков»¹.

III

В условиях нынешней непростой геополитической обстановки особое значение для нашей страны приобретает *дальнейшее укрепление отношений с Китаем*. Сосредоточившись на ре-

шении задач ускоренной модернизации и развития, Россия и Китай нуждаются в мирном и добрососедском окружении, их конструктивное взаимодействие является одной из несущих опор нынешнего многополярного мира, важнейшим фактором международной безопасности, противодействия опасным шагам, подрывающим стабильность в мире.

С активизацией российской политики в АТР стало налаживаться и более тесное сотрудничество России с КНР в решении проблем региона. Нужно признать, что до недавнего времени основное внимание Пекина в АТР было направлено на развитие отношений с США, Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН. Свою роль здесь сыграл и тот факт, что экономическое присутствие России в регионе практически не ощущалось (примерно 1,5 % от общего объема общерегиональных экономических связей). Китай же резко нарастил свое влияние в АТР, вышел на позиции одного из главных экономических и политических игроков региона, оттеснив с первых мест США в качестве торгово-экономического партнера ведущих азиатских стран, включая Японию, Южную Корею, ряд стран АСЕАН, Индию.

Сейчас, однако, положение начинает меняться. Нарастание китайско-американского противоборства за влияние в регионе, усиление территориальных споров с Японией, Вьетнамом и рядом других стран-участниц АСЕАН, растущие энергетические потребности Китая, поставленные задачи по ускоренному развитию северо-восточных и западных районов КНР побуждают Пекин по-иному взглянуть на вопросы сотрудничества с Россией. Важным стимулом к расширению взаимодействия двух стран, учитывая близость их позиций по многим вопросам, послужили усиливающиеся в последнее время в регионе настроения в пользу построения новой, более справедливой архитектуры взаимоотношений и обеспечения безопасности, за что активно выступают и Россия, и КНР.

Важнейшее значение имеет принятое Россией и Китаем во время сентябрьского (2010 г.) визита в КНР президента РФ решение *совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР* «в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия»². Стороны, в частности, под-

черкнули, что они выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон. Прделана большая работа по претворению в жизнь указанной договоренности сторон, разработана «дорожная карта» по координации российско-китайских действий в АТР, создан специальный переговорный механизм на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран, в задачу которого входит выработка дальнейших шагов, направленных на стабилизацию обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Следует также отметить занятую двумя странами *единую позицию в связи с имеющимися попытками пересмотра итогов Второй мировой войны*. Председатель КНР Ху Цзиньтао принял участие в торжествах в Москве 9 мая 2010 г. по случаю 65-й годовщины победы над фашистской Германией. В Совместном заявлении сторон в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны (в ходе сентябрьского 2010 г. визита Д.А. Медведева в КНР) Россия и Китай с близких позиций оценили итоги и уроки войны, осудили попытки фальсификации ее истории, героизации нацистов, милитаристов и их пособников³.

Новые вызовы для нашей дипломатии ставит *нарастающая схватка между США и КНР* за преобладающее влияние в АТР, что может привести к серьезной дестабилизации обстановки в регионе, осложнить реализацию задач по выработке объединительной повестки дня для АТР. Причем и США, и Китай хотели бы видеть Россию в этой борьбе на своей стороне.

Если до последнего времени американо-китайские отношения в целом отличались достаточно устойчивым характером, хотя в них были и спады, и подъемы, то сейчас Вашингтон перешел к решительному наступлению на позиции КНР, причиной чего стал стремительный рост в последние десятилетия экономической и совокупной мощи Китая. В Соединенных Штатах усмотрели в этом растущую угрозу национальным интересам США, что диктует необходимость взять курс на более решительное «сдерживание» Китая, противодействие его дальнейшему усилению на опасных для Соединенных Штатов направлениях.

К этому Вашингтон подталкивают и его азиатские союзники, прежде всего Япония, некоторые страны АСЕАН, обеспокоенные ростом китайского влияния.

В выступлении 12 января 2010 г. в Гонолулу госсекретарь Х. Клинтон изложила *новую тихоокеанскую стратегию США*, главный смысл которой заключается в том, что Соединенные Штаты твердо намерены вернуть себе лидирующую роль в АТР⁴.

Было указано, что краеугольным камнем этой политики остается союз с Японией и другими традиционными друзьями и союзниками США в АТР, опора на сильное американское военное присутствие в регионе за счет мощной группировки ВМС и ВВС, сил передового базирования. Подчеркнуто намерение США существенно активизировать свою роль в региональных организациях АТР, присоединиться к тем из них, где США до последнего времени не участвовали. США заверили своих друзей и союзников, что в своих взаимоотношениях с Пекином те всегда могут рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов. Задачу подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовали ноябрьский (2010 г.) визит в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию президента Б. Обамы (по оценкам как американских, так и китайских экспертов, во всех этих поездках незримо присутствовала «тень Китая»), заявления президента Б. Обамы в рамках последних (ноябрь 2011 г.) саммитов АТЭС, АСЕАН, Восточноазиатского саммита на Бали, его визитов в Индонезию и Австралию, а госсекретаря США — на Филиппины. Политические декларации сопровождаются предпринятыми Соединенными Штатами в последнее время масштабными шагами по дальнейшему укреплению своего военного присутствия в АТР, в юго-западной части Тихого океана.

Отмеченное развитие событий требует особой осмотрительности с нашей стороны. Налаживая и развивая связи с США и Западом по всем возможным направлениям, важно не дать втянуть себя в какие-либо действия, которые могли бы нанести ущерб нашим отношениям с Китаем, учитывая их особую значимость для нашей страны.

Сложившийся в последние годы *характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих сторон*, яв-

ляясь для них надежным тылом в нынешней международной обстановке, важным фактором обеспечения национальной безопасности. Данный курс прочно закреплен в подписанных с Китаем документах, в частности, в Совместном заявлении РФ и КНР от 27 сентября 2010 г. (по итогам визита Д.А. Медведева в Китай) о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия, где говорится: «оказание взаимной поддержки в затрагивающих коренные интересы обоих государств вопросах государственного суверенитета, единства и территориальной целостности является важной составляющей российско-китайского стратегического взаимодействия»⁵.

О твердой настроенности Китая на дальнейшее укрепление стратегического партнерства с нашей страной говорят и последние заявления китайских руководителей. В ходе встречи 13 апреля 2011 г. в г. Санья с Д.А. Медведевым Председатель КНР Ху Цзиньтао изложил следующее понимание китайской стороной главных направлений развития китайско-российских отношений. Он, в частности, предложил: «использовать совместное празднование 10-й годовщины Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в качестве благоприятного шанса для укрепления традиционной дружбы двух народов; усилить взаимную политическую поддержку и оказывать друг другу твердое содействие в обеспечении государственного суверенитета, безопасности и интересов развития; продвигать сотрудничество по крупным проектам в энергетической области и всесторонне расширять взаимовыгодное сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной, высокотехнологической, финансовой и гуманитарной областях и на местном уровне; интенсифицировать контакты и координацию в международных и региональных делах и в таких важных вопросах, как реформирование международной экономической и финансовой системы»⁶.

Российско-китайское взаимодействие имеет ключевое значение для обеспечения российского экономического продвижения в АТР, выполнения задач по экономическому и социальному подъему российских восточносибирских и дальневосточных регионов.

В целом необходим серьезный концептуальный сдвиг в подходе руководства РФ и российского бизнеса к развитию торгово-экономических связей с Китаем, которые существенно отстают от уровня политического взаимодействия России с Китаем, ослабляя базу наших отношений с КНР с учетом того, что основные торгово-экономические связи Китая ориентированы на США, Японию, Южную Корею, западноевропейские страны, страны АСЕАН. Это наглядно видно, если сравнить показатели российско-китайской торговли (59,3 млрд долл. в 2010 г.) с торговлей КНР с другими своими ведущими партнерами. Так в 2010 г. товарооборот Китая с США составил 385,34 млрд долл., с ЕС — 479,71 млрд долл., с Японией — 297,77 млрд долл.⁷ Буквально с нуля до 61,8 млрд долл. в 2010 г. поднялась торговля Китая с Индией (в 2000 г. было около 1 млрд долл.)⁸. Главным торговым партнером России оставались страны ЕС и СНГ (примерно 65 % общего объема российской торговли).

До последнего времени крайне низким уровнем отмечалось инвестиционное сотрудничество сторон (на начало 2011 г. объем прямых китайских инвестиций в России составлял 2,6 млрд долл., а объем российских инвестиций в КНР — примерно 1 млрд долл.)⁹. Незрелая сфера промышленно-производственных и кооперационных связей. Негативно сказываются на общей атмосфере отношений двух стран большие объемы неорганизованной торговли и контрабанды. Нужно работать над преодолением преимущественно сырьевого уклона нашего экспорта в торговле с Китаем.

Между тем значительно возросший экономический и финансовый потенциал Китая предоставляет большие возможности для реализации поставленной российским руководством стратегической задачи по ускоренному экономическому подъему России, развитию наших восточносибирских и дальневосточных регионов, переводу российской экономики на инновационные рельсы, диверсификации торгово-экономических связей нашей страны. По итогам 2010 г., КНР по объему ВВП (6,48 трлн долл. по официальным китайским данным) вышла на 2-е место в мире, опередив Японию¹⁰. КНР — мировой лидер по объему экспорта (1 трлн 578 млрд долл.) и величине золотова-

лютных запасов (2 трлн 850 млрд долл.). Быстрыми темпами растет и импорт (1 трлн 395 млрд долл. в 2010 г.). В 2010 г. Китай привлек 109 млрд прямых иностранных инвестиций, выйдя по этому показателю на 2-е место в мире после США. В целом доля КНР в мировом ВВП выросла, по данным Статистического управления Китая, с 5 % в 2005 г. до 9,5 % в 2010 г.¹¹

Главное же, Пекин проявляет растущий интерес к всемерному расширению торгово-экономических связей с Россией. Испытывая потребность в российских сырьевых ресурсах, КНР проявляет готовность учитывать интересы российского партнера, увеличить закупки российских машин и оборудования, пойти на масштабные инвестиции в российскую экономику. Важно, однако, чтобы при этом было обеспечено встречное движение с российской стороны, созданы необходимые условия для деятельности в России китайского капитала.

В долгосрочной перспективе большую роль может сыграть реализация утвержденного в июне 2009 г. Плана российско-китайского инвестиционного сотрудничества. Важно активнее использовать полезный опыт Китая по привлечению иностранных инвестиций.

Особое место следует отвести осуществлению разработанной сторонами «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг.», что будет иметь огромное значение для ускоренного подъема восточных российских регионов (а также северо-востока и запада Китая).

Все больший вес и значение приобретает сотрудничество России и Китая в рамках таких новых механизмов, как ШОС, БРИКС, РИК, оказывающих растущее воздействие на ход мировых событий и позволяющих странам-участницам совместно отстаивать свои интересы, в том числе в условиях нынешнего глобального экономического кризиса.

Наглядным свидетельством успешного взаимодействия в этом плане стал апрельский (2011 г.) саммит БРИКС на о. Хайнань, вызвавший в мире немалый резонанс. Важно и дальше повышать коэффициент полезного действия этих структур, их роль в выработке справедливого политического и экономического

мирового порядка. Если на конец 2010 г. совокупный ВВП стран БРИКС составляет 15 % мирового ВВП (25 % — по паритету покупательной способности), то, по последнему прогнозу Всемирного банка, к 2025 г. уже более 50 % мирового ВВП будет приходиться на Россию, Индию, Индонезию, Бразилию и Китай, а ежегодные усредненные темпы роста для стран БРИКС составят 4,7 % против 2,3 % в развитых странах¹².

Значительную роль играет крепнущий формат трехстороннего взаимодействия *России, Индии и Китая*. Учитывая мощный людской, экономический и научно-технический потенциал трех стран, их приверженность схожим подходам к фундаментальным проблемам современности, сотрудничество в структуре РИК может стать важным фактором формирования эффективных механизмов обеспечения безопасности и налаживания сотрудничества в обширном и стратегически важном регионе Центральной Азии и прилегающих районах. Большое значение имеет дальнейшее налаживание доверительных и добрососедских отношений между КНР и Индией, существенно продвинувшихся за последние годы.

Специально хотелось бы остановиться на проблемах российско-китайского взаимодействия в рамках *Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)*, учитывая исключительное значение этой организации. За короткий срок своего существования ШОС стала заметным фактором региональной и мировой политики, важным звеном формирующегося нового полицентричного миропорядка. Крупнейшая заслуга ШОС — оздоровление обстановки в Центральной Азии, налаживание сотрудничества и укрепление доверия между странами региона. Значительные усилия прилагает ШОС в борьбе с террористической, сепаратистской, наркотической угрозой. Налаживается все более тесное взаимодействие между правоохранительными и военными структурами сторон. Реализуются годовые планы сотрудничества министерств обороны стран ШОС, проводятся совместные антитеррористические учения. 25 апреля 2011 г. в Шанхае по инициативе китайской стороны прошла первая встреча начальников генеральных штабов армий стран ШОС в

целях углубления практического сотрудничества в сфере обороны¹³.

Вместе с тем необходима значительная активизация усилий ШОС по экономическому подъему региона Центральной Азии, что особенно важно с учетом последних событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В регионе нарастают серьезные экономические и социальные проблемы, не находят кардинального решения жизненно важные для региона вопросы водораспределения, энергетические и транспортные проблемы, велика безработица. Пока не видно какого-либо осознанного вклада в копилку ШОС со стороны Делового совета и Межбанковского объединения ШОС, хотя последний располагает крупнейшими активами.

Необходима более эффективная помощь ШОС как организации странам, переживающим серьезные внутренние трудности, как это имеет место в Киргизии. Не следует закрывать глаза на все еще существующие в регионе этнические конфликты, способные перерасти в опасные столкновения.

Очевидно, необходимо также переосмыслить политику ШОС в *афганской ситуации*, наладить более эффективное сотрудничество с действующими в Афганистане силами международной коалиции, поскольку угрозы, исходящие с территории Афганистана, непосредственно затрагивают интересы центральноазиатских стран, России и Китая.

Ситуацией в Центральной Азии все более активно пытаются воспользоваться внерегиональные силы, стараясь заполнить имеющийся вакуум. В последнее время в регионе заметно усилилась деятельность структур ЕС, НАТО, демонстративно «не замечающих» существование ШОС.

Особого внимания с точки зрения интересов России требует регион *Северо-Восточной Азии (СВА)*. По своему геополитическому значению СВА — один из наиболее важных и перспективных регионов мира. Здесь непосредственно соприкасаются интересы четырех крупнейших держав — США, Китая, России, Японии. Имеются все необходимые предпосылки для превращения СВА в высокоразвитый индустриально-промышленный и финансово-экономический центр, сопоставимый с другими

важнейшими центрами мира. Быстрыми темпами развивается северо-восток Китая, где появились мощные промышленные кластеры, нуждающиеся в расширении своих транспортных и инфраструктурных возможностей. Огромных успехов добилась Республика Корея. Как уже отмечалось, масштабные задачи по ускоренному подъему Дальнего Востока и Байкальского региона выдвинуты Россией. Эффективные шаги по разработке своей сырьевой, промышленной и сельскохозяйственной базы осуществляет Монголия. Первостепенный интерес США представляет для Японии и Республики Кореи с их крупным потенциалом, большими инвестиционными возможностями. Активные связи с регионом развивают Соединенные Штаты. На повестке дня осуществление масштабных ресурсных, энергетических, инфраструктурных проектов с участием России, Китая, Монголии, других заинтересованных стран.

Продолжает вызывать озабоченность *ситуация вокруг КНДР*. Учитывая историю тесных отношений с этой страной, Россия и Китай могли бы, объединив усилия, многое сделать как для вывода КНДР из ее нынешнего сложного положения, так и в целом для нормализации обстановки на Корейском полуострове, тем более, что сейчас для этого складываются благоприятные предпосылки.

Особое значение для России имеет проведение *саммита АТЭС* во Владивостоке. Как подчеркнул Д.А. Медведев, Россия будет придерживаться линии на обеспечение преемственности в решении задач, которые ставит перед собой АТЭС на данном этапе (дальнейшая либерализация торгово-инвестиционной деятельности и углубление экономической интеграции, сотрудничество в целях инновационного роста, совершенствование транспортно-логистических систем, обеспечение продовольственной безопасности)¹⁴.

Вместе с тем наша страна постарается реализовать и собственные приоритеты, использовать это мероприятие для дальнейшей интеграции России в систему экономических связей в АТР, для придания серьезного импульса развитию российских дальневосточных регионов.

Примечания

- ¹ URL: www.mid.ru/brp_4.nsf/O/A2F5B1DAOF74072CC32578550050079E
- ² URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719.
- ³ URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/720.
- ⁴ URL: www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm
- ⁵ URL: www.news.kremlin.ru/ref_notes/719
- ⁶ Синьхуа. 13.04.2011.
- ⁷ Данные Главного таможенного управления КНР. URL: www.russian.china.org.cn 10-01-2011.
- ⁸ Там же.
- ⁹ URL: www.kremlin.ru/transcripts/10911.
- ¹⁰ Данные ГСУ КНР (Жэньминь жибао он-лайн. 06.04.2011).
- ¹¹ Жэньминь жибао он-лайн. 25.03.2011.
- ¹² Российская газета. 19.05.2011.
- ¹³ Синьхуа. 26.04. 2011.
- ¹⁴ URL: www.vostokmedia.com/n127359.html.

В.О. Кистанов*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В последние годы торгово-экономические отношения между Россией и Японией демонстрируют определенную динамику. Однако структура торговли России с Японией на протяжении долгих лет не претерпевает серьезных изменений. Япония закупает у России преимущественно энергоресурсы, цветные металлы, морепродукты и лес. На эти четыре товарные группы приходится свыше 90 % всего стоимостного объема российского экспорта в Японию. Доминирующей тенденцией последних лет был ускоренный рост российского экспорта в Японию нефти и нефтепродуктов. На них приходится примерно половина всего объема экспорта. В российском же импорте из Японии главной статьёй являются автомобили. Большинство из этих автомобилей — легковые машины. Таким образом, наша торговля с Японией носит характер обмена энергоресурсов, сырья и морепродуктов на готовую промышленную продукцию в основном потребительского характера. В инвестиционном сотрудничестве между Россией и Японией также имеются проблемы. И главная из них — нежелание японского бизнеса делать крупные инвестиции в российскую экономику, прежде всего в обрабатывающую промышленность, а не в автосборочные и энергетические проекты. Мы

* Кистанов Валерий Олегович — д.и.н., к.э.н., руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: v_kistanov@list.ru/

призываем развивать наш Дальневосточный регион с помощью японских капиталов и технологий. Это соседний с Японией регион, однако парадокс заключается в том, что связи этого региона с Японией находятся на низком уровне. Необходимо создавать на Дальнем Востоке благоприятный климат для привлечения японских прямых инвестиций, в том числе со стороны малых и средних предприятий.

Ключевые слова: Россия, Япония, Дальний Восток, торговля, экспорт, импорт, инвестиции, энергоресурсы, автосборочные предприятия, инвестиционный климат, научно-технические связи, особые экономические зоны.

Несмотря на нерешенность территориальной проблемы и отсутствие мирного договора, экономические связи между Россией и Японией в первое десятилетие 21-го века продемонстрировали поступательную, хотя и неровную, динамику.

В последние годы объем российско-японской торговли заметно вырос. В 2008 г. он достиг пика и составил более 29 млрд долл. По итогам 2009 г. объем двустороннего товарооборота под воздействием мирового кризиса снизился до 14,5 млрд долл. Правда, объем торговли в 2010 г. вырос до 24,1 млрд долл. При этом экспорт составил 16,1 млрд долл., а импорт — 8 млрд долл. Таким образом, в прошлом году Россия имела положительное сальдо в торговле с Японией в размере более 8 млрд долл. По оценкам, в текущем году товарооборот может достигнуть 30 млрд долл. и, тем самым, установить рекорд в двусторонних отношениях.

Однако доля Японии в российском товарообороте даже в благополучном 2008 г. составила всего 3,9 %. То есть роль Японии во внешней торговле России весьма незначительна. Еще меньшую роль играет Россия во внешней торговле Японии. Ее доля во внешнеторговом обороте Японии в том же году равнялась лишь 1,6 %.

Если посмотреть на структуру торговли России с Японией, то выяснится, что на протяжении долгих лет она не претерпевает серьезных изменений. Япония закупает у России преимущественно энергоресурсы, цветные металлы, морепродукты и лес. На

эти четыре товарные группы приходится свыше 90 % всего стоимостного объема российского экспорта в Японию. Более того, их доля неуклонно растет и постепенно приближается к 100 %: в 2008 г. она увеличилась до 94 %, а в 2009 г. — до 96,3 %.

Доминирующей тенденцией последних лет был ускоренный рост российского экспорта в Японию нефти и нефтепродуктов. На них приходится примерно половина всего объема экспорта. В 2010 г. доля России во всем импорте Японией нефти составила 6,8 %. Растет и доля сжиженного природного газа — в том же году в японском импорте СПГ она равнялась 9,1 %.

В российском же импорте из Японии главной статьёй являются автомобили. Большинство из этих автомобилей — легковые машины. Однако в 2009 году импорт как подержанных, так и новых автомобилей значительно сократился. Это обусловлено финансовым кризисом, а также существенным повышением импортных пошлин на автомобили в России. Тем не менее, и в 2009 г. на автомобили и другие транспортные средства пришлось 53,9 % всего российского импорта из Японии. В 2010 г. на легковые автомобили пришлось более половины этого импорта.

Из приведенных данных видно, что торговля нашей страны с Японией носит характер обмена топлива, сырья и морепродуктов на готовую промышленную продукцию в основном потребительского характера. Если называть вещи своими именами, то Россия как была, так и остается сырьевым придатком Японии и рынком сбыта ее автомобилей — главного товара японского экспорта. Именно на производстве и экспорте автомобилей и электроники в значительной степени держится вся японская экономика.

В инвестиционном сотрудничестве между Россией и Японией имеются свои проблемы. И главная из них — нежелание японского бизнеса делать крупные инвестиции в российскую экономику, прежде всего в обрабатывающую промышленность, а не в автосборочные и энергетические проекты.

По данным на конец 2010 г., объем японских инвестиций, накопленных в российской экономике, составил 9,0 млрд долл. В этой сумме так называемые инвестиционные кредиты зани-

мают львиную долю — свыше 90 %. Попросту говоря, это связанные торговые кредиты. На них Россия обязана, как правило, покупать товары у японских фирм. Эти кредиты России нужно будет возвращать, естественно, с процентами.

А вот объем японских прямых инвестиций составил всего лишь 823,5 млн долл., или 9,1 % от общего объема. Между тем это наиболее эффективные капиталовложения, так как несут с собой новые технологии, передовые методы управления и другой позитив.

По объему всех инвестиций в экономику России Япония, долгое время являвшаяся второй экономической державой мира (в прошлом году она уступила это место Китаю), находится всего лишь на 8-м месте среди зарубежных стран-инвесторов.

Объем накопленных инвестиций из Японии продолжает оставаться на невысоком уровне и относительно общего объема иностранных инвестиций в российской экономике. На конец 2010 г. объем накопленных инвестиций из Японии составил 3,0 % от общей суммы накопленных в экономике России иностранных инвестиций. А доля японских прямых инвестиций вообще мизерная — 0,7 %.

Отраслевая структура накопленных японских инвестиций свидетельствует об ограниченной направленности этих инвестиций по видам экономической деятельности. Так, в 2010 г. 86,7 % инвестиций было аккумулировано в добыче и переработке нефти. Далее идут: обрабатывающие производства — 5,1 %, оптовая торговля — 4,4 %, производство транспортных средств и запчастей к нему — 1,1 %.

Структура японских прямых инвестиций также оставляет желать лучшего. И без того незначительная сумма этих инвестиций сосредоточена в узком сегменте нашей экономики. По данным на конец 2010 г., их большая часть сосредоточена в оптовой торговле — 47,4 %, производстве транспортных средств и запчастей к ним — 19,6 %, производстве листового стекла — 6,4 %, а также в сфере лесозаготовок и переработки древесины — 5,9 %.

Из этих данных следует, что японские капиталы на сегодняшний день не играют сколько-нибудь заметной роли в эко-

номике России, за исключением нефтегазовых проектов на Сахалине. Там доля японской стороны в проекте «Сахалин-1» составляет 30 %, а «Сахалин-2» — 22,5 %.

Если говорить о сотрудничестве в валютно-финансовой сфере между Россией и Японией, то оно практически только начинается. Японские банки и другие финансовые структуры пока очень слабо представлены на российском фондовом рынке. А российский предпринимательский капитал в Японии присутствует чисто номинально.

Безусловно, серьезными препятствиями для деятельности российских компаний в Японии являются традиционная закрытость японского рынка, отсутствие в России конкурентоспособных товаров с высокой долей добавленной стоимости, а также технологий, востребованных на этом рынке, и ряд других объективных факторов. Вместе с тем существенным субъективным фактором является нежелание (а часто и неумение) российских бизнесменов, по примеру предпринимателей из других стран, вести кропотливую, рассчитанную на длительную перспективу, работу по освоению японского рынка — второго по объему рынка мира после американского.

В общем, объективно говоря, на сегодняшний день Россия и Япония весьма слабо зависят друг от друга в сфере экономики. Судя по всему, не предвидится скачка в экономических связях между ними и в ближайшие годы. Вряд ли, например, стоит ожидать в обозримой перспективе столь же быстрого роста товарообмена между нашими странами, который был отмечен до кризиса 2008 г. Ведь основным «драйвером» этого товарообмена был экспорт японских автомобилей на быстро росший за счет нефтедолларов российский рынок.

Однако в связи с вновь надвигающимся кризисом мировой экономики и, соответственно, неизбежным падением цен на нефть (повышающий «фактор Ирана», скорее всего, будет иметь краткосрочный характер) потребительский спрос в России, в том числе на автомобили, по всей видимости, значительно снизится. Мартовская природно-техногенная катастрофа 2011 г. в стране, видимо, также негативно скажется на экспорте японских автомобилей в Россию.

Вместе с тем можно полагать, что стоимостный объем российского экспорта в Японию в определенной степени вырастет за счет начавшихся и ожидаемых поставок нефти и газа. Очевидно, что экспорт нефти, газа и угля из России в Японию может существенно вырасти в ближайшие годы в связи с упомянутой катастрофой. Его рост будет обусловлен возросшими потребностями Японии в российских энергоносителях как в ходе реконструкции японской экономики, прежде всего на сильно пострадавшем северо-востоке Японии, так и из-за неизбежного снижения доли атомной энергии в ее энергобалансе. Однако рост стоимости российского экспорта в Японию будет сдерживаться ожидаемым падением цен на нефть, а вслед за ней и на газ.

Пока не видно и признаков того, что в ближайшие годы на Россию обрушится дождь японских инвестиций, особенно прямых капиталовложений, в том числе на Дальнем Востоке и в Сибири.

В постсоветский период как в нашей стране, так и Японии много говорится о возможности развивать Дальневосточный регион России с помощью японских капиталов и технологий. Это соседний с Японией регион, однако парадокс заключается в том, что его связи с этой страной находятся на низком уровне. Единственная сфера, где имеется крупномасштабное присутствие японских компаний — это, как уже отмечалось, нефтегазовые проекты на Сахалине.

По данным на 2009 г., доля японских инвестиций в Сахалинской области составила 82 % от всех японских инвестиций в России. Благодаря этому Сахалинская область стала центром сотрудничества России со странами АТР. Среди этих стран Япония является главным партнером Сахалинской области. Но это, скорее, исключение, чем правило, и здесь речь не идет о самых эффективных прямых капиталовложениях. В целом же экономическую деятельность Японии на Дальнем Востоке России можно оценить как весьма скромную.

По данным на 2009 г., на долю Японии приходится лишь 22 % внешнеторгового оборота Дальнего Востока и Забайкалья. А инвестиционная деятельность японских компаний находится на низком уровне даже в таких наиболее развитых районах

Дальнего Востока, как Хабаровский и Приморский края. Так, сегодня в Приморском крае действует 370 предприятий с иностранными инвестициями, из них только 10 % — с японским. А в Хабаровском крае насчитываются 44 предприятия с японским капиталом. Но это составляет лишь 7,5 % от общего количества компаний с иностранным капиталом.

Российские политические деятели и официальные представители всячески заывают в указанный регион японских инвесторов. Однако парадокс состоит в том, что эти призывы звучат на фоне отсутствия какого-либо желания отечественного крупного капитала вкладываться в этой части страны. Более того, идет крупномасштабная утечка капитала из России. В 2011 г., она, по оценкам, составит около 85 млрд долл.

Японские же компании, если не считать энергетические проекты, пока предпочитают вкладываться в более развитых регионах, а не на Дальнем Востоке. По данным на 2009 г., 58 % всех прямых инвестиций Японии приходилось на Москву, 17 % — на Санкт-Петербург, 9 % — на Московскую область. Доля же Приморского края в японских прямых инвестициях составила 7 %, а Хабаровского края — всего 3 %. Правда, есть две отрасли, где на Дальний Восток приходится почти весь объем японских прямых инвестиций в России. Это деревообработка, а также рыболовство и переработка морских продуктов.

Так, на Хабаровский край приходится 59 % всех прямых инвестиций Японии в деревообработку, а на Приморский край — 30 %. В сфере рыболовства и переработки морских продуктов японские прямые капиталовложения распределены следующим образом: Камчатский край — 46 %, Приморский край — 28 %, Сахалинская область — 26 %. Однако абсолютные показатели японских инвестиций даже в эти две отрасли являются очень низкими. В деревообработку они составили всего лишь 45,9 млн долл., а в рыболовство и переработку морских продуктов и того меньше — 25,7 млн долл.

Тенденцию вкладываться в более развитые регионы России можно четко видеть на примере японских производителей автомобилей и строительной техники. Те же «Тоёта» и «Ниссан», поднимаемые на щит как флагманы японских инвестиций в

России, построили автосборочные заводы под Санкт-Петербургом, а вовсе не в Хабаровске и Владивостоке. А фирма «Комаци» создала завод по производству строительной техники в Ярославской области — одном из наиболее развитых в промышленном отношении регионов России. То же самое можно сказать о компании «Хитати», которая, как недавно сообщалось, собирается построить завод по производству средних экскаваторов в Тверской области. На Дальнем же Востоке и в Сибири, как уже говорилось, японские инвестиции идут главным образом в энергетические и сырьевые проекты.

Судя по всему, эта тенденция сохранится на обозримые годы. Япония проявляет интерес к проекту «Сахалин 3», освоению месторождений угля в Якутии, проектам по сжижению газа и предприятиям по переработке нефти во Владивостоке, изучает возможность принять участие в строительстве терминалов по перегрузке угля и в возведении второй линии Байкало-амурской железнодорожной магистрали. Другими словами, японские капиталы на Дальнем Востоке и в Сибири по-прежнему ориентируются, прежде всего, на добычу и вывоз из России энергетических ресурсов и производных от них продуктов.

Правда, по сообщениям японских СМИ, «Тоёта» собиралась строить автосборочный завод во Владивостоке. Была также информация о том, что «Хонда» может построить автосборочный завод на Дальнем Востоке, а «Мазда» — сборочное производство на базе компании «Соллерс». Однако пока это не более чем планы весьма ограниченного характера, а для широкомасштабного привлечения японских капиталов на Дальний Восток есть ряд фундаментальных препятствий.

Очевидно, что в Россию, в том числе на Дальний Восток, серьезные японские капиталы придут только тогда, когда там не на словах, а на деле будут созданы подходящий инвестиционный климат, производственная, транспортная, финансовая и социальная инфраструктура.

В привлечении японских компаний на Дальний Восток есть ряд других труднопреодолимых факторов сдерживания. Один из них состоит в том, что здесь России приходится конкурировать с Китаем и Южной Кореей. Две соседние страны подобно боль-

шому и маленькому пылесосам «отсасывают» японские инвестиции, которые потенциально могли бы прийти в Россию.

Но нам с этими странами трудно конкурировать, потому что они обращены к Японии своим фасадом, т. е. экономически наиболее развитой частью своей территории. Российский же Дальний Восток, к сожалению, является одним из наименее развитых в промышленном отношении регионов страны. Дело также в том, что в этих двух странах условия для привлечения японских капиталов гораздо более привлекательные, чем в нашей стране.

А России для создания более благоприятного инвестиционного климата необходимо преодолеть ряд серьезных проблем. К ним, в первую очередь, нужно отнести низкое качество российского рынка и слабый потребительский спрос, прежде всего, в указанном регионе. К тому же этот спрос и далее продолжает сокращаться в связи с оттоком населения оттуда в другие районы страны, а также за рубеж.

Кроме того, как указывают сами японские бизнесмены, препятствиями для более широкого притока инвестиций из Японии в Россию являются часто меняющиеся таможенное и налоговое законодательства, бюрократизм, а также коррупция и другие факторы. Таким образом, только устранив эти препятствия, мы можем рассчитывать на повышение интереса японского бизнеса к России в целом и к Дальнему Востоку в частности.

При этом необходимо создавать благоприятные условия не только для крупных японских корпораций, но и для малых и средних предприятий. Они очень слабо представлены на российском рынке, в отличие, например, от того же Китая. В этой стране действует около 30 тыс. японских компаний, из них около 26 тыс. — это малые и средние предприятия. В то же время в России в общей сложности действуют лишь около 600 японских компаний.

Некоторые негативные тенденции характерны и для приграничного сотрудничества России с Японией. Одним из важнейших компонентов этого сотрудничества является добыча рыбы и других морепродуктов и торговля ими. Несмотря на давно ведущиеся переговоры о согласовании с японской стороной дей-

ствий в деле борьбы с контрабандой морепродуктов, объем этой контрабанды остается высоким.

По российской статистике, в 2007 г. экспорт морепродуктов из России в Японию составил 112 млн долл., а по японской статистике — 1 млрд 20 млн долл. Таким образом, в указанном году объем незаконного вывоза из России в Японию морепродуктов составил огромную сумму, превышающую 900 млн долл.

Как представляется, покончить с указанной контрабандой в Японию и другие страны можно, лишь наведя порядок на российской стороне в деле добычи и экспорта морепродуктов. И делать это надо как можно скорее, поскольку крупномасштабные браконьерство и контрабанда ставят под угрозу морские ресурсы России на Дальнем Востоке.

Надо отметить также, что вся морская продукция из России поставляется в Японию и другие страны в виде сырья, что снижает стоимостные показатели экспорта. Важной задачей остается переработка этого сырья и экспорт на японский рынок готовой высококачественной продукции. Здесь имеются хорошие перспективы для двустороннего сотрудничества, так как Япония имеет большой опыт в этой сфере, а японские технологии и оборудование по переработке морских продуктов пользуются большой популярностью на Дальнем Востоке России. Поэтому надо более активно создавать в этом регионе на взаимовыгодных условиях совместные предприятия с участием японского капитала.

В Северо-Восточной Азии, частью которой является Дальневосточный регион России, в сфере торговли и инвестиций самые тесные отношения существуют между Японией и Китаем. Китай недавно стал главным торговым партнером Японии, а объем их двусторонней торговли составляет примерно 300 млрд долл., т. е. более чем в 10 раз превышает объем российско-японской торговли.

В последние годы активно развивается также торговля между Россией и Китаем. В 2011 г. торговля между двумя странами составила около 80 млрд долл. Это более чем в 2 раза превышает объем торговли между Россией и Японией. Между Россией и Китаем существует также ряд перспективных программ в сфере инвестиционного и научно-технического сотрудничества. Другими

словами, в экономическом треугольнике Россия—Китай—Япония самой слабой стороной является связка Россия—Япония.

По-видимому, в сфере экономического развития Сибири и Дальнего Востока, прежде всего в освоении их природных ресурсов, назревает определенный крен в сторону сотрудничества России с Китаем. Вряд ли такой перекося отвечает интересам России. Вероятно, и Япония не заинтересована в том, чтобы в деле развития Сибири и Дальнего Востока, а также в их внешнеэкономических связях доминировал Китай. Поэтому обеим странам — России и Японии — надо приложить усилия к тому, чтобы расширить торгово-экономическое сотрудничество между ними и поднять его на новый качественный уровень.

Однако очевидно, что самой эффективной формой международного сотрудничества в деле развития российского Дальнего Востока, отвечающей интересам всех его участников, могло бы стать трехстороннее взаимодействие России, Японии и Китая с подключением государств Корейского полуострова. При этом наша страна должна стремиться к сбалансированному индустриальному развитию своего Дальневосточного региона с тем, чтобы не закрепиться навеки в примитивной роли поставщика природных ресурсов в соседние страны и рынка сбыта их готовой промышленной продукции, зачастую изготавливаемой из российского же сырья.

Понятно, что в обозримом будущем энергетика, в том числе ядерная, останется главной сферой экономического взаимодействия между Россией и Японией в Сибири и на Дальнем Востоке. В 2009 г. между нашими странами было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере ядерной энергетики. Однако, как уже говорилось, после инцидента на АЭС «Фукусима-1» в Японии взят курс на уменьшение доли атомной энергии в энергобалансе страны. Это окажет негативное влияние на сотрудничество между нашими странами в этой сфере.

Вместе с тем указанный курс увеличит спрос в Японии на такие виды энергоресурсов, как нефть, газ и уголь. Россия, со своей стороны, заинтересована в том, чтобы диверсифицировать набор потребителей своих энергоресурсов за счет стран АТР. Эти факторы, безусловно, будут способствовать дальней-

шему развитию российско-японского сотрудничества в сфере энергетики.

Важными областями инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией в Сибири и на Дальнем Востоке останутся деревообработка и переработка рыбы и морских продуктов. Россия, конечно, заинтересована в экспорте в Японию и другие страны продукции с более высокой добавленной стоимостью. Поэтому, как уже отмечалось, ей надо стремиться создавать в указанных областях совместные предприятия с участием японского капитала. Кроме того, объектами для японских инвестиций на Дальнем Востоке, как судостроение, авиастроение и другие производства.

Но для этого, как уже подчеркивалось, необходимо создавать на Дальнем Востоке благоприятный климат для привлечения японских прямых инвестиций, в том числе со стороны малых и средних предприятий. Этому могут способствовать также особые экономические зоны, которые надо активно создавать не только в европейской части России, но и на Дальнем Востоке.

Большие возможности для российско-японского делового сотрудничества на Дальнем Востоке и в Сибири содержат и другие области. Например, туризм. Японцы очень любят дикую природу, и Дальний Восток в этом отношении представляет для них огромный интерес. Правда, для массового привлечения японских туристов необходима соответствующая инфраструктура.

В общем, несмотря на имеющиеся трудности и преграды, торговое и инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией имеет немалый потенциал, но нужна кропотливая работа обеих сторон, чтобы этот потенциал реализовать. А то, что Россия и Япония могут представлять друг для друга интерес не только как продавец и, соответственно, покупатель природных ресурсов, демонстрирует успешное сотрудничество в таких сферах, как железнодорожный транспорт, телекоммуникации, космос и ядерная энергетика, т. е. там, где имеется должная конкурентоспособность и взаимный коммерческий интерес. Это подтверждается и планами создания с участием Японии крупного нефтеперерабатывающего завода в районе Владивостока.

А.Ф. Клименко*

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ФОРМАТЕ ШОС

Аннотация. Рассматриваются опыт и практика военного сотрудничества государств-участников ШОС, анализируются его положительные и отрицательные стороны, излагаются некоторые предложения по его совершенствованию в целях придания ШОС способности эффективно реагировать на возможные угрозы и вызовы интересам безопасности стран — участниц этой Организации, обеспечивать стабильность в Центрально-Азиатском регионе и на всем пространстве ШОС.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, военно-техническое сотрудничество, военное сотрудничество, безопасность, стабильность, угрозы, вызовы.

Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Центром военно-стратегических исследований Генштаба и Главным управлением международного военного сотрудничества Минобороны на протяжении ряда лет, начиная с момента образования ШОС, вносилось предложение о разработке концепции сотрудничества государств-участников этой Организации в сфере безопасности и обороны. Обсуждался этот вопрос и с китайски-

ми коллегами по научной работе. Процесс работы был нелегким. Идея не находила поддержки среди некоторых чиновников внешнеполитического ведомства, ответственных за это направление его деятельности, и ряда других экспертов.

Тем временем эволюция военно-политической ситуации в Центральной Азии и вокруг этого региона, развивавшаяся не в лучшую сторону, вынудила изменить отношение к этой проблеме. В конце апреля 2006 г. вопрос о необходимости соответствующего документа был инициирован Россией на совещании министров обороны стран-участниц ШОС, где и было принято решение о его разработке.

Министерством обороны и Генеральным штабом ВС РФ совместно с другими заинтересованными ведомствами, среди которых был и Институт Дальнего Востока, была развернута работа по формированию Концепции. В качестве основной цели Концепции предусматривались поэтапное и целенаправленное развитие военного сотрудничества оборонных структур в рамках ШОС с учетом современных вызовов и угроз, организация взаимодействия членов ШОС по военной составляющей с другими международными организациями, в том числе с Организацией Договора о коллективной безопасности. Разработка документа тесно увязывалась с антитеррористическими задачами, которые в рамках ШОС возложены на Региональную антитеррористическую структуру. При формировании концепции учитывался опыт, полученный военными ведомствами стран-участниц ШОС в ходе двусторонних и многосторонних антитеррористических учений, в первую очередь таких крупных, как «Мирная миссия».

Согласование содержания Концепции заинтересованными государствами проходило непросто. Это обуславливалось противоречием между тем, что, согласно своим уставным документам, ШОС не позиционирует себя как военно-политический союз, и тем фактом, что Организация в полной мере несет ответственность за благополучие и процветание многомиллионного, многонационального и разнорелигиозного сообщества на обширном пространстве и обязана обеспечить мирное проживание народов, населяющих это пространство.

* Клименко Анатолий Филиппович — к.воен.н., генерал-лейтенант запаса, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем ШОС и СВА ИДВ РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru.

В конце концов было найдено компромиссное решение, в результате которого концепция военного сотрудничества государств-участников ШОС трансформировалась в Соглашение о сотрудничестве между министерствами обороны стран, входящих в организацию. Документ был официально принят на совещании глав оборонных ведомств стран-участниц ШОС в мае 2008 г. Таким образом, уровень сотрудничества в военной сфере (в формате ШОС) снизился с межгосударственного до межведомственного. Тем не менее, этот документ предоставляет возможность оборонным ведомствам целенаправленно развивать военное сотрудничество, соблюдая главный принцип Организации — открытость, и вводит это сотрудничество в правовое поле.

По своему содержанию Соглашение направлено на дальнейшее укрепление мер доверия в военной области, координацию усилий по противодействию новым угрозам и вызовам. В нем нашло отражение общее стремление государств-участников ШОС к расширению диалога и взаимодействию в военной области, а также к определению перспектив их многопланового сотрудничества в рамках Организации. Оно позволяет вырабатывать конкретные меры оперативного реагирования на чрезвычайные события в регионе.

Опираясь на Соглашение, участники ШОС могут развивать сотрудничество между собой по следующим направлениям:

- участие в разработке и реализации механизма своевременного реагирования на ситуации, ставящие под угрозу мир и стабильность в регионе;
- содействие правоохранительным органам государств-участников ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- содействие другим силовым структурам в проведении мер по усилению охраны госграницы в целях пресечения попыток ее прорыва незаконными вооруженными формированиями, в блокировании районов действий этих формирований и их нейтрализации;
- практическая отработка вопросов оперативной совместности штабов и войск в ходе многосторонних учений и маневров;

- проведение совместных форумов и семинаров в формате ШОС по проблемам обеспечения региональной безопасности, обмену опытом противодействия новым угрозам и вызовам и другим актуальным вопросам;
- совместные исследования по разработке и применению технических средств и оборудования, поиск новых методов борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами и вызовами;
- совершенствование нормативной базы по сотрудничеству оборонных ведомств.

Последний пункт особенно важен. Как известно, Казахстан отказался пропускать через свою территорию эшелоны с военной техникой КНР для участия в маневрах «Мирная миссия-2007», ссылаясь именно на отсутствие такой базы.

К сожалению, не все государства согласились с предложенным на вышеупомянутом Совещании министров обороны форматом сотрудничества. Узбекистан не поставил своей подписи в Соглашении. Следует отметить, что политическое руководство этого государства пока еще не в полной мере определилось со своим внешнеполитическим курсом. Об этом свидетельствуют смена ГУУАМ на ОДКБ, приостановление своего членства в ЕврАзЭС, более длительные раздумья, по сравнению с другими центральноазиатскими государствами, о присоединении к ШОС и, наконец, отказ принимать участие в военном сотрудничестве в формате ОДКБ под предлогом конституционных запретов.

Тем не менее, не следует оставаться на достигнутых рубежах. Принятие оборонными ведомствами ШОС Соглашения о сотрудничестве в военной сфере — это лишь первый шаг на пути реализации принципа универсальности, на котором строится Организация. Для расширения круга решаемых ШОС задач по борьбе с новыми угрозами и их легитимизации необходимо разработать и официально принять концепцию или доктрину региональной безопасности для Центральной Азии. Этот документ должен определить критерии и принципы мониторинга источников новых угроз, установить процедуру вынесения и исполнения соответствующих решений руководящих органов Организации.

При разработке Концепции региональной безопасности ШОС вопросы о том, на защиту каких именно и чьих интересов она направлена и на какой регион распространяется ее действие, являются основополагающими. Поэтому в качестве исходного положения Концепции можно было бы определить:

- состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие концепции, их общие и специфические интересы, в том числе интересы, имеющие противоположную направленность с другими акторами на пространстве ШОС, и методы их реализации;
- виды общих внешних и внутренних военных угроз участникам Организации;
- проблемы в обеспечении военной безопасности;
- порядок действий ШОС в случае возникновения угрозы одному из ее участников.

Определяя содержание угрозы, целесообразно показать совокупность ее характеристик, например, источники и причины возникновения, направленность, наличие или отсутствие преднамеренности, степень сформированности.

Определив военные угрозы, следует указать основные (приоритетные) и специальные задачи по их нейтрализации и обеспечению (защите) интересов участников ШОС, а также методы решения этих задач (политико-дипломатические, социально-экономические и другие, в их числе военные).

Применительно к энергетической сфере, учитывая принятые на Рижском 2006 г. саммите НАТО дополнения к ст. 5 хартии Североатлантического союза, России и ее партнерам по ШОС следует указать их общие интересы, цели и задачи в этой области, содержание угроз, препятствующих их реализации, и определить порог силового реагирования на эти угрозы.

При этом следует отметить одну актуальную в перспективе особенность: пространство ШОС выходит своими границами к Северному ледовитому океану с его перспективными углеводородными ресурсами. Уже в настоящее время многие страны пересматривают свою политику к этому региону, включая его в сферу своих интересов. В частности, так называемая арктическая стратегия Дж. Буша, проведенная им под занавес своего

президентства, предусматривает в том числе ряд военных мер, которые должны реализовать США, чтобы гарантировать «справедливый» раздел богатств арктического континента. Очевидно и ШОС должна выработать свое отношение к этой важной проблеме, тем более, что к ней проявляет в последние годы неподдельный интерес наш партнер по ШОС — Китай.

В зависимости от сформировавшейся политики в области обеспечения безопасности Концепция региональной безопасности ШОС может фиксироваться в качестве директивного документа в государственных актах стран-участниц ШОС. В частности такие документы, как Концепция национальной безопасности, и Военная доктрина Российской Федерации, вместе с аналогичными документами ее партнеров могут, а, точнее, должны учитывать положения этой Концепции ШОС.

Повышению возможностей ШОС по обеспечению обороны и безопасности ее учредителей, прежде всего методом сдерживания и предотвращения развития ситуации в регионе по опасным для участников ШОС сценариям, способствовало бы создание в рамках ШОС коллективных сил быстрого реагирования. На первом этапе можно было бы реализовать меры, включающие проработку вопроса о возможной штатной структуре и системе управления таких сил на основе наработанного опыта в ОДКБ, их апробацию в ходе совместных учений для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Основываясь на имеющемся опыте функционирования международных организаций по безопасности, не обязательно содержать в ШОС контингент войск на постоянной основе. В обычных условиях обстановки силы и средства, предназначенные для проведения операций в рамках Шанхайской организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений и маневров.

Действенность военного сотрудничества в Организации, выдвигающей в качестве одной из задач обеспечение безопасности входящих в нее государств, была бы более эффективной, если бы она располагала не только определенными силами, но и органами управления ими. Органы управления войсками желательно создавать заблаговременно и на постоянной основе. Возможно,

в сокращенном составе. Для этого целесообразно было бы рассмотреть вопрос об учреждении в структуре ШОС, наряду с Советом министров обороны или начальников Генеральных (Главных) штабов, Штабного комитета стран-участниц ШОС. Но к этой цели, очевидно, нужно идти постепенно, последовательно и поэтапно, по мере созревания политических условий.

Представляется, что первоначально в целях более четкой координации военного сотрудничества в рамках ШОС, а также для эффективного и своевременного реагирования на угрожающие ситуации было бы целесообразным инициировать вопрос об учреждении постоянно действующего органа — Координационного комитета ШОС по военному сотрудничеству (ККВС). Не секрет, что эффективность РАТС, задачи которой сегодня сводятся лишь к мониторингу и обмену между участниками ШОС данными, относящимися к террористическим угрозам в регионе, недостаточна.

Такой орган, как ККВС, не только способствовал бы росту эффективности военно-технического и военно-экономического сотрудничества, реализации программ помощи нуждающимся в ней вооруженным силам стран региона, но и повысил бы уровень взаимной информированности о ситуации в армиях других членов Организации. Появление ККВС, кроме того, дополнит существующую практику обмена информацией по антитеррористической тематике, осуществляемую в рамках РАТС ШОС, и будет способствовать налаживанию эффективного взаимодействия между военными разведками стран-участниц, направленного, прежде всего, на сбор соответствующей информации в сфере безопасности.

В задачи Комитета входили бы также функции по организации совместных мероприятий оперативной подготовки (командно-штабных тренировок и учений).

В последующем, в зависимости от развития ситуации в регионе, можно было бы рассмотреть вопрос о трансформации ККВС и РАТС в Штабной комитет ШОС. Задачи Штабного комитета, по сравнению с задачами ККВС и РАТС, могут быть значительно расширены. К ним могут быть добавлены:

- мониторинг и определение конкретных источников военных угроз;

- выработка политических, информационных, гуманитарных, экономических, финансовых, военных и иных мер по их предупреждению и нейтрализации;
- разработка соответствующих планов и программ;
- руководство антитеррористическими, миротворческими и иными операциями по нейтрализации угроз;
- организация и проведение совместных учений и тренировок, оперативно-тактических и командно-штабных;
- решение других задач, присущих органу управления такого уровня.

Штабной комитет может быть ограниченным по количеству военных специалистов, со сменой руководства и оперативного состава по принципу ротации через определенный промежуток времени.

Можно было бы рассмотреть и другую систему управления, базирующуюся, как и контингент миротворческих сил, на принципе «выделения, но не отделения». Этот принцип предусматривает выделение из состава органов управления национальных вооруженных сил или, как исключение, от коалиционных органов управления (например, ОДКБ или РАТС ШОС) части подготовленного персонала, который используется для формирования основы, ядра оперативного штаба, ответственного за организацию и проведение конкретной миротворческой операции.

При необходимости ядро может наращиваться соответствующими управленческими блоками — «компоновочными модулями» от обеспечивающих систем (тыла, технического обеспечения и др.). Это обеспечит максимальное использование ресурсов уже имеющихся органов управления и, соответственно, значительную экономию сил, средств и времени. Последнее в условиях «кризисного реагирования» приобретает немаловажное значение.

Следующей из наиболее важных задач в военной области сегодня становится наполнение практическим содержанием стратегического партнерства в формате ШОС между Россией и Китаем. Как известно, силовые структуры КНР, в отличие от аналогичных структур среднеазиатских государств, не имеют

достаточного опыта совместного применения с российскими силовыми структурами. Важно накопление такого опыта и для его дальнейшего распространения на будущих партнеров (Индию, Иран и др.).

В настоящее время между генеральными штабами ВС РФ и НОАК установлены прямые контакты. Ежегодно проводятся штабные переговоры. Ведется диалог с китайскими партнерами по вопросам стратегической стабильности и контроля над вооружениями. Продолжается военно-техническое сотрудничество. Речь идет о многомиллиардных контрактах и о придании этому взаимодействию нового качества. Оно заключается в том, что мы уже перешли к совместным НИОКР и совместным разработкам, совместному производству отдельных видов оборудования. В 2011 г. был сделан еще один шаг в этой сфере: наши государства договорились о создании в Китае центров по обслуживанию и текущему ремонту российской техники. В последние годы установлены прямые связи между армиями двух стран в области печати, культуры и отдыха.

Безусловно, и Китай, и Россия являются значимыми игроками на международной арене, и российско-китайское взаимодействие на международной сцене стало очень существенным фактором в мировой политике. Мы научились консолидированно выступать, защищая наши законные интересы. Однако следует заметить, что все эти мероприятия проводятся в основном на двустороннем уровне.

В рамках ШОС и других региональных структур в части, касающейся компетенции Минобороны России, ведутся консультации по проблемам обеспечения национальной безопасности и борьбы с проявлениями международного терроризма. С 2005 г. участники ШОС приступили к реализации высших форм подготовки штабов и войск — проведению антитеррористических учений под кодовым названием «Мирная миссия», по своему содержанию приближающихся к общевоинсковым.

Неопределенность в развитии мирового сообщества и общность интересов России и Китая с другими центральноазиатскими государствами требуют от нас в совместной боевой подготовке войск и сил не ограничиваться борьбой с терроризмом.

Эта борьба — далеко не единственное направление деятельности, где при достижении совместных политических целей мы должны будем опираться на поддержку военной силы. Поэтому одна из общих целей, рассчитанных на отдаленную перспективу, может состоять в том, чтобы создать вооруженные силы, способные вести совместные действия при решении более широкого круга задач, если в этом возникнет необходимость. А учитывая обстановку на пространстве соседнего Ближнего Востока, неопределенность ее развития в Афганистане после вывода оттуда сил западной коалиции и в Пакистане, накал «страстей» вокруг ядерной проблемы Ирана, имеющего статус наблюдателя при ШОС, этот вопрос все больше актуализируется.

Проведенные совместные учения свидетельствуют о том, что это процесс непростой. Их участники испытывают определенные сложности в совместной работе, вызванные отсутствием необходимого уровня интероперабельности (оперативной совместимости). Главными препятствиями являются языковой барьер, определенные различия в организации и тактике действий войск, структурах органов военного управления и в штабной культуре, в организации тылового обеспечения и иные особенности в подготовке войск и штабов, методах организации и ведении боевых действий.

Созданию предпосылок к обеспечению оперативной совместимости войск и их способности эффективно действовать совместно при выполнении общих задач российские и китайские специалисты должны уже сейчас уделить самое пристальное внимание. Потребуется проведение семинаров по системам управления и связи, терминологии, уставным документам тактического звена, военным доктринам и миротворческим концепциям.

Для ознакомления с вопросами стратегии и тактики друг друга в качестве важного направления учебной подготовки становится сотрудничество между военными учебными заведениями. «Импорт образования» посредством обмена преподавателями позволяет военным специалистам, практическим работникам, инструкторам и преподавателям России и Китая на

практике отрабатывать и оценивать различные виды деятельности по оперативной совместимости.

Например, актуальными направлениями сотрудничества в этой области в настоящее время и на перспективу могли бы стать:

- обмен мнениями и информацией (накопленными материалами) между министерствами обороны по военным вопросам, связанным с проведением контртеррористических операций и боевых действий, направленных на уничтожение бандформирований в локальных конфликтах;
- планирование и проведение совместных семинаров, брифингов и КШУ, обмен опытом по подготовке и ведению боевых действий в горных районах против бандформирований, тактике применения воинских частей и подразделений;
- направление в Китай для обмена опытом представителей видов и родов войск Вооруженных Сил России, непосредственных участников боевых действий в Чечне, участников антитеррористических операций в Центральной Азии и операции по принуждению к миру Грузии на Кавказе;
- обмен опытом участия в международных миротворческих операциях, который получен российскими и китайскими военными за последнее десятилетие.

Было бы полезным расширить сотрудничество в деле профессиональной подготовки офицеров и обмена военно-научной информацией. В организационном и правовом плане такая возможность значительно расширилась с принятием российским правительством в 2004 г. постановления «О мерах по укреплению научно-исследовательской базы и подготовке специалистов по Китаю».

Хотелось бы еще заметить, что регулярная демонстрация на учениях и маневрах боевых возможностей хорошо подготовленного контингента, например, миротворческих сил, предназначенных для действий в рамках ШОС, была бы серьезным сдерживающим фактором. Не секрет, что международные террористы для своих ударов крупными формированиями войскового типа ищут наиболее слабые места. В свое время известный ки-

тайский полководец и военный теоретик Сунь-цзы говорил: «Военные тактические приемы можно уподобить водному потоку; вода в природе стекает с высоких мест и устремляется в пустоту. Так и в военном деле есть смысл избегать сильных мест и стремиться к слабым»¹.

Наличие обученных для совместных действий контингентов вооруженных сил заполнит эту «пустоту», станет серьезным сдерживающим фактором для сепаратистов и экстремистов, планирующих антиконституционные методы захвата власти, и будет действенным фактором региональной стабильности.

В целом, сотрудничество между вооруженными силами соответствует коренным интересам как России с ее центральноазиатскими партнерами и союзниками, так и Китая. Пекин хотел бы видеть в них надежно защищенный «стратегический тыл», имея в виду возможность обострения в будущем соперничества с США. По китайским оценкам, тыл, «опорная база» — это хранилище запасов: энергоносителей, сырья, технологий и т. д., что следует беречь, защищать и охранять от противника. Военные китаеведы не исключают также поддержки на межгосударственном уровне идеи более активного подключения китайских капиталов для развития Сибири и Дальнего Востока как «объективно выполняющих для Китая роль стратегического тыла».

Такая постановка вопроса естественным образом дает для российской стороны возможность более настойчиво требовать от китайцев достижения договоренностей об упорядочении китайского присутствия на Дальнем Востоке и в Сибири, создает дружественные условия обеспечения безопасности российских рубежей от Туркестана до Дальнего Востока.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Но идет ли в данном случае речь о военном союзе? Общеизвестно, что такой союз возникает либо тогда, когда группа государств решает совместно защищать свои территории или какие-либо жизненно важные интересы, либо преследует агрессивные цели. При этом обозначаются границы, нарушение которых становится причиной войны, или ищется удобный повод для

развязывания агрессии. То есть военный союз преследует конкретные военно-политические и стратегические цели и задачи, определяет, содержит и готовит объединенные вооруженные силы для их решения. ШОС не обладает такими признаками. Это юридически нейтральная организация. Ее цель — обеспечение комплексной безопасности — от экономической составляющей до военной, в пределах собственных границ входящих в нее стран. Вектор ее усилий не направлен во внешнюю среду. Она действует в ответ на проявление угрозы. Но, если эта угроза отчетливо проявляется, было бы большим риском дальнейшее бездействие. Нерентабельно для государств-участников тратить средства на содержание недееспособной организации.

Еще один недостаток ШОС состоит в том, что сфера ее деятельности, ограниченная рубежами ряда стран СНГ и Китая, не охватывает всех «горячих точек» региона, например, на стыках границ между СНГ и Афганистаном, Индией и Пакистаном.

В силу этих и других слабых сторон Шанхайской организации сотрудничества ее странам-участницам нужно или соглашаться, чтобы и в дальнейшем в нашем «региональном доме» поддерживали мир и стабильность приглашенные со стороны страны и организации, или принимать меры к дальнейшему совершенствованию структуры, состава и методов деятельности ШОС, расширению круга решаемых ею задач, а также сферы ее ответственности.

Вопрос о расширении сферы ответственности ШОС будет связан с приемом в состав Организации новых членов. Реальная возможность для этого имеется. Однако к этому вопросу следует подходить более осторожно и дифференцированно. В первую очередь это относится к Афганистану и Пакистану, учитывая их тесные связи с США. В случае проведения Америкой деструктивной политики по отношению к ШОС это может серьезно сказаться на ее дееспособности.

С другой стороны, вступление в Организацию государств с различными интересами также снизит ее эффективность. Поэтому процесс должен растягиваться по времени. Исправить это может также создание устойчивой основы из стран-учредителей, объединенных долгосрочными интересами и целями. Сте-

пень участия других претендентов может быть дифференцированной. Следует предусмотреть, что страны-претенденты не обязательно должны становиться участниками всех программ и мероприятий Организации. Они могут участвовать в отдельных соглашениях и с различным статусом.

Подводя итог всему сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что Шанхайская организация сотрудничества может превратиться в реальный фактор региональной и мировой политики лишь при определенных условиях. В качестве основных из этих условий можно назвать:

- развитие нормативно-правовой базы;
- совершенствование структуры ШОС и придание ей способности комплексно решать задачи по обеспечению безопасности не только мирными, но и военными средствами;
- расширение состава ШОС за счет увеличения количества постоянных членов Организации и расширения количества сотрудничающих с ней стран, имеющих иной статус;
- налаживание эффективного взаимодействия с другими международными организациями и заинтересованными государствами.

На фоне глобального финансово-экономического кризиса возникла реально ощутимая потребность в более тесной интеграции стран-участниц ШОС в экономической и политической сферах, в области безопасности и обороны. Снизить влияние кризисных явлений в экономике легче совместными усилиями, а, преодолев их с минимальными издержками, проще обеспечить национальные интересы всех партнеров в других сферах сотрудничества и нейтрализовать эгоистические устремления внешних акторов на пространстве Организации.

Внося такие предложения, мы понимаем, что, несмотря на имеющиеся разногласия по многим вопросам международной политики, у России, Китая и других участников ШОС и наблюдателей при этой Организации имеются и общие с США интересы. В их числе — борьба с международным терроризмом и поддержание стратегической стабильности, предотвращение и урегулирование конфликтов, нераспространение ОМП, экономическое развитие своих государств, разработка «правил пове-

дения» для современного мира и ряд др. Поэтому главным направлением в отношениях России, Китая и других участников ШОС с Америкой должно быть взаимовыгодное сотрудничество, а не конфронтация. Но это сотрудничество не должно осуществляться в ущерб национальным интересам наших государств. При этом тесное взаимодействие участников ШОС в рамках Организации, их «соразвитие» и взаимная поддержка положительного имиджа на международной арене заставят США уважать наши государства.

Примечания

¹ Джэйлс Л. Суныцзы: Искусство войны / пер. с англ. Ростов/н-Д, 2002. С. 81.

АКТУАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ РАЗРАБОТКИ УЧЕНЫХ ИДВ

А.А. Крушинский*

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛОГИКИ

Аннотация. Ставится и анализируется проблема существования и особенностей древнекитайской научной логики. Дается историография вопроса и специально рассматриваются препятствия, блокирующие опознание китайской логики.

Ключевые слова: учение об именах (*минсюэ*), концепция «сообразия [с образцом]» (*сяо*) и идеология «продвижения рода» (*туйлэй*).

1. Постановка проблемы

Проблема китайской логики должна быть поставлена заново. В пользу этого говорят, с одной стороны, **уникальность**, а с другой — крайне **слабая изученность** китайского научного логико-методологического наследия. Устоявшиеся историко-научные стереотипы, блокирующие его изучение, серьезно искажают общемировую панораму возникновения и типологии логических учений — без упорно игнорируемой (ввиду ее необычности и самобытности) китайской логики мировая история логики оказывается существенно неполной. Между тем именно в существовании и характере логики многие видят один из главней-

* Крушинский Андрей Андреевич — д.филос.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: zvenigor@gmail.ru.

ших, так сказать, «межевых камней», отграничивающих цивилизацию Запада от цивилизации Востока¹.

Однако китайская цивилизация — это единственная цивилизация в мире, которая, развивая систематическую рефлексию относительно характерных для нее способов образования понятий и задания предметностей, а также относительно отвечающих этим способам приемов дедуктивного рассуждения, сформулировала соответствующую систему соответствующих логико-методологических воззрений на принципиально **иной**, нежели в остальных создавших логику цивилизациях, лингвистической базе. В то время как древние Грецию и Индию — родоначальниц оригинальных логических традиций — объединяет равно общая им индоевропейская языковая основа, здание китайской логической мысли возводилось на совершенно ином языковом фундаменте.

Самой броской чертой этой инаковости является та изначальная пропасть между фонетическим и идеографическим письмом, которая разделяет индоевропейскую и китайскую цивилизации. Данный лингвистический факт, в конечном счете, **отразил** ту радикально отличную от западной (в частности, античной) установку сознания, которая затем — на уровне теоретической рефлексии — с предельной ясностью проявилась в кардинально отличном от западного подходе к категоризации действительности (т. е. в типе категориального видения мира и человека). В свою очередь, глубинное различие в устройстве китайской и западной категориальных «сеток» находит свое естественное продолжение в несхожести теоретически осознанных способов формирования понятий/введения объектов и — в значительной степени производных от всех этих различий — видах дедуктивного рассуждения, присущих обоим типам цивилизаций. Более того, в самом **типе** теоретизирования, характерном для китайской логико-методологической мысли.

Надеюсь, что сказанное выше сделает понятным следующее программное для предлагаемой работы заявление, фиксирующее характерную биполярность решаемой в ней задачи. А именно: хотя, с одной стороны, отмеченная уникальность превращает исследование китайской логической мысли в дело исключи-

тельной важности в перспективе изучения глобальной истории логики, но, с другой стороны, выявление и эксплицитное представление китайской логики² оказывается весьма трудным предприятием. Длительное время исследователи пребывали в плену следующей ложной дилеммы: либо совершить насилие над оригинальным китайским материалом, навязывая ему схемы традиционной логики (базирующейся на аристотелевской силлогистике), либо настаивать на существовании некоей особой китайской логики, отличной от силлогистики, что неизбежно лишало первую статуса логики (не забудем, что современная логика тогда только зарождалась).

Требовался радикально новый подход, который смог бы объединить оба — на рубеже позапрошлого и прошлого веков, казалось бы, несовместимых — условия: а) имманентность подхода к анализируемому материалу; б) логическая общезначимость обнаруживаемых в ходе такого анализа структур. Возможности такого совершенно нового подхода открылись лишь с появлением современной концепции логики. Опираясь на это новое понимание логики, я в проведенном мной исследовании поставил перед собой задачу обнаружить и проанализировать важнейшие формы **собственно** китайской (тем самым я оставляю в стороне буддийскую логику, получившую некоторое развитие в Китае VII—VIII вв. н. э.) логической теории и практики.

Успешность предлагаемой экспозиции и анализа китайской логики будет равнозначна утвердительному ответу на вопрос о существовании автохтонной логики в Китае, что станет долгожданным прорывом в исследованиях, длящихся уже второе столетие, которые — ввиду безуспешности многократных попыток — принято сейчас считать чуть ли не тупиковыми. Поэтому предлагаемая работа, возобновляя неправомерно закрытую проблему китайской логики, претендует на разрешение заявленной ранее апории (с одной стороны, неоспоримая важность проблемы, а с другой — кажущиеся непреодолимыми трудности с ее решением в положительном смысле). Что в свою очередь способно пролить дополнительный свет на концептуальную природу и исторические судьбы рациональности.

Во избежание недоразумений следует уточнить, что темой работы является вопрос об имманентной китайской логике (а вовсе не поиски аналогов привычных нам по традиционной или математической логике схем выводов или образования понятий). Поэтому моя задача более изначальна, нежели стандартно трактуемая история логики³. Эта задача состоит в опознании и раскрытии самого **предмета**, самой предметной области, подлежащей изучению, а именно, в обнаружении и раскрытии того смысла, в котором только и правомерно говорить о феномене собственно китайской логики. Как раз благодаря подобной постановке вопроса о своеобразии китайской логики⁴ мое исследование открывает новую — до настоящего времени еще не освоенную — предметную область. В результате ее проработки методами современной символической логики происходит понятийное освоение этой новой области и тем самым впервые удается сделать ее достоянием науки.

Только **после** этой предварительной — логико-философской по преимуществу — работы и **на ее основе** можно переходить к полноценной историографической систематизации, чья цель — максимально возможный охват фактического материала (периодизация, персоналии, школы и т. п.).

2. История вопроса

В согласии с заключительным пассажем предыдущего параграфа, констатирующим неизбежную ущербность любого нарратива, не предваренного концептуальным постижением существа той предметной области, о которой он повествует, предлагаемый историографический обзор не претендует на сколь-нибудь **подробное** (тем более **полное**) освещение более чем векового и достаточно стремительного развития китайских историко-логических исследований.

Моя задача гораздо скромнее и сводится к тому, чтобы попытаться наметить основные вехи истории самоопределения китайской (а впоследствии и западной) мысли в отношении сколь грандиозного, столь и отличного от привычных античных

образцов самобытного явления, каким видится мне китайское логическо-методологическое наследие. Вполне очевидно, что коллизии, сопряженные с этим подчас мучительным процессом самосознания китайской цивилизацией⁵ своих логических оснований, во многом обусловлены этапностью неуклонно прогрессирующего усовершенствования понятийных средств, привлекаемых китайскими и некитайскими учеными для экспликации сущностных черт китайской логической мысли⁶.

Главными узлами, завязанными историей самоосмысления китайской логической мысли, являются, **во-первых**, самый ранний этап — можно сказать, предыстория китайских историко-логических разысканий, положившая начало самоопределению китайской логико-методологической мысли — олицетворяемая титанической фигурой крупнейшего переводчика новоевропейской научной литературы *Янь Фу* (1854—1921). **Во-вторых**, неожиданное обнаружение логического измерения у поначалу выглядевших весьма неудобовразумительными позднегомоистских писаний пробудило необычайный интерес к этим почти полностью забытым текстам, а впоследствии породило примечательный раскол в китайских логико-методологических исследованиях, когда «логикой» титуловались лишь моистские логико-методологические разработки и софистические апории, а способ мышления, восходящий к *И цзину* (и потому часто именуемый «учением об образах и числах»), оказывался не более, чем «стилем мышления». Наконец, **третьим** узловым пунктом процесса осмысления истории китайской логики следует считать выход в свет эпохальной монографии *Ху Ши* «Развитие логического метода в древнем Китае» (1922), давший старт систематическому изучению истории китайской логики и тем самым ознаменовавший переход от предыстории к собственно историко-логическим разысканиям.

Без каких-либо притязаний на «развязывание» перечисленных выше узлов ограничусь кратким очерком этих важнейших **этапов** развития китайской историко-логической мысли (а также особенностей восприятия китайской логики за пределами Китая), за которым последует еще более лаконичный **критиче-**

ский анализ как представленных взглядов, так и нынешней ситуации с китайской логикой.

Предысторию изучения китайской логики (в стандартном современном смысле слова «логика» — т. е. в горизонте европейской логики⁷) следует отсчитывать с первых шагов проникновения в Китай традиционной **западной** логики (ядром которой, как известно, является схоластическая версия аристотелевской силлогистики). Результатом этого проникновения стали переводы на классический китайский язык европейских работ по логике, когда сам выбор китайского эквивалента того или иного западного понятия (логика, дедукция и т. п.) — поскольку о фонетическом транскрибировании речь, как правило, не шла — требовал обнаружения китайских аналогов соответствующих логических понятий. Таким образом, имела место, с одной стороны, идентификация исконно китайских слов именно как логических терминов, а с другой — пробные попытки тематизации логической проблематики.

Как известно, достижения западной логической науки впервые пришли в Китай в конце правления династии *Мин* — начале династии *Цин* (XVI—XVII вв.) вместе с миссионерами-иезуитами. Тогда же возникла проблема перевода соответствующих текстов на китайский язык. Ряд самых ранних переводческих работ по европейской логике открывает появление в 30-х годах 17-го столетия перевода «Лекций по логике» португальца Педру да Фонсека (1528—1599), осуществленный *Ли Чжицзао* (1569—1630) и о. Ф. Фуртардо (1587—1653). Эти «Лекции» были составлены на основе канонического комментария Порфирия «Введение к категориям Аристотеля». Китайским названием перевода стало вполне привычное для китайского глаза сочетание — «*Минли тань*» (Исследование имен и принципов).

В отличие от позднейшей успешной презентации логических достижений Запада, осуществленной *Янь Фу*, «*Минли тань*» не нашло никакого заметного отклика как среди китайских ученых того времени, так и у последующих поколений китайской интеллигенции. Все же оно представляет определенный интерес, особенно в плане становления логической терминологии. В «*Минли тань*» много важных терминологических находок. Но наиболее

значимым терминологическим решением, заявленным данной работой, явилась идентификация нового для Китая понятия «логика» как проблематики, концентрирующейся вокруг процедуры **именования** (*мин*), что в свое время было отмечено *Янь Фу* и что уже с самого начала в известной мере предопределило связь нового понятия (а тем самым — и всего ассоциированного с ней проблемного поля) с *И цзином* («Канон перемен»).

Дело в том, что ко времени появления иероглифа *мин* (имя, именование) в составе «*Минли тань*» осмысление круга вопросов, связанных с упомянутой выше центральной семантической операцией, насчитывало долгую и славную историю в китайской интеллектуальной традиции⁸. Прежде всего — в контексте конфуцианского учения об «выправлении имен» (*чжэн мин*), которое представляло собой исходный пункт доциньских обсуждений проблемы референции (вопроса взаимоотношений *мин ши*) и которое напрямую апеллировало к идеологии *И цзина*. Тут достаточно вспомнить хотя бы «*Туаньчжуань*» к гексаграмме № 37 Домашние, гласящий: «[Когда] отец [предстает настоящим] отцом, сын — [настоящим] сыном, старший брат — [настоящим] старшим братом, младший брат — [настоящим] младшим братом, супруг — [настоящим] супругом, супруга — [настоящей] супругой, тогда путь семьи правилен. Когда семья будет выправлена, тогда Поднебесная пребудет в мире и утверждении» [*Чжоу И*, с. 50].

Положение с восприятием переводов западных работ по логике кардинально изменилось, когда — приблизительно с конца позапрошлого века (с так называемых опиумных войн) — проблема научно-технического отставания Китая от развитых стран Запада (прежде всего — в военной сфере) очень остро стала перед китайским обществом. В ходе длительных и безуспешных попыток модернизации, осуществляемой китайской интеллектуальной элитой, предполагаемое отсутствие формальной логики (наряду с отсутствием математизированного естествознания) в конце концов было признано китайской интеллигенцией в качестве главных дефектов интеллектуального развития Китая⁹, ответственных за тяжелое политическое положение, в котором оказалась страна.

Такой (очевидно, завышенной) оценке роли логики в нововременной научно-технической революции немало поспособствовала просветительская и переводческая активность (влиятельнейшего пропагандиста западных идей и признанного эксперта по «иностранным делам») *Янь Фу*¹⁰, ознаменовавшаяся появлением новых переводов западной научной классики (в том числе логических работ В.С. Дживонса и Д.С. Милля) и созданием им в 1900 г. «Общества [по изучению] логики» (*Минсюэ хуэй*)¹¹.

Неудивительно, что *Янь Фу*, выделявшийся из остальных — современных ему интерпретаторов западных концептуальных заимствований — исключительной чуткостью к глубинным созвучиям между импортированными с Запада концепциями и исконно китайскими смыслами, специально подчеркивал предпочтительность идентификации западной логики как явления, родственного китайскому учению об именах (*минсюэ*). Он решительно отменил конкурирующий в его время с *минсюэ* на роль китайского эквивалента термина «логика» термин «*бяньсюэ*» (диалектика). Ведь последний, по мнению *Янь Фу*, не способен передать все смысловое богатство заимствованного понятия. Он полагал, что в «китайском языке только содержание иероглифа “*мин*” (имя) приблизительно сопоставимо по разработанности и богатству нюансов с [содержанием] слова “логос”». Термин же «диалектика», по его мнению, ограничивается указанием лишь на один из аспектов концепции «выправления имен»¹².

Эта позиция крупнейшего эксперта своего времени по китайско-западному интеллектуальному диалогу имела серьезнейшие историографические последствия. Ведь *Янь Фу* **первым** в Китае четко и недвусмысленно связал самоновейшую логическую проблематику с *И цзином*. Иначе говоря, именно с его «поддачи» проблема китайской логики предстала как проблема *логического прочтения* важнейшего канонического текста старого Китая, иначе говоря, как логика *И цзина*.

Замечательное прозрение великого переводчика впоследствии получило поддержку и продолжение в работах знаменитого ученого, представителя нового, вестернизированного поколения китайской интеллигенции *Ху Ши*. Его во многом спорная монография «Развитие логического метода в древнем Китае»

(1922) обозначила рубеж между **предысторией** изучения китайской логики и собственно историей подобных разысканий. Настаивая на существовании «конфуцианской логики», *Ху Ши* зафиксировал решающее значение *И цзина* в этой логике. Китайская логика, по его мнению, началась именно с Конфуция, которому китайская традиция приписывала значительную часть текстов, входящих в этот памятник¹³.

В то время как влиятельнейший пропагандист западных идей контекстуализировал «учение об именах» (имея при этом в виду западную логику) посредством стандартной конфуцианской идеологии «исправления имен», в китайском общественном сознании постепенно наметилась совершенно иная линия восприятия европейской логики (и одновременно осмысления собственного логического наследия!). Начало этого историографического сдвига отмечено работами *Ху Ши* (в его уже упоминавшейся книге утверждалось наличие в древнем Китае наряду с **конфуцианской** еще и **моистской** логики), но особенно большую роль тут сыграли историко-логические публикации знаменитого лидера реформаторского движения *Лян Цичао* (1873—1929)¹⁴.

В качестве кандидата на роль китайского «Органона» *Лян Цичао* выдвинул новооткрытые тексты поздних *моистов*, представляющие достаточно рано (**полностью** уже к VII в. н. э.¹⁵) забытую *позднемоистскую* логико-методологическую рефлексия, чей удельный вес в китайской интеллектуальной традиции (в отличие от конфуцианства) весьма незначителен¹⁶.

Важной источниковедческой предпосылкой данного историографического поворота явилось возрождение в конце *цинской* эпохи интереса к *моистскому* идейному наследию, результатом которого стала реконструкция и введение в научный оборот почти уже утерянных и, во всяком случае, малопонятных текстов. Над восстановлением корпуса *моистских* текстов трудилось несколько поколений китайских ученых-текстологов. Один из них — *Сунь Ижан* (1848—1908) — обобщил достижения предшественников в книге «“*Мо-цзы*” в вольном толковании» (*Моцзы сяньгу*), увидевшей свет в 1894 г.¹⁷

Очень естественно, что, осмысляя факт открытия *моистского* идейного наследия, китайский ученый решается на смелые культурологические обобщения. Он легко сближает *позднемоистские* логико-методологические учения с европейской и индийской системами логики (уподобляя их «аристотелевской дедукции, бэконовской индукции и буддийскому учению *иньминь*»). Так что, строго говоря, тенденция к представлению логико-методологической составляющей *моистского* наследия в качестве китайского аналога европейской и индийской логик обозначилась уже у *Сунь Ижана*.

Эстафету пропаганды *моизма* как подлинного средоточия китайской логики с большим энтузиазмом принимает *Лян Ци-чао*. Будучи поначалу настроен весьма критично по отношению к завоеваниям китайской логической мысли (включая *моистские* логико-методологические изыскания), он впоследствии, увидев в *моизме* долгожданный китайский «ответ» западному логико-методологическому вызову, радикально поменял свою оценку: «По-видимому, *моистский* канон является одним из древнейших трудов по логике. Созданная Аристотелем европейская логика позднее *моистской*, вероятно, лет на сто»¹⁸.

Завораживало как будто стопроцентное «попадание» феномена *моизма* в западные историко-философские стереотипы, с некоторых пор исповедуемые прогрессивными китайскими интеллектуалами. Архитектоника *моистского* логического учения, как полагал *Лян Ци-чао* (а вслед за ним и последующие исследователи *моистской* логики), прекрасно укладывается в школьную схему традиционной логики. По его словам, «функции мышления имеют три следующие формы: во-первых, понятие; во-вторых, суждение; в-третьих, вывод. [Тематика] главы «Малый выбор» как раз соответствует этой [рубрикации]»¹⁹.

Вдобавок, как мотивационная подоплека отличающего поздний *моизм* углубления в, вообще говоря, не очень характерную для китайской мысли методологическую рефлексию (что стало ответом на интеллектуальные эксперименты софистов!), так и весь историко-культурный контекст (политическая раздробленность Китая периода «Сражающихся царств» и философские словопрения — расцвет искусства *бянь*) как нельзя луч-

ше отвечали шаблонным представлениям о возможных причинах и условиях возникновения логики, где бы то ни было.

Политически мотивированный²⁰ интерес к своему логико-методологическому наследию наконец-то поставил вопрос своеобразия китайской логики на повестку дня. В результате на рубеже позапрошлого и прошлого столетий проблема логико-методологических достижений *ханьской* цивилизации зазвучала во весь голос. Постепенно эта проблема стала ведущей темой историко-философской мысли Китая нового времени, и дискуссии по ней продолжают восторгать уже более столетия.

Перенос интереса с далекого от понятности *И цзина*, наполненного туманными афоризмами (где, как казалось западным ученым 1920-х годов, при наличии сильного желания и некоторой изобретательности можно было обнаружить чуть ли не любое из открытий новоевропейской науки), на *моистов* сопровождался переломом в исследованиях древнекитайской логики (особенно с середины прошлого века)²¹.

В Европе китайские исследования *моизма* получили блестящее продолжение в работах А.Ч. Грэма (1919—1991), много и плодотворно занимавшегося логико-методологическими аспектами древнекитайской культуры. Его монументальная монография «Логика, этика и естествознание поздних *моистов*»²² стала крупнейшим вкладом западной синологии в изучение *моистского* наследия.

Моизм, по авторитетному мнению Грэма, представляет собой наиболее рационализированную систему, которую смог создать древний Китай²³. «Систематическая аргументация в китайской философии началась со школы *моистов*, основанной в V в. до РХ первым антиконфуцианским мыслителем, *Моцзы* (468—376 до РХ)»²⁴. Вообще, «почти все, что выжило из китайской логики и кое-что самого интересного из естественно-научных знаний древнего Китая, содержится в шести главах *Моцзы*»²⁵.

В итоге область поисков китайской логики надолго переместилось с *И цзина* и связанной с ним философской и научной традиции на так называемую «протологику» (по оценке А.Ч. Грэма) — логико-методологическое наследие софистов и поздних *моистов*. Тексты поздних *моистов* в конце концов утвердились в

качестве наиболее предпочтительного кандидата на роль китайского «Органона»²⁶. Тем самым выдвижение *моизма* в качестве преимущественного претендента на титул самобытной китайской логики, надолго (до 80-х годов XX века) отодвинула на задний план изучение логики *И цзина*²⁷.

Поначалу изучение *моистских* логических построений шло исключительно с прицелом на **традиционную** теорию дедукции (я оставляю в стороне постоянные отсылки в работах ранних исследователей *моизма* к буддийской логике), т. е. в русле поисков у *моистов* **силлогистического** вывода²⁸. Первым попытался найти *моистские* силлогистические рассуждения *Чжан Бинлинь*, который в 1909 г. выступил с утверждением о наличии у *моистов* доктрины силлогизма²⁹. Позднее *Лян Цичао* присоединился к нему в этом сближении *моистских* рассуждений с центральной дедуктивной схемой традиционной логики.

Главным претендентом на роль *моистского* аналога силлогистической дедукции у двух упомянутых выше авторов (а вслед за ними и других исследователей) стало *моистское* осмысление основополагающей для китайской логико-методологической мысли концепции «сообразия [с образцом]», терминологизированной *моистами* в главе «Выбор малого» посредством иероглифа «сообразие» (*сяо*).

Речь идет о таком базовом критерии **правильности** употребления термов («имен») как сопоставление претендента на данное именованье с неким **эталонном**, служащим мерилом соответствия любого такого претендента, взыскуемому им имени. В роли такого эталона выступает **образец** (*фа*), «образцовость» которого состоит в том, что он тем или иным образом **задает** искомую предметность³⁰. «Сообразие [с образцом] есть взятие чего-то за образец. То, с чем сообразуются, есть то, что берется за образец. Поэтому если нечто сообразно [с образцом], то оно является этим³¹, а если не сообразно [с образцом] — то нет. Таково «сообразие [с образцом]» (*Сяочжэ вэй чжи фа и. Сосяочже соувэй чжи фа е. Гу чжунсяо цзэ ши е, бу чжунсяо цзэ фэй е. Цы сяо е.*)³².

Так, например, «чиновник, ведающий производством колес, берясь за свой циркуль, чтобы решить вопрос о круглости/не-

круглости [того, с чем ему приходится сталкиваться] в Поднебесной, говорит: соответствующее моему циркулю, назову “круглым”, не соответствующее — назову “некруглым”. Таким образом, и круглое, и некруглое могут быть уловлены и распознаны. Какова же причина этому? [Дело в том, что] четок образец (*фа*) круглости.

Аналогично ремесленник, берясь за свой угольник для того чтобы решить вопрос о прямоугольности/непрямоугольности [того, с чем ему приходится сталкиваться] в Поднебесной, говорит: соответствующее моему угольнику, назову “прямоугольным”, не соответствующее — назову “непрямоугольным”. Таким образом, и прямоугольное, и непрямоугольное могут быть уловлены и распознаны. Какова же причина тому? [Дело в том, что] четок образец прямоугольности³³.

Это-то самое «сообразие [с образцом]» и было с самого начала единодушно сочтено первыми исследователями *моизма* (такими, как *Чжан Бинлинь*, *Лян Цичао* и *Ху Ши*) описанием дедуктивного вывода. Разногласия возникли лишь по поводу того, какой именно тип дедукции здесь представлен: *Чжан Бинлинь*, *Лян Цичао* и некоторые другие исследователи, ничтоже сумняшеся, усматривали в концепции «воспроизведения» китайскую версию **силлогистического** вывода. Однако более искушенный в логико-методологических материях *Ху Ши* был осторожнее в этом пункте, протестуя против прямого отождествления *моистского* «сообразия» с силлогистической дедукцией традиционной логики и настаивая на значительном своеобразии логического вывода, зафиксированного данным термином³⁴.

Вскоре позиция *Ху Ши* в отношении *моистской* дедукции была подвергнута уничтожающей критике выдающимся французским синологом А. Масперо (1883—1945), упрекавшим своего китайского коллегу в тенденциозном искажении смысла *сяо*, основанном на серьезных филологических упущениях (очевидных «натяжках») ³⁵.

Несмотря на достаточно очевидную безуспешность попыток отыскать у *моистов* теорию силлогистической дедукции³⁶, они повторялись и позднее³⁷. Даже в современных работах, посвященных исследованию *моистского* логико-методологического

наследия, иногда присутствуют уверения в существовании некой мнимой близости между *моистской* триадой «основания-принцип-род» (*гу, ли, лэй*) и трехчастностью силлогизма³⁸.

Первым, кто, оставив безнадежные поиски силлогистики в китайской интеллектуальной традиции, обратился к элементарным разделам **современной** символической логики в своих реконструкциях китайской аргументации был, по-видимому, Я. Хмелевский — выдающийся польский исследователь древнекитайской логики³⁹.

Однако уже ученику Я. Хмелевского — К. Харбсмайеру — в его не так давно увидевшей свет первой части седьмого тома знаменитой серии «Наука и цивилизация в Китае»⁴⁰, т. е. в специально посвященном языку и логике томе, не удалось удержать (не говоря о том, чтобы продолжить) конструктивную линию своего учителя, и он по существу скатился на давно проторенный путь отрицания существования самобытной китайской логической традиции.

Благодаря возобладавшей тенденции на закрепление статуса китайской логики (со всевозможными оговорками) лишь за *моизмом* и софистами (часто объединяемых общим наименованием *минсюе*) *И цзин* вообще выпал из сферы историко-логического разысканий. В результате сложилась курьезная ситуация с, так сказать, «жанровым» разделением одной и той же проблематики (логико-методологическое своеобразие китайской мысли) на, с одной стороны, исследования по истории китайской **логики** (специфицированные в согласии с импортированными с Запада и плохо понятыми критериями логичности), а с другой — на изучение собственно своеобразие китайского стиля мышления (*сывэй моши* — *mode of thinking*), представленного преимущественно в *И цзине*⁴¹. Это историографическое недоразумение началось с выдвигания логико-методологических концепций поздних моистов на роль китайского аналога европейской **традиционной** логики, в котором (как уже говорилось выше) решающую роль сыграли просветительские усилия *Лян Цичао*. К счастью, в последнее время в китайской историографии вместе с растущим пониманием центральной роли *И цзина* в китайской логико-методологической традиции⁴² наметилось осознание ненормаль-

ности подобного разделения, что сулит благополучное разрешение затянувшегося недоразумения⁴³.

Знаменательно, что объединительным моментом — «точкой пересечения» — логики *И цзина* и *моистской* логики стала идеология «продвижения рода» (*туйлэй*), восходящая к уже известной нам концепции «сообразия с образцом».

Как видим, проблема китайской логики с самого начала приобрела для китайского национального самосознания далеко не только академическое значение⁴⁴. Это обстоятельство имело двойные последствия — с одной стороны, обеспечивало концентрацию внимания научной общественности Китая на исследовании и обсуждении данной проблематики, но с другой — в силу очевидной идеологической ангажированности исследователей и жесткой предзаданности их исследовательских целей (надо было спешно объяснять причины интеллектуального отставания!) — привнесло в исследования, вообще говоря, весьма отвлеченных сюжетов далекие от научной объективности моменты суетливой конъюнктурности и навязчивой предвзятости.

Так, при чтении, казалось бы, историко-логического по жанру работ *Лян Цичао*, относящихся к *моизму*⁴⁵, возникает стойкое ощущение, что он и здесь занят не столько исследовательской, сколько, по своему обыкновению, просветительской работой. Обсуждение *моистских* писаний зачастую оказывается для него не более, чем предлогом для популяризации западной традиционной логики (достаточно сказать, что в упомянутых выше работах он намного больше внимания уделяет представлению **западной** логики, чем собственно *моизму*)⁴⁶. Поэтому нет ничего удивительного, что, затронув ключевую для китайской логики тему «собразования [с образцом]», *Лян* поспешил проинтерпретировать ее в терминах традиционной силлогистики. Тем самым совершенно упустив из вида всю своеобычность данной логической концепции. Более того, он как будто не почувствовал ее общекитайского масштаба. На оба эти момента впервые обратил внимание *Ху Ши*.

Памятуя, что политическая ангажированность, подчас усугубляемая (в случае *Лян Цичао* работавшего в режиме сиюми-

нутно реагируя на все «животрепещущие» события современности) журналистской поверхностностью, отнюдь не благоприятствует научной объективности, следует с большой осторожностью относиться к проводимым им историко-культурным параллелям. В частности, не выдерживает критики само исходное допущение о наличии в *моистских* методологических построениях той — сопоставимой с традиционной европейской логикой — **формальнологической** компоненты, которая, собственно говоря, и позволила бы говорить о «*моистской* логике» в строгом смысле слова «логика». Впрочем, при всей своей убежденности в общей **формальнологической** природе *моистской* «логики», аристотелевской силлогистики и буддийской логики, *Лян Цичао* похоже отдавал себе отчет в огромной разнице по уровню строгости между силлогистической дедукцией и *моистским* типом вывода.

Итак, столь обнадеживающее поначалу сходство оказалось существенно неполным — недоставало такой важнейшей компоненты, как **формальность**. Иначе говоря, существенным изъяном *моистской* рефлексии, подававшейся *Лян Цичао* и другими энтузиастами *моизма* в качестве вершинного достижения китайской логической мысли, было отсутствие хотя бы намеков на формализацию. Вот почему она никак не могла квалифицироваться как китайская версия **формальной** логики.

Ху Ши продолжил и конкретизировал логическую реконструкцию *И цзина*, впервые опробованную *Янь Фу*. Он — в отличие от *Лян Цичао* — не только почувствовал своеобычность логической природы *моистского* «сообразования [с образцом]» (*сяо*), но и осознал его подлинный масштаб, попытавшись отследить многообразные версии этого способа рассуждений во всем массиве китайской логико-методологической мысли. Он же выявил ее исток — основополагающую, как для *И цзина*, так и для всей китайской культуры концепцию **образцового образа** (*фасян*)⁴⁷. Тем самым, *Ху Ши* фактически вплотную подошел к экспликации логического измерения «Канона Перемен» и связанной с ним интеллектуальной традиции.

К сожалению, еще очень молодой в пору написания своего «Развития логического метода» китайский ученый опрометчиво

поторопился с идентификацией *сяо* как дедукции, тем самым подставив себя под удар заслуженной критики со стороны маститого французского сиолога. Соглашаясь с Г. Масперо, раскритиковавшим тезис *Ху Ши* насчет **дедуктивности** *сяо*⁴⁸, тем не менее, нельзя не отметить, что хотя *сяо* само по себе и не является логическим **выводом**, однако оно теснейшим образом с ним связано, обуславливая достаточную **предпосылку** такого вывода. Ведь с его помощью формируется такая последовательность предметов — сообразных с исходным образцом⁴⁹ — относительно которых становится возможным **дедуктивное** рассуждение⁵⁰ (согласно методу так называемой совершенной или математической индукции).

Краеугольная для китайской логической мысли концепция «сообразования [с образцом]» и его исходная версия образности/образцовости (центрируемая термином образа-образца), раскрытые в новаторской работе *Ху Ши* «Развитие логического метода в древнем Китае», остались непонятыми и непринятыми западным синологическим (не говоря уже о логическом!) сообществом.

Поэтому в историко-логическом плане судьба этой книги сложилась можно сказать трагически: несмотря на то, что в ней провидческая догадка *Янь Фу* относительно существования в древнем Китае развитой теории и практики дедуктивных рассуждений и — главное — относительно локализация этой теории в *И цзине*, фактически получила замечательное подтверждение и блестящее развитие, **это** достижение не только не было по достоинству оценено современниками, но — хуже того — **в принципе** не могло быть ими правильно воспринято. Ведь соответствующих логико-математических понятий (**алгоритма** как точного понятия, понятий **конструктивного** процесса, **конструктивного** объекта и т. п.) к моменту выхода работы в свет (1922 г.) просто еще не существовало⁵¹.

Замечательные историко-логические достижения *Ху Ши* много опередили свое время, в результате чего, по независящим от него причинам, открытый им значительный фрагмент китайской логики (центральная для китайской версии дедукции концепция **рассуждений по образцу**) не мог быть проартикулирован в логически приемлемой форме — соответственно не мог быть

адекватно воспринят научным сообществом 20—30-х годов прошлого века.

Однако революция, произошедшая в логике за минувшее столетие и кардинально преобразившая само понимание слова «логика», ныне требует от нас серьезнейшего пересмотра прежних оценок всей историографии обсуждаемой проблемы, в частности, историко-логических достижений *Янь Фу* и *Ху Ши*. Для этого, прежде всего, необходимо внести существенные уточнения относительно значения ключевого (звучащего сейчас несколько старомодно) словосочетания «формальная логика», поскольку слишком часто при этом имелась в виду традиционная формальная логика, т. е., грубо говоря, аристотелево-схоластическая силлогистика.

Но и отказ от традиционной логики в пользу пришедшей ей на смену современной (т. е. символической) логики в ее **классическом** виде не решает проблемы. Для схватывания китайской специфики (соответственно — **адекватной** оценки творчества двух упомянутых выше первопроходцев) потребовалась **неклассичность**: переход от дескриптивности классики к индуктивно-рекурсивной процедурности **конструктивистского** подхода.

С учетом отмеченной выше эволюции (в сторону расширения) понятия **логического** следует признать, что основной тезис *Янь Фу* и *Ху Ши*, настаивавших на существовании логики в китайской древности и возводивших ее к *И цзину*, (с известными оговорками), несомненно, справедлив. Но путь к признанию этой справедливости оказался длинной почти в столетие.

В итоге исследования *И цзина* в качестве первоисточника оригинальной китайской логической теории надолго зашли в тупик⁵². На почве, с одной стороны, непонимания смысла научного прорыва, совершенного *Ху Ши*, а с другой — последующих заведомо бесперспективных попыток отождествления системы 64-х гексаграмм ($64 = 2^6$) с 64 в принципе возможными модусами силлогизма ($4^3 = 64$), основанных лишь на поверхностных числовых аналогиях⁵³, у многих профессиональных исследователей истории китайской философской мысли, особенно западных, сложилась устойчивая идиосинкразия к любым попыткам

привлечения *И цзина* в качестве предмета историко-логического исследования⁵⁴.

Поэтому, к сожалению, нет ничего удивительного в том, что даже столь позитивно мыслящий историк китайской логики, как Я. Хмелевский, оказался в плену предрассудка о логической бессодержательности *И цзина* и напрочь проигнорировал его в своих историко-логических штудиях, что, кстати, существенно их обеднило и, возможно, роковым образом сказалось на их убедительности.

В современной **западной** синологии древнекитайская аргументация квалифицируется обычно как рассуждения по аналогии. Наиболее полно рассуждения подобного типа обнаруживаются в так называемых «космологических» построениях *ханьской* эпохи. В связи с этим один из ведущих современных исследователей китайской логики, крупнейший специалист по текстам поздних *моистов* А.Ч. Грэм вместе с другим известным западным исследователем китайской философии Ч. Хансеном, говорит об идейной борьбе между **собственно** философией и так называемой «спекулятивной космологией» в китайской философской традиции. В результате у них выстраивается следующая оппозиция: современной науке, «аналитическому» мышлению, каузальному объяснению и, наконец, **логике** в Европе противостоят протонаука, «коррелятивное мышление» и рассуждения по аналогии в Китае. Поэтому А.Ч. Грэм предпочитает говорить не столько о логике в китайской традиции, сколько о такой ее бледной тени, как рациональность.

Оценивая изложенную выше точку зрения А. Грэма на ситуацию с логикой в древнем Китае, нужно заметить, что он совершенно неверно контекстуализирует логику, помещая ее в свое, вообще говоря, весьма поверхностное противопоставление научного и ненаучного. Грубо смешивая логику и научный метод, научное объяснение, он тем самым, подменяет проблематику истории **логики** вопросами становления **методологии экспериментального естествознания** по образцу европейской науки Нового времени⁵⁵.

Сходным образом Ч. Хансен понимает логику не в обычном смысле данного понятия, а в том новом значении, которое при-

дано этому слову в контексте так называемой «лингвистической философии», что подразумевает главным образом критику и прояснение языка. Если говорить о **смысле** квалификации китайской аргументации как рассуждений по аналогии, то такой подход равнозначен капитуляции, поскольку представляет собой попытку рационализации логики древнекитайских теоретических построений с помощью обращения к тому, что в лучшем случае может быть названо заведомо **ущербной** разновидностью логики. Ведь рассуждение по аналогии не имеет характера необходимости — это не более, чем правдоподобное рассуждение.

Казавшийся многообещающим методологический подход Хмелевского был подвергнут справедливой критике Хансеном и не нашел своего продолжения в объемистом труде его ученика и преемника Харбсмайера⁵⁶. Последний вдобавок явно **переоценил** зависимость логики от **языка**, при этом совершенно упустив из вида роль **математики** как подлинной **основы** эксплуатируемых китайцами формальнологических структур.

В связи с этим очень симптоматичны (демонстрируя всю степень непонимания проблемы) утверждения Харбсмайера о мнимом отсутствии интереса у китайских философов к применениям математики в гуманитарной сфере (в частности, в филологическом дискурсе). И это при том, что пресловутое «коррелятивное мышление», по мнению многих китаеведов отличающее китайскую мысль и часто противопоставляемое логическому (или аналитическому) мышлению, как раз таки целиком основано на массивном перенесении числовых алгоритмов в социокультурную область.

В нашей стране исследования строения древнекитайских текстов В.С. Спирина⁵⁷ открыли новую перспективу для изучения китайского логического наследия. Но вскоре — возможно в качестве неадекватной реакции на неординарные спириновские подходы и его новаторское начинание в целом — с новой силой возобладало привычное российское эпигонство. Отвергнутая было В.С. Спириным догма об отсутствии китайской логики не только благополучно возродилась, но хуже того — болезненно обострилась до бессмысленного взаимопротивопоставления китайской «нумерологии» и «европейской формальной логики» (с

равным успехом можно было бы противопоставлять друг другу килограммы и километры).⁵⁸

Подводя итоги историографического обзора, можно констатировать, что до сих пор господствует точка зрения об **отсутствии** сколько-нибудь развитой самобытной китайской логики. Однако при всей подкупающей безыскусности этого взгляда на далеко не простую проблему он все же не свободен от определенной двусмысленности. Симптомом этой базовой непроясненности историко-логической ситуации с наличием/отсутствием в Китае полноценной логической традиции служит ясно ощущаемая в китайской историко-логической литературе неудовлетворенность *моистским* наследием (позиционируемым в качестве главного завоевания китайской логической мысли)⁵⁹.

Действительно, хотя современные китайские историки, философы и методологи настаивают на существовании «3-х несхожих между собой логических традиций» (китайской, индийской и греческой), однако это ничуть не мешает им печалиться о некой логической ущербности Китая, якобы не создавшего **формализма**, сопоставимого по строгости с аристотелевской системой силлогистики⁶⁰. Иначе говоря, с одной стороны, декларируется, что историю мировой логики образуют **три** традиции — западноевропейская, индийская и китайская. С другой же стороны, утверждается, что логика древнего Китая так и не оформилась в какие-либо целостные системы. Получается, что, в конечном счете, мы все же остаемся лишь при **двух** первичных центрах зарождения логики — Греции и Индии, влияние которых в ходе времени расходилось в различных направлениях на чужие территории (обе логики в последующем далеко перешагнули границы своих исходных регионов)⁶¹.

Принято считать, что китайская философия носит преимущественно практически-ориентированный, политически-утилитарный характер и что китайских мыслителей больше всего занимали вопросы управления обществом, отношения между различными социальными группами и т. п., а вовсе не отвлеченное, житейски незаинтересованное любознательное в стиле натурфилософов античности. Отсюда легко выводится категоричное суждение об отсутствии интереса к проблемам обоснования

рассуждений, теории доказательств, вообще к проблематике рациональной аргументации⁶².

Иногда в качестве дополнительной причины якобы имевшей место в Китае неразработанности вопросов логики добавляют так сказать «лингвистический фактор» — утверждение о тормозящем воздействии иероглифического письма на выработку абстрактных категорий и философско-логической терминологии. Хотя подобные живучие историко-философские предубеждения и популярные стереотипы следует признать грубыми упрощениями, не позволяющими удовлетворительно объяснить целый ряд важных аспектов китайской культуры, в частности, замечательные естественно-**научные** достижения древнего Китая, но основное препятствие все же не в этих историко-философских огрублениях. По моему убеждению, причины неудач многочисленных попыток обнаружения древнекитайской логики нужно искать, прежде всего, в неадекватности тех **устаревших** концепций логики, которыми до сих пор руководствовались исследователи в своих поисках рациональной основы китайской цивилизации.

3. Препятствия на пути обнаружения китайской логики

Итак, чем же объяснить удивительную слепоту к феномену китайской логики? Здесь можно выделить две основные причины. Во-первых, **объективную** — специфику самого китайского материала, обусловленную особенностями китайской письменности, которая серьезно осложняет его изучение. Во-вторых, **субъективную** — наличие целого ряда устойчивых предубеждений, препятствующих правильной постановке проблемы китайской логики и тем самым диктующих ложное направление ее поисков.

Специфика китайского материала состоит в исключительной трудности понимания источников. Дело в том, что среди употребляемых ныне систем письма китайское письмо является наиболее древним — оно сохраняется без существенных изменений вот уже почти 4 тысяч лет, с тех времен, когда на Ближ-

нем Востоке процветали клинопись и египетские иероглифы, и еще не было и речи о буквенном письме. Тем самым, в современность вклинивается в высшей степени архаическая система письменности. В обсуждаемом мной сейчас китайском письме нет ни букв, ни алфавита, как в большинстве современных письменностей: каждый знак обозначает целое слово, как и при зарождении древних письменностей Передней Азии.

Сами тексты представляют собой реликты глубокой древности, доступные в своем оригинальном виде только немногим специалистам и совершенно непонятные не только не китайцам, но и абсолютному большинству современных представителей китайской культуры. Поэтому неудивительно, что подавляющее число западных (и российских) авторов, пишущих о древнекитайской философии вообще и о древнекитайской логике в частности, не имеют прямого доступа к соответствующим китайским оригиналам, тем более — к разъясняющей их обширной китайской **комментаторской традиции** (в **лучшем** случае довольствуясь материалом лишь из вторых рук).

Наконец, установка исключительно на **имманентную** интерпретацию первоисточников при всей своей неоспоримой правильности в данном случае служит худую службу, неправомерно **зауживая** поле зрения исследователя жестко предзаданными проблемами, считающимися в историко-философской науке (насколько основательно — это сейчас не так важно) злободневными и животрепещущими вопросами периода создания этих текстов. Разумеется, я не призываю к модернизаторскому вчитыванию в старые тексты современных проблем, к навязыванию мыслителям древности новейших достижений научной мысли. Я всего лишь настаиваю на том, что прочтение этих текстов в свете **современных** научных знаний (в частности, с точки зрения **современной**, а не архаичной — традиционной — логики) есть непременное условие их адекватного понимания.

В числе предубеждений, мешающих обнаружению китайской логики, в первую очередь нужно назвать вполне догматическое убеждение многих историков логики в производности логики от **риторики**⁶³. Вопреки этому расхожему мнению, результаты проведенного в предлагаемой работе анализа свидетельствуют, что

в Древнем Китае истоки логики следует возводить отнюдь не к публичному (в принципе общедоступному) искусству убеждения⁶⁴, а к совершенно иной сфере человеческой деятельности — к эзотерической практике сcribes-гадателей⁶⁵. Этот факт чрезвычайно важен для понимания существа китайской логики. Поскольку техническим обеспечением китайской мантической практики являлись достаточно сложные вычислительные процедуры, постольку исходным фундаментом, на котором строилась китайская логика, были числовые алгоритмические процедуры⁶⁶ и эксплуатация теоретико-числовых свойств, что в значительной мере (наряду с лингвистическим фактором) предопределило ее **математизированный** характер⁶⁷.

Другим популярным заблуждением, блокирующим восприятие китайской логики, является ложно понятое требование теоретической рефлексии, подменяющее ее **критическим анализом**⁶⁸. Логика, согласно этому превратному пониманию, состоит не в том, чтобы формулировать правила и умозаключать по правилам, а в том, чтобы эти правила умозаключений подвергать критическому анализу⁶⁹. Предполагается, что самих по себе правил рассуждения и приемов формирования понятий (коль скоро эти правила и приемы изложены **догматически** без какого бы то ни было критического их обсуждения) будто бы недостаточно — непременно требуются еще и их критика и анализ. Ясно, что здесь имеет место очевидное смешение собственно логики с проблемой ее **обоснования** — оправдания одних систем правил, признаваемых корректными, и выбраковки других, признаваемых некорректными. Но ведь вопросы логики и вопросы **философии** логики — это хотя и тесно связанная, но все же существенно различная проблематика.

Дезориентирующим влиянием зафиксированной выше подмены понятий объясняется фатальное для истории изучения китайской логики на Западе ложное направление поисков — логику искали только в отчетливо тематически определенных и полемически акцентированных рассуждениях поздних *моистов*. Пренебрегая тем решающим обстоятельством, что *моистское* теоретизирование — это, во-первых, вовсе не **начало** китайской логической традиции (в частности, логико-методологического

теоретизирования⁷⁰), а во-вторых, далеко не вершина китайской логической мысли (по причине дефицита **системности** и отсутствия хоть каких-то намеков на **формализацию**).

В обоих (во-первых, агон, а во-вторых, критика) перечисленных выше случаях мы сталкиваемся с некритической универсализацией исторических закономерностей, на самом деле имевших вполне региональный характер. Данная универсализация опирается на ничем не обоснованное европоцентристское по своей природе допущение единообразия (разумеется, по западному образцу) генезиса логики независимо от места и времени ее возникновения. То есть, если в Греции и в Индии логика была связана с диспутом и разрешением апорий, то и в Китае она будто бы обязана была иметь в точности аналогичный характер.

Моя цель показать, что практикуемые и кодифицируемые китайскими мыслителями древности способы образования понятий и задания предметностей, вместе с основанными на них приемами дедукции, являются **полноценной** логикой с современной точки зрения⁷¹. Для этого я выстраиваю свое исследование по следующим двум проблемным линиям. Во-первых, опознание самого измерения, необходимого для обнаружения логики, выявление того горизонта, той методологической перспективы, исходя из которой только и возможно возобновлять — заново ставить — проблему существования логики в Китае. Говоря определеннее, нужно идентифицировать логический **тип** теоретизирования, используемый древнекитайской теоретической мыслью, что требует повышенного внимания к **методологической** проблематике.

Во-вторых, осуществление текстуально удостоверенного и опирающегося на понятийный инструментарий современной логики анализа тех конкретных форм, в которых реализовывался идентифицированный тип теоретизирования. Что предполагает сочетание современного логико-методологического подхода с достижениями как традиционной китайской экзегетики (классической историографии и филологии), так и с историко-культурными, и с филологическими результатами китайских, западных и отечественных исследований последних десятилетий в релевантных нашей проблематике областях.

Таким образом, подлинной проблемой является вопрос об имманентной китайской логике (а вовсе не поиски аналогов привычных нам по традиционной или математической логике схем выводов или образования понятий). Благодаря подобной постановке вопроса о своеобразии китайской логики (т. е. о выявлении и понятийной артикуляции внутренне присущих китайскому дискурсу способов и видов аргументации и формирования понятий) мое исследование призвано раскрыть новую — до настоящего времени еще не освоенную — предметную область⁷².

Положительный ответ на вопрос о существовании автохтонной логики в Китае вносит серьезные коррективы в устоявшиеся представления о возникновении и типах исторически существовавших логических учений. Так, например, в свете полученных мной результатов (см.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая) должно быть радикально пересмотрено общепринятое до настоящего времени мнение известного историка логики Й. Бохеньского о том, что «формальная логика возникает в двух, и только двух, центрах культуры — западном и индийском. В других регионах — таких, как Китай, — мы хотя и обнаруживаем время от времени теорию диспутов и софистику, но формальной логики, сравнимой с системами Аристотеля и Дигнаги, никогда не найдем» [Бохеньский, 2000, с.59].

Библиография

1. Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.
2. Бохеньский Й. Введение к книге *Formale Logik* // Гуманитарные исследования. Вып. 4. Уссурийск, 2000.
3. Ван Дяньци. Анализ исторических материалов по истории китайской логической мысли : [Чжунго лоцзи сысяншиляо фэнси]. Пекин, 1961.
4. Грэм А. Китайская логика (Graham A.C. Chinese Logic) // The Encyclopedia of Philosophy by Macmillan, N.-Y., 1972. P.523.
5. Грэм А. Логика моистского «Малого выбора» (Graham A.C. The logic of the Mohist Hsiao-ch'. Leiden, 1964. Vol. 51. Livr. 1.
6. Грэм А. Логика, этика и естествознание поздних моистов : [Graham A.C. Later Mohist Logic Ethics and Science]. Hong Kong: Chinese Univ. Press; L., Univ. of London, British School of Oriental and Afr. studies, 1978.

7. Грэм А. Инь-Ян и природа коррелятивного мышления : [Graham A.C. Yin-Yang and the Nature of Correlative Thinking]. Singapore, 1986.
8. Грэм А. Диспутанты о Дао : [Graham A.C. Disputers of the Tao]. La Salle, 1989.
9. Ди Цзиньчэн. Исследование доциньского учение об именах : [Сяньцинъ минсюэ]. Тяньцзинь. 2005.
10. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994.
11. Колоколов В.С. Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чуньцю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 1. М., 1979.
12. Крушинский А.А. Творчество Янь Фу и проблема перевода. М., 1989.
13. Крушинский А.А. Логико-методологическая мысль древнего Китая как историческая реализация генетического типа дедукции // Современная логика: проблемы теории и истории. Материалы XI Международной конференции 24—26 июня 2010 г. СПб., 2010.
14. Крушинский А.А. Логика Древнего Китая (в печати).
15. Лян Цицао. Разбор учения Мо-цзы : [Мо-цзы сюэань]. Шанхай, 1922.
16. Лян Цицао. Логическое учение Мо-цзы : [Мо-цзы чжи лунълисюэ]. Шанхай, 1904.
17. Лян Цицао. Сопоставительное разъяснение моистского канона : [Мо цзин цзяоши]. Шанхай, 1924.
18. Маковельский А.О. История логики. М., 2004.
19. «Малый выбор» (Сяоцю) // Чжуцзы цзичэн. Т. 4. Пекин, 1988.
20. Масперо Г. Заметки о логике Мо-цзы и его школы : [Maspero H. Notes sur la logique de Mo-tseu et de son école] // T'oung Pao 25 (1928).
21. «Мо-цзы» в вольном толковании : [Мо-цзы сяньгу] // Чжуцзы цзичэн, Т. 4. Пекин, 1988.
22. Наука о науке (сб. статей). М., 1966.
23. Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 2,3. Cambridge, 1956—59.
24. Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976.
25. У Кэфэн. Логика ицзиноведения : [Исюэ лоцзи]. Пекин, 2005.
26. Фэн Юлань. Почему у Китая не было науки — интерпретация истории и следствий китайской философии : [Why China has no science — an interpretation of the history and consequences of Chinese philosophy] // Чжунго чжэсюэши бу. Шанхай, 1936.
27. Harbsmeier Ch. Language and Logic // J. Needham. Science and Civilisation in China. V. VII. Part 1. Cambridge, 1998.

28. *Chmielewski J.* Notes on Early Chinese Logic // *Rocznik Orientalistyczny*, Warszawa, 1962—1969. Т. 26. З. 1 (1962); Т. 26. З. 2 (1963); Т. 27. З. 1 (1963); Т. 28. З. 2 (1965); Т. 29. З. 2 (1965); Т. 30. З. 1 (1966); Т. 31. З. 1 (1968); Т. 32. З. 2 (1969).

29. *Ху Ши.* Развитие логического метода в древнем Китае : [The Development of the Logical Method in Ancient China]. Shanghai, 1922.

30. *Ху Ши.* История древнекитайской философии : [Чжунго гудай чжэсюэши] // Избранные произведения Ху Ши. Цилинь, 2005.

31. *Цзоу Дахай.* Китайская математика в доиньский период : [Чжунго шусюэ дэ синци юй сяньцин шусюэ]. Хэбэй, 2001.

32. *Чжань Цзяньфэна.* Формальная логика моистов : [Мощзя ды синши лоцзи]. Хубэй, 1957.

33. *Чжоу Шань.* Новая трактовка И цзина : [И цзин синьлунь]. Шэньян, 1991.

34. *Чэн Чжунин.* Исследования классической китайской логики : [Inquiries into Classical Chinese Logic] // *Philosophy East and West*. Vol. XV. No. 3—4. July-October, 1965.

35. *Шэнь Чжунтао* : [Sung Z.D.]. Символы И цзина или символы китайской логики Перемен : [The Symbols of Yi King or the Symbols of the Chinese Logic of Changes]. Shanghai, 1934.

36. *Ян Уцзинь.* Исследование логики моистского канона : [Мощзин лоцзи яньцзю]. Пекин, 2004.

37. *Ян Шулинь.* История китайской логики начинается с Конфуция, а не с Дэн Си : [Чжунго лоцзишиды кайчуанчжэ ши Кун-цзы эр бу ши Дэн Си] // *Вестник Юньнаньского педагогического университета*. 1995. № 6.

38. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // *Смысл и назначение истории*. М., 1994.

39. *Янь Фу.* Логика Милля: написано Миллем, переведено Янь Фу : [Мулэ Минсюе]. Ч. 1. Янь Фу. Шанхай, 1931.

40. *Янь Фу.* Примечания к «Логике» Милля : [Ань Мулэ Минсюе] // *Логика Милля*. Шанхай, 1931.

Примечания

¹ «Уже греческая рациональность отличается от восточного мышления известной последовательностью, позволившей заложить основы математики и завершить формальную логику...тем самым Запад познает границу рациональности с такой ясностью и силой, которая нигде более не существует». *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. С. 86. Знаменитому философу противоречит выдающийся синолог, виднейший западный специалист по исто-

рии китайской логики А.Ч. Грэм (1919—1991). Затрагивая тему сужения первоначальной (т. е. относящейся как раз к ясперовскому «осевому времени») сферы интересов китайской цивилизации и касаясь в связи с этим истории моистских логико-методологических достижений, на долгие столетия практически «выпавших» из китайского культурного контекста, Грэм заявляет, что именно « в судьбе логики наиболее разительным образом проявилось различие традиций, расположенных по двум полюсам цивилизованного мира». Ведь если «для Запада логика всегда была его сердцевиной и нить ее трансмиссии никогда не прерывалась», то судьба китайской «протологики» в лице софистов и поздних *моистов* сложилась совсем по иному — их открытия не только не получили дальнейшего развития, но и были прочно забыты (См.: *Грэм А.* Диспутанты о *Дао*. Р. 6.).

² Осознанные и систематические поиски китайского эквивалента европейской логики начались в конце XIX — начале XX века ведущими китайскими интеллектуалами, стремившимися обнаружить собственную логическую традицию, чтобы оправдать свою убежденность в интеллектуальной равноценности Китая и Запада.

³ Понимаемая как прослеживание истории развития логики фиксация последовательности сменяющих друг друга этапов этого развития, выделение и классификация различных течений и школ (идентификация персонажей и атрибуция идей) и т. п.

⁴ То есть о выявлении и понятийной артикуляции внутренне присущих китайскому дискурсу форм категориальности — вообще способов формирования понятийности — а также подходов к аргументации, производной от специфики этой понятийности.

⁵ А отчасти и европейской — перед лицом радикально чуждой интеллектуальной традиции.

⁶ Речь, прежде всего, идет, конечно же, о постепенном уточнении самого предмета логики и собственной природы логического.

⁷ Далеко не все современные китайские авторы согласны с таким подходом к делу, усматривая в нем отголоски до сих пор непреодоленного европоцентризма. Предлагается уйти от «опоры на Запад при изучении Китая» (*цзюй си, ши чжун*) и взглянуть на историю китайской логики не «извне», а «изнутри» (*ю нэй ши нэй*) (*У Кэфэн.* Логика ициноведения. С. 22—25). Однако данная позиция при всей ее похвальной патриотичности и кажущейся убедительности весьма невяжна с собственно логической точки зрения.

⁸ Истоки концептуализации данного иероглифа иногда возводят к тезисам: «*сюнь мин цзэ ши* — следуя именам, требовать [соответствующую] реальность», и «*ань ши дин мин* — основываясь на реальности, устанавливать имена», принадлежащему гипотетическому родоначальнику столь же проблематичной (сомнения в ее существовании были высказаны по крайней

мере уже *Чжан Бинлинем* (1869—1936), подхвачены и акцентированы *Ху Ши* (1891—1962) и разделяются современными исследователями, в том числе такими западными авторитетами, как А.Ч. Грэм) «школы имен» *Дэн Си* (545—501 гг. до н. э.). Однако серьезные сомнения как в аутентичности фрагментов, приписываемых *Дэн Си*, так и в существовании самой подобной школы заставляют обратиться к неоспоримо достоверным источникам — именно к хорошо документированной конфуцианской традиции. Именно в рамках конфуциева учения (зафиксированной в комментаторской части *И цзина*, традиционно приписываемой Конфуцию) об выправлении имен (*чжэн мин*) понятие «имени» впервые вышло на передний план в качестве важнейшей логической категории, а проблема взаимоотношения «имени и его референта» стала предметом многосотлетней дискуссии, которая стимулировала развитие древнекитайской логики (См., напр.: *Ян Шулин*. История китайской логики начинается с Конфуция, а не с *Дэн Си*).

⁹ В работах современных китайских исследователей эта мысль обычно обосновывается ссылкой на известную историко-научную гипотезу А. Эйнштейна о возникновении современного естествознания как результата уникального (в некотором смысле, случайного) сочетания античной формальной логики с новоевропейским экспериментальным методом (См., напр.: «Наука о науке». С. 177).

¹⁰ *Янь Фу*, ссылаясь на Бэкона, провозгласил логику «методом методов и наукой наук» (*ице фа чжи фа, ице сюэ чжи сюэ*) (Логика Милля. Ч. 1. С. 3).

¹¹ Подробнее см., напр.: *Крушинский А.А.* Творчество Янь Фу и проблема перевода. С. 95.

¹² См.: *Янь Фу*. Примечания к Логике Милля. С. 2—3.

¹³ Более развернутое и многоплановое, но нельзя сказать, чтобы более успешное, чем у *Ху Ши*, исследование, нацеленное на логическое и естественнонаучное истолкование *И цзина* предпринял в начале 30-х годов *Шэнь Чжунтао* (Sung Z.D.). «Символы И цзина или символы китайской логики перемен». В отечественном китаеведении В.С. Колоколов (1896—1979) — глубокий знаток китайской классики — попытался уже гораздо позднее сблизить символизм *И цзина* с традиционной формальной логикой (см.: *Колоколов В.С.* Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чуньцю»).

¹⁴ В значительной мере именно благодаря усилиям этого яркого публициста и неутомимого просветителя китайская рецепция западной логики — вместе с параллельно идущим осознанием китайской историко-логической проблематики — можно сказать «сбилась» с магистрального курса конфуцианской традиции и устремилась по руслу такого, вообще говоря, маргинального течения древнекитайской мысли, каковым является учение *Мо-цзы* и его позднейших последователей («поздних моистов»).

¹⁵ Историю «утери и переоткрытия моистской логики» см., напр., у А.Ч. Грэма в его «Логика, этика и естествознание поздних *моистов*». Р. 6—8, 64—72. В отечественной историографии самостоятельный широкий философский подход к философии *Мо-цзы* и *моистов* сформировал академик М.Л. Титаренко (Древнекитайский философ *Мо Ди*, его школа и учение М., 1985) (*Прим. ред.*).

¹⁶ Что, впрочем, никак не отменяет огромную историко-культурную значимость *моистского* логико-методологического наследия, где логико-методологические сюжеты впервые в китайской интеллектуальной истории становятся предметом специального рассмотрения. К числу несомненных достоинств *моистского* теоретизирования также следует причислить его сравнительную прозрачность (напр., четкость формулировки основополагающей концепции сообразия с образцом, о которой пойдет речь ниже).

¹⁷ Полагая *моизм* «родоначальником *чжоуской* школы имен», *Сунь Ижэн* рассматривал софистические изыски *Хуэй Ши* (370—319 до н.э.) и *Гунсунь Луна* (?—252 до н.э.) как производные от *моизма*: они, по его мнению, не более чем отголоски *моистского* учения, не передающие его подлинного смысла.

¹⁸ *Лян Цичао*. Сопоставительное разъяснение *моистского* канона. Авторское предисловие. С. 1.

¹⁹ *Лян Цичао*. Разбор учения *Мо-цзы*. С. 42.

²⁰ Тексты поздних *моистов* послужили (и до сих пор служат) своеобразным китайским «ответом» достижениям Запада в области логики. Они подавались как китайский аналог аристотелевской силлогистики, вдобавок, может быть, даже опережающий ее по времени создания. По откровенному признанию *Ху Ши* (Развитие логического метода в древнем Китае. Р. 6—9), глубинный мотив подобного позиционирования *моистов* — это вовсе не только желание восстановить историческую справедливость в отношении этого изрядно подзабытого учения — китайскими идеологами начала прошлого века руководило стремление подготовить китайский консервативный менталитет к восприятию западной логики. Последняя, благодаря новооткрытым *моистским* логико-методологическим разработкам, якобы оказывалась вовсе не столь чужеродной для китайской традиционной мысли, как могло бы показаться на первый взгляд и потому, как им представлялось, могла быть легче усвоена китайской научной общественностью.

²¹ Появились хорошие — оснащенные справочным аппаратом и подробными аннотациями — издания *моистов* и *Гунсунь Луна*. *Ван Дяньцзи* представил тщательно прокомментированный материал в своем 1-м выпуске «Анализа исторических документов/материалов по истории китайской логической мысли». Эта работа явилась важным подспорьем в изуче-

нии *моизма*. См., напр., историографический обзор *Чэн Чжунина* (Исследования классической китайской логики. Р.195—216).

²² *Грэм А.* Логика, этика и естествознание поздних *моистов*.

²³ Там же. Р. 4. *Моисты* якобы были первыми среди китайских мыслителей, кто — в противовес конфуцианскому догматизму — стал обосновывать свои доктрины посредством рационального дискурса.

²⁴ *Грэм А.* Китайская логика. Р. 523.

²⁵ *Грэм А.* Логика, этика и естествознание поздних *моистов*. Р. XI.

²⁶ Ради исторической точности следует отметить, что уже в упомянутой выше работе *Ху Ши* утверждалось наличие, по меньшей мере, двух логик в древнем Китае — конфуцианской и *моистской*.

²⁷ Подлинной логики традиционного Китая, которая — в отличие от ориентированного на кодификацию аргументативной практики *моистского* теоретизирования — не схватывается (хотя бы и иллюзорно!) посредством затверженных историко-логических штампов.

²⁸ Другой формальной логики кроме восходящей к Аристотелю традиционной формальной логики в начале прошлого века абсолютное большинство философов еще просто не знало, хотя это как раз был период героического становления — *Sturm und Drang'a* — современной, т. е. символической, логики.

²⁹ См., напр.: *Ху Ши*. Р. 97.

³⁰ «Образцом» в таком широком смысле может быть либо вербализация условия, которому должны удовлетворять все экземпляры искомого предметности, либо модельный образчик этой предметности, либо, наконец, инструмент, с помощью которого возможно сгенерировать сколь угодно экземпляров требуемой предметности. *Моисты* на примере разнообразных эталонов для тестирования претендента на именование «окружность» предложили следующий список различных типов образцов: «идея [окружности] (вербализацией которой является, напр., моистское определение окружности. — А.К.), циркуль (при помощи которого число всевозможных окружностей можно множить до бесконечности. — А.К.), окружность (в единичном экземпляре в качестве образчика. — А.К.) — все три могут служить образцами [для проверки объекта на свойство «быть окружностью»] (*и, гуй, юань сань е цзюй кэ ивэй фа*)». Парадоксальность наиболее востребованного из описанных выше трех типов образцов — инструмента (канонически представляемого циркулем и угольником) — как такого образца, который сам не обладает необходимыми и достаточными свойствами генерируемой им предметности, прекрасно осознавалась философами древнего Китая. Это явствует из следующих полемических заостренных тезисов, приписываемых *Хуэи Ши*: «Угольник [сам по себе] не квадратен, а циркуль [сам по себе] не может считаться круглым» (*цзю бу*

фан, гуй бу кэ ивэй юань). См. обсуждение и критику стандартной трактовки данных парадоксов *Хуэи Ши* у *Цзоу Дахая* в его «Китайской математики в доцинский период», с.287—290, 409—411.

³¹ То есть представляет собой экзemplификацию предметности, репрезентируемой данным образцом.

³² «Малый выбор» (*Сяоцзю*) // ЧЦЦЧ. Т. 4. С. 251.

³³ «*Мо-цзы*» в вольном толковании. С. 128—129.

³⁴ «Термин, используемый поздними моистами для дедукции — это *сяо*, обозначающий «имитирование», и соответственно — «шаблон/форму». ... Эта теория дедукции ... не требует силлогистической формы. ... Позднемоистская теория дедукции не является теорией силлогизма» (*Ху Ши*, Р. 95—96).

³⁵ См.: Масперо Г. Р. 10—16.

³⁶ *Ху Ши* уже в первые десятилетия прошлого века осознавал их бесперспективность, а *Чэн Чжунин* в середине 60-х, подводя итоги почти полувековым исследованиям китайской логики, окончательно констатировал провальность подобных попыток (См.: Исследования классической китайской логики. Р. 195—216).

³⁷ См., напр.: *Чжань Цзяньфэн*. Формальная логика моистов (С. 79—86), где автор в очередной раз пытается проинтерпретировать концепцию «сообразия [с образцом]» как силлогистический вывод.

³⁸ См., напр.: *Ян Уцинь*. Исследование логики моистского канона. С. 174.

³⁹ *Хмелевский Я.* Заметки о древнекитайской логике.

⁴⁰ *Харбсмайер К.* Язык и логика.

⁴¹ Зачастую проходящее по ведомству ицзиноведения под рубрикой так называемого «учения об образах и числах» (*сяншу чжи сюэ*).

⁴² Чему в немалой степени способствует возникший в КНР вот уже более четверти века тому назад — в начале 80-х годов прошлого века — и продолжающийся поныне «ицзиновский бум». Благодаря такой благоприятной конъюнктуре попытки логической реконструкции *И цзина* возобновились с новой силой.

⁴³ Первой в КНР монографией, посвященной логике *И цзина*, явился труд *Чжоу Шаня*. «Новая трактовка *И цзина*», опубликованный в 1991. Наиболее серьезной попыткой взглянуть на *И цзин* с точки зрения истории китайской логики на сегодняшний день является книга *У Кэфэна* «Логика ицзиноведения».

⁴⁴ Так исторически сложилось — в значительной мере благодаря тому экстраординарному вниманию, которое уделил логико-методологической проблематике *Янь Фу*.

⁴⁵ «Разбор учения *Мо-цзы*», «Логическое учение *Мо-цзы*» и др.

⁴⁶ Поэтому справедливый упрек, брошенный в свое время академиком В.В. Алексеевым *Ху Ши* — «здесь автор быстро увлекается роковым “нам надо”, и тогда модернист-“пропагандатор” быстро сменяет ученого» (Алексеев, с. 357) — с гораздо большим основанием должен быть переадресован *Ляну*.

⁴⁷ См. *Ху Ши*. Развитие логического метода в древнем Китае. Р. 35—40, 174—175; его же. История древнекитайской философии. С. 57—71, 133—137, 215—217, 226—239.

⁴⁸ А.Масперо с полным основанием настаивает на том, что в анализируемом *Ху Ши* фрагменте речь у *моистов* идет исключительно о предметности (а стало быть, о терминах), а вовсе не о высказываниях.

⁴⁹ Выступающего в качестве, так сказать, родоначальника данного рода (*лэй*) предметности: «образец — это то, в сообразовании с чем [нечто] является таковым [каково оно есть]» (*фа, сожэ эр жань е*) (*Мо-цзы* в вольном толковании). С. 193.

⁵⁰ О какой именно дедукции идет речь оставалось неясным вплоть до последнего времени (как еще в 60-е годы прошлого века отмечал *Чэн Чжуннин* в своем содержательном историографическом обзоре) — вплоть до появления результатов, полученных автором данных строк (См., напр.: *Крушинский А.А.* Логико-методологическая мысль древнего Китая как историческая реализация генетического типа дедукции. С. 76—79).

⁵¹ Хотя Л.Э.Я. Брауэр уже в 1908 г. выступил с интуиционистской критикой основ классической математики, тем самым, положив начало формированию конструктивистской альтернативы, господствовавшей в основаниях математики теоретико-множественной парадигме, но до переосмысления и переобоснования интуиционистских подходов посредством уточненного понятия алгоритма оставалось еще почти полвека.

⁵² Уже и сам *Ху Ши*, как будто, был не вполне уверен в своем открытии и впоследствии — при переиздании работы — изменил ее название так, что ключевого слова «логика» в нем уже не значилось.

⁵³ См. упоминавшиеся выше работы *Шэнь Чжунтао* и В.С. Колоколова.

⁵⁴ Этот предрассудок получил теоретическое «обоснование» и развитие у прославленного историка китайской науки, издателя монументальной «Наука и цивилизация в Китае» Дж. Нидэма, отрицавшего за *И цзином* не только логическое, но даже и какое-либо научное значение и весьма категорично оценивавшего его как образчик «псевдонауки» (См.: Нидэм, V. 2. Р. 272, 273, 287, 443).

⁵⁵ Подобное совершенно антиисторическое понимания логики как основы научного (читай — естественнонаучного!) метода — одна из характернейших черт британской историко-философской парадигмы — была

некритически воспринята китайской общественностью в начале прошлого века благодаря переводам *Янь Фу*. Этот взгляд на логику был продолжен *Ху Шу*, развит *Фэн Юланем* (см., напр., опубликованную в 1922 г. статью с характерным названием «Why China has no science — an interpretation of the history and consequences of Chinese philosophy»). В том же новоевропейском, так сказать «прикладном», ключе логика до сих пор трактуется в китайской историографии.

⁵⁶ На сегодняшний день представляющему собой наиболее масштабное западное исследование китайского языка и китайских форм понятийности/способов аргументации в их взаимосвязи.

⁵⁷ *Спирин В.С.* Построение древнекитайских текстов.

⁵⁸ См., напр., *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. О тех «зияющих высотах», которые покорила на этом попятном пути отечественная синологическая мысль в лице ее наиболее выдающихся персонажей, пожалуй, самое яркое представление дает открытая ей некая «нумерологическая методология» (там же). Это замечательное своей откровенной нелепостью словосочетание есть чистое *contradictio in adjecto* с соответствующим химерическим же содержанием.

⁵⁹ Ведь недостаточный уровень строгости и формализации, свойственный *моистскому* теоретизированию (признаваемый самими китайскими учеными), ставит под вопрос правомерность его приравнивания к античным и индийским логическими построениям.

⁶⁰ Так, напр., по словам крупного современного китайского философа и историка философии *Чжан Дайняня* (1909—2004), «в рамках китайской традиции не было создано ни целостной системы, подобной евклидовой геометрии, ни строгой формальнологической системы наподобие аристотелевской силлогистики ... надо признать, что все это является огромным изъяном традиционной китайской методологии». Цит. по: *Ди Цзиньчэн*. Исследование доциньского учение об именах. С. 8. А *Чэнь Чжуннин* как о чем-то несомненном заявляет, что де «китайская мысль не дает общих и эксплицитных формулировок всех логических законов рассуждения, а также не перерастает в систему символизма, пригодного для нужд абстрактного мышления» (*Чэнь Чжуннин*. Исследования классической китайской логики. Р. 195).

⁶¹ Известно, например, господство западной логики в арабском мире в раннем средневековье, а индийской — в средневековом Китае.

⁶² См., напр.: *Грэм А.* Китайская логика. Р. 525.

⁶³ «Логика как наука о мышлении первоначально возникает в связи с развитием практики ораторского искусства, как часть теории риторики. Такой характер носят начатки логики в Древней Индии, Древнем Китае, Древней Греции и Риме, а также в России. Основоположник науки логики Аристотель в своем первом сочинении по логике «Топика», как показыва-

ет само название, рассматривает проблемы логики в связи с теорией риторики» (*Маковельский*. История логики. 2004. С. 5).

⁶⁴ Поэтому, в частности, она не имеет состязательно-демонстрационного характера.

⁶⁵ То есть речь идет, во-первых, о крайне узком круге лиц — экспертов в дивинации, во-вторых, о специально-техническом языке письменных источников, фиксирующих обращения к оракулу или описывающих соответствующие процедуры и, наконец, в-третьих, о традиции исключительно устной передачи пояснений к мантическим текстам.

⁶⁶ Для математизированной формы свойственной *И цзину* формы дивинации очень показателен следующий историко-математический факт: исходной проблематикой, мотивирующей возникновение тех задач диофантова анализа, ответ на которые дает знаменитая китайская теорема об остатках, как раз послужили математические аспекты канонической процедуры гадания по стеблям тысячелистника (ее название — «Большое расширение», *даянь*), описанной в *И цзине*. Поэтому в китайском названии алгоритма решения ключевого уравнения, связанного с данной теоремой («метод нахождения единицы с помощью большого расширения»), напрямую фигурирует имя этой математизированной разновидности дивинации (См.: *Нидэм*. С. 3. Р. 119).

⁶⁷ Данное обстоятельство обнаруживает себя в производности китайской логико-методологической традиции от математических и математикоподобных конструкций *И цзина*.

⁶⁸ Эталоном тут снова выступает история греческой философии, где необходимой предпосылкой рефлексии принято считать конфликт: столкновение мнений, выявляющее слабые места в рассуждениях конфликтующих сторон. Такова конкретно-историческая подоплека возведения критичности в ранг характеристического свойства рефлексии.

⁶⁹ Критичность — это отнюдь не синоним теоретичности. Не следует забывать, что оборотной стороной постоянной саморефлексии оказывается непродуктивность.

⁷⁰ В смысле установления принципов и формулировки правил — пускай и совершенно догматичных по стилю.

⁷¹ «Логику» я здесь понимаю стандартным образом — как теорию дедуктивного рассуждения в контексте традиционной логической тематики формирования понятий и введения объектов.

⁷² В результате ее проработки методами современной символической логики осуществляется понятийное освоение этой новой области и тем самым впервые удается сделать ее достоянием науки.

А.В. Виноградов*

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ В XXI веке.

Аннотация. Распад биполярной системы в конце XX века открыл новое русло для течения мировой истории. Старые идеи и идеологические конфликты не прижились в новом мире, в нем стали формироваться новые, а вместе с ними и новая реальность, в значительной степени отражавшая качество главных мировых субъектов. В результате в международных отношениях наметились два параллельных и принципиально новых по существу процесса. С одной стороны, в рамках западной модели глобализации в мире появились новые негосударственные субъекты международных отношений, которые отражали как внутренние тенденции развития Запада, так и его целенаправленную политику по демократизации политических режимов в других частях мира. С другой — новыми субъектами международных отношений стали цивилизации, которые отражали процессы консолидации региональных пространств, рост зрелости и могущества их центров.

Ключевые слова: цивилизация, культура, межкультурные отношения, региональная консолидация, Китай.

* Виноградов Андрей Владимирович — д.пл.н., руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Распад социалистического лагеря и крушение СССР, положив конец биполярному миру, открыли новое русло для течения истории. Военно-политическое соперничество, характеризовавшее развитие мира на протяжении всего XX века и угрожавшее самому существованию человечества, постепенно стало уходить из эпицентра мировой политики, перемещаясь на периферию и теряя масштаб.

Однако, сократив угрозу глобального уничтожения, мир не стал более спокойным, стабильным и предсказуемым. Первоначально, оставшиеся противоречия связывались с не до конца изжитым влиянием мирового социализма. Но очень многим тогда все же казалось, что главное препятствие для развития мира по единственному оставшемуся, либеральному пути уже исчезло. Последний оплот социализма — Китай — был слаб и не влиятелен, а его реформы в 1990-е годы имели отчетливо выраженный рыночный характер и вполне вписывались в господствовавший в мире постсоциалистический тренд. На этом основании администрация Б.Клинтон, в частности, считала, что вслед за экономическими в Китае неизбежно последуют политические реформы, что и стало предпосылкой для выстраивания новых, более открытых отношений между США и КНР.

В первом десятилетии XXI века международная напряженность спала еще больше. В немалой степени на это повлияло ослабление жесткой привязки идеологического противостояния к военной мощи и, как следствие, снижение роли военной угрозы как определяющего фактора международной обстановки в глобальном масштабе. При бесспорном военно-политическом доминировании США отсутствие соперников, способных бороться за мировое лидерство, постепенно сокращало значение американского военного преимущества и одновременно создавало больше возможностей для самостоятельного развития и многообразия других стран.

В эпоху борьбы двух систем для Соединенных Штатов мировая периферия была одной из арен противостояния с главным противником. После его поражения США больше внимания стали уделять распространению там либеральных ценностей, считая их главной гарантией международной стабильности

и сохранения своего лидирующего места. Не отказались они и от использования вооруженной силы, прежде всего, против своих оппонентов на региональном уровне. Однако на глобальном повторить эту стратегию было невозможно — все крупные державы обзавелись ядерным оружием или стали пороговыми, что резко сужало возможности военного решения конфликтов. Если раньше отдельные страны с трудом могли противостоять силе биполярного давления и биполярному мировому порядку, то теперь у них появилась возможность консолидации вокруг региональных центров.

Старые идеи и идеологические конфликты не прижились в новом мире, в нем стали формироваться новые, а вместе с ними и новая реальность, в значительной степени отражавшая качество главных мировых субъектов. Их отличительной чертой стал экономический потенциал, важный сам по себе, а не как фундамент военно-технического соперничества. В силу высокой инерции и сложившихся стереотипов политический класс США не смог своевременно переместить центр тяжести из военно-политической области в экономическую и сохранил неэффективную в новых условиях проекцию своей государственной мощи на международной арене.

Не успев точно оценить новые угрозы и по-прежнему пребывая в уверенности по поводу своего военного превосходства, США способствовали экономическому развитию других стран, в том числе крупных периферийных экономик. Они рассчитывали, что экономические связи привяжут новые экономики к Западу и станут важным инструментом влияния на их культурное и цивилизационное развитие. Вскоре в идеологически гораздо менее конфликтном, а экономически более строго детерминированном и взаимосвязанном мире стали появляться страны, сопоставимые по своим параметрам с лидерами Запада. По данным Всемирного банка, в 1990 г. ВВП Бразилии составляло 461,9 млрд долл. (8 % от ВВП США, 25,5 % от ВВП ФРГ, 37,1 % от ВВП Франции), Индии — 317,4 млрд долл. (5,5 % от США, 17,5 % от ВВП ФРГ, 25,5 % от ВВП Франции), Китая — 356,9 млрд (6,2 % от ВВП США, 19,7 % от ВВП ФРГ, 28,6 % от ВВП Франции)¹. В 2010 г. ВВП Бразилии составил 2,087 трлн долл. (14,3 % от

ВВП США, но уже 63 % от ВВП ФРГ и 81 % от ВВП Франции), Индия — 1,727 трлн (11,8 % от ВВП США и 52,6 % от ВВП ФРГ, 67,4 % от ВВП Франции), Китая — 5,926 трлн (40,6 % от США, 180,6 % от ВВП ФРГ, 231,5 % от ВВП Франции)².

Новые экономические центры воспринимались западными странами преимущественно как быстро развивающиеся рынки и привлекательный объект для инвестиций. Так, следуя сложившимся стереотипам, оценивали себя и сами эти страны. Но, освободившись от воздействия биполярного напряжения, очень скоро они поняли, что являются не просто полигоном для западных идей и капиталов, но и пространством для реализации собственных оригинальных концепций и путей развития. Вместе с ростом экономической мощи для них стало критически важно обрести полномасштабную политическую и историческую субъектность, подтвердив ее сначала на региональном уровне.

Кризис 2008 г. ускорил этот процесс. Признанные экономические лидеры и старые международные финансово-экономические институты продемонстрировали системные пороки. Кризис их моделей развития в представлении развивающегося мира углубил кризис старого миропорядка, положенного крахом биполярности. Размеры экономик, динамика роста, а главное — успехи в преодолении мирового кризиса дали странам БРИК веские основания осознать себя в новом качестве, дающем, как следствие, право на изменение несправедливого экономического порядка. Перспектива превращения в локомотив мировой экономики открыла перед ними возможность преобразовать свой экономический потенциал в политический вес. Одновременно кризис показал, что старые лидеры слишком медлительны и неповоротливы, чтобы эффективно реформироваться, в то время как страны БРИКС, проводившие реформы в последние два десятилетия, динамично вписались в новый поворот истории.

В результате в международных отношениях наметились два параллельных и принципиально новых по существу процесса. С одной стороны, в рамках западной модели глобализации в мире появились новые негосударственные субъекты междуна-

родных отношений, которые отражали как внутренние тенденции развития Запада, так и его целенаправленную политику по «демократизации» политических режимов в других частях мира. С другой, новыми субъектами международных отношений стали цивилизации, которые отразили процессы консолидации региональных пространств, рост зрелости и могущества их центров.

Вся известная история человечества, в сущности, это история разных социальных субъектов: кровнородственных, территориальных, религиозных, национально-государственных и т. д. Не трудно заметить, что главной тенденцией исторического развития является повышение меры всеобщности субъектов, предполагающее решение более сложных, высоких и масштабных задач.

Последние 500 лет центральные направления мирового процесса определяла европейская история, а ее локальные задачи фигурировали в ведущих исторических концепциях. Возникший в конце XIX — начале XX века цивилизационный подход подверг критике европоцентристскую установку. Однако, получив известность и завоевав последователей во всем мире, он так и не смог стать ведущим направлением общественной мысли XX века. В последние два десятилетия изменения в характере исторического процесса, вызванные глобализацией, заметно повысили интерес к цивилизационной теории, обнаружившей солидный эвристический потенциал. Современное кризисное состояние человеческой цивилизации свидетельствует, вероятно, о том, что процессы цивилизационного генезиса не завершились и будут оказывать серьезное влияние на последующее историческое развитие.

Цивилизация — одно из наиболее общих понятий, которое должно согласованно описывать множество явлений социальной жизни. Именно этим объясняется то, что общепризнанного определения «цивилизации» до сих пор не существует. Часто оно смешивается с другим, близким по смыслу понятием «культура», у которого также нет однозначного определения. Одни и те же черты и свойства относятся и к культуре, и к цивилизации, что, безусловно, свидетельствует об их генетическом род-

стве. Вместе с тем существует смысловая граница, действительная только для цивилизаций. Цивилизация — единственное понятие, которое применяется исключительно к социальной материи, в отличие от культуры, которое применяется и к предшествующему уровню развития — живым организмам. Понятие «цивилизация» воплощает, таким образом, самые яркие и фундаментальные черты социального.

Начиная с животного мира понятие «культура» всегда означало выделение из окружающей среды, создающее условия для внутреннего роста. Важнейшее свойство культуры — длительное эволюционное накопление изменений. Человек появился как биологический вид (или биологическая культура), но в результате необъяснимых изменений помимо биологических у него стали нарастать иные отличия, которые мы называем социальными. Человек не просто выделился из окружающего мира, как это делали до него все живые организмы, он выделился из животного мира, открыв новое пространство многообразия — многообразие социальных общностей и, таким образом, новый горизонт развития. Одна из центральных проблем истории и состоит в исследовании того, как культура превратилась в цивилизацию — «собрание культурных характеристик и феноменов»³, «высокую культуру»⁴, «наивысшую культурную целостность»⁵, «оплотневшую», «кристаллизовавшуюся культуру»⁶ и т. д.

На протяжении тысячелетий человечество развивалось под определяющим влиянием своего материнского ложа — окружающей среды. Природные условия задавали параметры не только этнических и расовых отличий, но и общественной жизни, определяя многообразие локальных социумов. Общим у них была не только биологическая родословная, но и главный родовый признак — интеллект, т. е. способность взаимодействия с внешней средой через конструирование собственного внутреннего (духовного) мира и преобразование в соответствии с этими представлениями мира внешнего. Первые социальные, догосударственные общности (культуры) вырабатывали примитивный (и поэтому похожий), но самобытный и целостный способ освоения мира, фиксировавшийся в различных общественных традициях (производственных, культурных, политических и бы-

товых). По результатам такого освоения складывалось представление о степени развития общества — чем более независимым от природы оно было, тем более развитым считалось.

Такую независимость давала, прежде всего, материальная культура. Поэтому согласно наиболее распространенным представлениям труд создал человека. Воплотившееся в нем деятельностно-агрессивное отношение к внешнему миру было нацелено не на потребление окружающей среды в непосредственном виде, как у животных, а на ее преобразование, создание «второй», искусственной, максимально комфортной для человека природы. Это предопределило фундаментальное положение материальной культуры в структуре человеческого общества, определяющее степень развития уровнем и глубиной преобразования окружающей среды. Такое преобразование получило название «экономика» (в переводе с греческого — домоустройство, обустройство собственного жилища). Это одна точка зрения, господствующая в современном, материалистичном мире до сих пор. В зависимости от способа преобразования (способа производства) выделяют земледельческие (аграрные), скотоводческие (кочевые), индустриальные, постиндустриальные или информационные цивилизации, общие для всех регионов мира.

В соответствии с другой точкой зрения, главным отличием человеческого общества от животного мира стали нормы поведения. Человек выделился из природы не потому, что создал собственный материальный мир, а потому, что приобрел новые характеристики, связанные с жизнью в коллективе. Отделение от внешнего мира, таким образом, произошло не только по линии материальной культуры — внутри общества также пролегли разграничительные линии, структурно выделившие его из природы. Согласно этим представлениям фундамент человеческой культуры заложили нравственные ограничения. История приобрела характер эволюции нравственных принципов, которые и создали социальный мир и человеческую культуру в современном виде. Первые развитые формы нравственности и этические концепции были связаны с религией, ставшей целостным воплощением духовной культуры. Поэтому и сегодня цивилизационное многообразие часто отождествляется с религиозным. Ре-

лигиозная нравственность, действительно, дала первую форму сосуществования локальных (жестко привязанных к месту и природной среде) общественных групп, при которой их конкурентное взаимодействие вело не к борьбе и поглощению, типичному для живой природы, а к взаимовлиянию и сотрудничеству. И здесь направление эволюции удивительным образом совпало с направлением эволюции живого мира. «Конкуренция, конечно, играет весьма важную роль и в биологической, и в социальной эволюции. Однако, в конечном счете, как правило, в выигрыше оказываются не те, кто сумел добиться безраздельного господства в той или иной сфере и уничтожить всех конкурентов, а те, кому удалось наладить взаимовыгодное сотрудничество с ними и превратить врагов в друзей»⁷.

Культура, став основной единицей измерения истории, вызвала появление нового класса закономерностей — социальных, а многообразие культурных практик привело к вариативности социальных законов, вышедших за пределы биологических и обогатившихся собственными характеристиками. Одним из следствий этого стало появление социального времени, которое в отличие от физического приобрело новые характеристики и получило возможность уплотняться и ускоряться.

Двойственная природа генезиса человечества навсегда сохранилась во взаимном влиянии двух культур, а также в противоречивом единстве индивидуалистического и коллективистского в развитии общества. При этом обнаружилось четкое разграничение их функций. Материальная культура стала инструментом преобразования мира, динамизма и развития. Духовная, в первую очередь лежащие в ее основе нравственные принципы — фактором поддержания внутренней стабильности и придания социальному организму устойчивых форм. На протяжении большей части известной истории ведущая роль сохранялась за духовной культурой, свойственной традиционному, зависимому от природы обществу, главной задачей которого было не откатиться назад, в варварство.

Вне зависимости от того, что берется за основу — материальная или духовная культура, степень развития человеческого общества определяется мерой его отличия от естественной при-

роды и животного мира, а не степенью приближения к некоей нормативной культуре — европейской, китайской или любой иной.

Прочное сочетание функционально столь различных материальной и духовной культур мог обеспечить только единый консолидирующий центр, способный осуществлять перераспределение ресурсов из одной сферы в другую и поддерживать согласованное развитие при переходе общества из одного состояния в другое. На протяжении большей части истории религия и политика, продолжая традиции двух культур, предлагали свои варианты и способы упорядочивания социального мира. В конечном счете, политическая организация смогла предложить высшую форму поддержания социальной стабильности и регулирования социальных конфликтов, не отменив конкуренцию культур, но предоставив им возможность реализовать свое фундаментальное свойство — образовывать конгломераты и взаимодействовать, не теряя идентичности.

Народы, сумевшие создать более комфортные условия проживания и более стабильный и длительный социальный мир, постепенно становились точками притяжения, полюсами консолидации региональных пространств. Продолжая традиции живой природы, главный источник собственного роста человеческая культура видела в экспансии, как правило, осуществлявшейся насильственно. Но иногда она происходила добровольно за счет заимствования знаний, материальных орудий, навыков и умений, религиозных представлений, если они доказательно повышали комфортность жизни. Перетекание достижений культуры обеспечивало поступательное движение истории на протяжении тысячелетий, став важнейшим фактором развития. «Контакт с чужеземцами, обладающими новыми, неизвестными знаниями и умениями», стал основным фактором, «способствующим значимым социальным изменениям», а «в критические периоды перехода к цивилизации ... жизненно важным становилось иностранное влияние»⁸.

Одной из ранних и повсеместных форм сосуществования культур стали империи, которые смогли создать наднациональную, надэтнокультурную и даже надрелигиозную — имперскую

идентичность. Империя стала формой становления новой общности — цивилизации, сохранившей внутренний источник развития в виде многообразия культур, но с общей политической властью, обеспечивавшей их сосуществование. Цивилизация в отличие от культуры получила возможность развиваться и усложняться за счет межкультурного синтеза, переместив источник развития из взаимодействия общества с природой в сугубо социальную среду — во взаимодействие культур. Сложившееся многообразие периодически давало возможность одной из национальных (региональных, этнических) культур брать на себя стратегическую инициативу и вставать во главе прогресса, каждый раз перестраивая политическое пространство. Следствием этих процессов стала пространственно-функциональная структура цивилизации, которая помимо ядра включала периферию и лимитроф, не только тяготевших к цивилизационному ядру, но и разделявших цивилизации, создавая условия для их бесконфликтного развития.

Способность к перемещению, «блуждание» ядра не только повысили жизнеспособность имперских конгломератов культур, дав им запас географической прочности, но и позволили периодически сбрасывать негативную инерцию. Поэтому А. Тойнби выделял два главных критерия цивилизации — религию и формы ее организации и удаленность от места возникновения⁹. Способность к воспроизводству на новом месте с элементами взаимопроникновения и синтеза культур укрепила цивилизацию. Переживая подъемы и спады, мигрируя, она стала гораздо менее уязвима. Предложив устойчивую форму сосуществования культур, цивилизация создала особый самодостаточный мир, который выработал собственный механизм развития и поэтому смог конституироваться в качестве нового субъекта исторического процесса.

Каждой локальной цивилизации соответствовал свой естественно-исторический тип бытия, отражавший условия ее возникновения и существования. Одновременно их изолированность способствовала не только росту разнообразия, но и неравномерности развития. Укрепляясь, империи активно проводили экспансию и, в конце концов, привели цивилизации в соприкосно-

вание, сделав их еще и мировыми субъектами и положив, таким образом, начало поиску ими новой, межкультурной этики. Исчерпав лимит экстенсивного роста за счет периферии и лимитрофа и встретив сопротивление мощных конкурентов, они получили дополнительный стимул сосредоточиться на внутреннем росте и совершенствовании. Религиозное Средневековье оказалось периодом внутреннего, духовного созревания европейской цивилизации. Поэтому в Возрождение «произведение и созидательный его человек получают новое значение. Они сосредоточивают в себе весь тот смысл, который прежде принадлежал лишь Божьему творению... человеческое дело перестает быть служением, выражающим послушание Творцу, и само становится «творением», «творчеством», человек, прежде слуга и раб, становится «созидателем»¹⁰. Эта трансформация и положила начало Новому времени сначала в истории Европы, а затем и всего человечества.

Для Европы границей цивилизации всегда были не только сухопутные пространства на Востоке и Юге, но и море — на Западе. В период возвышения исламского мира преодоление океанских пространств выглядело меньшим препятствием, чем борьба с цивилизационным давлением Востока, что и подтолкнуло европейцев к морскому, «удаленному» освоению мира, предъявлявшему повышенные требования к уровню материально-технического развития, и стало одним из «спусковых крючков» промышленной современности. Появление модерна (модернизация в этимологическом значении) стало типом развития европейской цивилизации, соответствующим западной традиции рационализма, а рынок и демократия — идеальным пространством для человеческого творчества и взаимодействия, превратив западную цивилизацию в принципиально креативную и инновационную. Современная европейская цивилизация состоялась потому, что предложила миру прогрессистско-экономический тип исторического процесса, сделала скорость существенным фактором развития и обрела, таким образом, свои конкурентные преимущества. В то время как до этого для всех традиционных цивилизаций существенным было, прежде всего, поддержание стабильности.

В отличие от европейской китайская цивилизация, изолированная пустынями и горными массивами на суше, не испытывала серьезной конкуренции со стороны других цивилизаций и была обречена, однажды конституировавшись, выступать бесменным региональным локомотивом развития. Изоляционизм сделал ее главным критерием духовное совершенствование, которое придало ей несравненную прочность, но в отличие от Европы не давало стимула для территориальной экспансии, обезоружив перед техническим превосходством Запада. Китайская цивилизация выработала свой тип развития, свойственный традиционному аграрному обществу — принципиальную эволюционность, философско-этически обоснованную, позволявшую избегать революций и поэтому, неизбежно, циклическую, достояния которой, однако, померкли в динамичном мире.

Открыв новое пространство для роста, создав уникальную экономическую модель и распространив ее влияние на весь мир, Европе удалось на время лишить остальные цивилизации преимуществ. Техническое развитие Запада связало планету водоедами, многократно увеличив скорость взаимодействия. Экономическая и политическая экспансия Европы положила начало глобализации, став ее непосредственным источником.

Главным критерием развития мира стала материальная культура, которая постоянно увеличивала разрыв между народами, определив на столетия основной дискурс исторического движения. Появление универсальных критериев прервало естественно-исторический ход отдельных стран и регионов и положило начало качественно новому этапу развития. Первоначально восстановление конкурентоспособности связывалось этими странами с простым заимствованием очевидных преимуществ в промышленности и вооружениях, затем идея заимствования была распространена и на ключевые экономические и социально-политические институты западного мира. Вестернизация как доминирующая мировая тенденция первой половины XX века получила обоснование в теории модернизации, исходящей из всеобщности и универсальности социальных законов. Эта теория адаптировала формационный подход для отсталых стран, аргументировав переход от традиционного общества к совре-

менному и последовательное формирование новой материальной культуры и социально-политической организации на основе уже известного опыта европейской истории. Ее популярность была обусловлена тем, что все существовавшие в мире цивилизации в действительности уже не являлись традиционными — они были модернизирующимися, т. е. ищущими способ догнать и составить конкуренцию современному западному обществу, прежде всего в сфере материального производства. Из такого понимания выросло представление о модернизации как об особом, «догоняющем» типе развития. Оно подкреплялось опытом развития Германии и некоторых других европейских государств в конце XIX — начале XX века, которые заимствовали передовую технику, технологии и необходимые для их быстрого развития принципы организации индустриального производства, а также некоторые социально-политические институты.

Однако практика показала необоснованность такой стратегии для всего остального мира. Если рынок как естественная среда функционирования современной экономики и индустриальные технологии получили всеобщее распространение, то традиционные социально-политические институты и социокультурные традиции за пределами Европы в значительной степени были сохранены или получили самостоятельное продолжение. Более того, там сохранялась высокая роль государства в регулировании экономической деятельности.

Способность воспринимать и передавать знания и практические навыки — «диффузия цивилизаций» (У. Мак-Нил) продолжала развиваться и во второй половине XX века усовершенствовала механизм заимствований. В процессе освоения достижений Запада происходило заимствование не только экономических и политических институтов, но и инструментов преобразований — идей и концепций, которые вступали в сложные отношения с местной традицией. В результате модернизации экономики интеллектуальные элиты Востока восприняли западный рациональный метод мышления и социально-исторического поведения: как либеральный, так и социалистический. При этом социалистическое учение, оппозиционное империализму и колониализму и поэтому предоставлявшее довольно широкое пространство

для развития различного рода национальных идей, получило поддержку национально ориентированной интеллектуальной элиты. Интерес к нему значительно вырос после образования Советского государства, продемонстрировавшего на практике способность эффективно противостоять империалистическому диктату и самостоятельно развиваться.

Китайский опыт преобразований в течение последних 150 лет тем более ценен, что огромная по масштабам централизованная империя не была покорена европейскими державами и была вынуждена самостоятельно искать ответы на западное вторжение в отличие, например, от Индии, на протяжении нескольких поколений напрямую усваивавшей уроки Запада.

Воспринятый другими цивилизациями рационалистический взгляд на развитие вдохновил их элиты на создание собственных общественных теорий, в которых модернизация наделялась другим смыслом, близким к изначальному — она предполагала уже не приближение к современности по европейскому пути, а самостоятельное созидание современности. Сотворение истории, раньше доступное только европейскому человеку и европейской цивилизации, теперь получало повсеместное распространение. В авангарде этого процесса, естественно, оказались наиболее динамичные и успешные страны бывшей периферии, в первую очередь, Китай, активно разрабатывающий собственные концепции общественного развития. Отстояв право на национальную специфику внутри марксизма еще при Мао Цзэдуэ, с началом реформ Китай энергично продолжил формирование собственной теории общественного развития — «социализма с китайской спецификой», далеко уйдя от представлений аутентичного марксизма¹¹.

Эта традиция продолжается и усиливается в современном Китае, общественная мысль которого последовательно идет к созданию собственных концепций социально-исторического развития, подчеркнуто дистанцирующихся от западных социалистических идей. В соответствии с некоторыми из них «вторичная модернизация», или «неомодернизация», рассматривается как тип развития информационного общества, в равной степени применимый к развитым и развивающимся странам.

«Теория вторичной модернизации — это общая теория модернизации и развития цивилизации»¹².

Современная модернизация, таким образом, это интеллектуальный проект, первоначально возникший в Европе, а затем появившийся и в других цивилизационных ареалах как альтернатива их естественно-историческому типу развития. Национальный интеллект, а не вызовы природной среды и даже не заимствованные идеи, становится главным двигателем истории. Столкновение цивилизаций в таком контексте приобретает новый смысл — отныне это не борьба за территорию и ресурсы, а соперничество интеллектуальных проектов. Единицей модернизации в отличие от европейской истории является не национальное государство и культура, а цивилизация, которая ищет новую идентичность, альтернативную западной, и может в силу размера и веса гарантировать ее развитие. Как показывает практика, исходная мотивация интеграционных процессов в Азии и Латинской Америке, как, впрочем, и в Европе, лишь отчасти лежала в сфере экономики, приоритетность которой лишь точно отражала характер современности. Не менее важным мотивом интеграционных устремлений являлось ощущение исторической близости, цивилизационного родства и основанного на этом взаимного доверия.

Изменение мира в результате глобализации, признание жизнеспособности азиатских и других моделей, а также, в не меньшей степени, европейская интеграция во второй половине XX века показали, что на смену действующей модели истории, приходит другая, признающая субъектность за несколькими мировыми центрами. Одним из следствий реконфигурации мирового экономического и политического пространства и появления новых исторических субъектов — цивилизационных интеграционных группировок — стало нарушение привычного порядка отношений, структуры и субординации мирополитических субъектов, что существенно поменяло представление о характере современного развития. Преодоление мирового кризиса тесно связано с преодолением кризиса идентичности этих субъектов, в т.ч. в мировом процессе. До глобализации цивилизации были формой развития культуры. Глобализация привела их в

соприкосновение и наделила новыми функциями, превратив их еще и в главных субъектов международных отношений, которые должны выработать особые нормы поведения и этику отношений. На протяжении столетий цивилизации внутренне созрели, находя формы терпимости и сотрудничества, чтобы сейчас их продемонстрировать в отношениях друг с другом.

В чем отличие межцивилизационных отношений от межгосударственных? Прежде всего, в масштабе социально-экономической, исторической и культурной идентичности участников. У цивилизаций значительно больше мера ответственности в регионе, мире и перед историей, чем у других социальных субъектов, в том числе государств. Именно они обеспечивают непрерывность истории человечества и задают основные направления его развития, определяя пространство его возможной эволюции. Отношения между ними должны учитывать этот особый статус, при котором ни одна часть суверенитета не передается и не может быть передана другой цивилизации, за исключением жизненно важных для всего человечества ситуаций, потому что историческая ответственность цивилизации значительно выше политической ответственности, свойственной государствам. Это совмещение исторического и политического статуса предполагает очень высокую степень свободы и независимости, но и высочайшую степень ответственности.

Примечания

¹ URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD? page=4>

² URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD>)

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в 15—18 вв. М., 1986. Т. 1. С. 544.

⁴ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев—М., 2004. С. 13—14.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 50.

⁶ Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа.) М., 2002. С. 37.

⁷ Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2011. С. 131—132.

⁸ Мак-Нил У. Восхождение Запада... С. 13, 117.

⁹ Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // А. Тойнби. Постижение истории. М., 1991. С. 12.

¹⁰ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 140.

¹¹ Подробнее см.: Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008.

¹² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / под ред. Хэ Чуаньци. М., 2011. С. 40.

Научное издание

Доклады ИДВ РАН — 2011

Научный редактор *П.М. Кожин*
Корректоры *Н.Б. Потапова, А.С. Новикова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 14.11.2011.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 15,5. Бумага офсетная. Тираж 150 экз.
Заказ № 32